ЧЕСТЬ

ОТВАГА

Станислав Валах

В 1974 году исполняется 30 лет со дня освобождения Польши от немецких захватчиков. Книга Станислава Валаха воскрешает страницы борьбы польских патриотов в годы оккупации. Автор книги стал командиром партизанского отряда, а затем и начальником округа Армии Людовой, когда ему исполнилось немногим более 20 лет. В своих воспоминаниях Валах скупо, но очень документально рассказывает о суровых буднях партизанского отряда, действовавшего в трудных условиях на территории Польши.

ПАРТИЗАНСКИЕ НОЧИ

МУЖЕСТВО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга С. Валаха рассказывает о партизанской борьбе польских патриотов в годы второй мировой войны. Автор, командир партизанского отряда, подробно описывает, как партизаны устраивали диверсии на желейных дорогах, боролись с предателями, помогали местному населению. В книге использован большой фактический материал, что придает ей особый интерес.

- Партизанские ночи
  -
  - ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВОЗНИК ОТРЯД
  - ОТРЯД
  - РАЙХСАРБАЙТСДИНСТ[9]
  - ПЕРВОЕ ТРОФЕЙНОЕ ОРУЖИЕ
  - РАБОТА В СЕЛЬСКОЙ УПРАВЕ
  - ЛЕСНИЧЕСТВО В ПЖЕЦИШУВЕ
  - ПРОВЕРКА ОТРЯДА
  - ИЮНЬСКИЕ «РЕЛЬСОВКИ»
  - ЩУПАЛЬЦА ГЕСТАПО
  - 10 000 МАРОК НАГРАДЫ
  - СМЕРТЬ «СТРУГА»
  - «АЛЬБИН» В РУКАХ ГЕСТАПО
  - НАПАДЕНИЕ НА СТАНЦИЮ ХЕЛМ
  - Я СТАНОВЛЮСЬ КОМАНДИРОМ ОКРУГА АРМИИ ЛЮДОВОЙ
  - ОСВОБОЖДЕНИЕ «МУШКИ»
  - ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ГЕСТАПО
  - ПАРТИЗАНСКАЯ ВЕСНА
  - ВДЕВЯТЕРОМ ПРОТИВ СОТЕН
  - В ЗАПАДНЕ
  - ОКРУГ ВОЗРОЖДАЕТСЯ
  - СТОЛБЫ
  - НОВЫЕ ОПЕРАЦИИ
  - ЗНАМЕНА СВОБОДЫ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24

Партизанские ночи

ЧЕСТЬ • ОТВАГА • МУЖЕСТВО

СТАНИСЛАВ ВАЛАХ

ПАРТИЗАНСКИЕ НОЧИ

Москва
„Молодая гвардия"
1973

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВОЗНИК ОТРЯД

События, описываемые в этой книге, происходили во время последней войны на территории Хжановского района в Домбровском бассейне и в Верхней Силезии.

1 сентября 1939 года застало меня в родных Жарках в семи километрах от Хжанова.

Жарки ничем особенно не отличались от остальных деревень этого района, разве что бедность здесь была ощутимее. Скромные наделы не очень пригодной для посевов земли были не в состоянии прокормить своих владельцев. Тяжелые условия жизни вынуждали их искать заработков на стороне, часто даже за пределами страны.

Вскоре после известия о нападении гитлеровских войск на Польшу над Жарками завязался воздушный бой. Затаив дыхание следил я за сражением одного польского самолета с тремя гитлеровскими. Дерзкая его атака разбила строй гитлеровцев. Два вражеских самолета скрылись, а третий, атакованный поляком, принял бой. И вдруг я заметил, что за немецким самолетом потянулся шлейф дыма. Он летел за Вислу в сторону Освенцима. Многие из наших побежали поглядеть на сбитого пирата. Побежал за всеми и я.

Все брали из обломков самолета что-нибудь себе на память. Взял и я пулеметную ленту с патронами. Старательно смазав, я припрятал ее под сараем, как бы предчувствуя, что патроны мне понадобятся. И действительно, они пригодились нам, так как подходили к немецким маузерам.

Эта смелая атака польского летчика не раз вспоминалась позднее, когда я сражался с оккупантами в рядах Гвардии Людовой и Армии Людовой. Силы были неравными. Но мы вели борьбу до победного конца, нанося врагу ощутимые удары.

В Жарках царили волнение и неразбериха. Люди в тревоге ждали прихода немцев. Еще раньше к нам хлынула волна беженцев из Силезии. Спасаясь от военных действий, жители пограничных районов бежали в глубь страны.

Общей панике поддалась и моя семья. Мы погрузили на телегу наши скромные пожитки, привязали сзади корову и двинулись на восток. Продвигаться по дорогам, забитым войсками, возами и пешеходами, было нелегко. Над головами низко пролетали самолеты с черными крестами. Они поливали пулеметными очередями дорогу, не делая различия между армией и гражданскими беженцами. Убитых хоронили тут же, у дороги, раненых везли дальше.

Наша судьба окончательно решилась в одной из деревень под Краковом. Мы узнали, что немцы уже успели нас обогнать. А это означало, что бежать нам, по существу, некуда. Вскоре на шоссе послышался шум моторов. Сначала проехали солдаты на мотоциклах с колясками, потом появилось несколько танков, а за ними — грузовики с пехотой. Это были немцы.

Мы вернулись в Жарки. Здесь царили страх и уныние. В конце сентября на околице нашей деревни разместилась какая-то запасная часть вермахта. Сеть небрежно натянутых телефонных проводов нависла над нашими полями. Однажды провода оказались поврежденными, немцы сочли это диверсией. Командир артиллерийской части, размещенной в школьном здании в Либёнже, приказал произвести облаву. Людей вытаскивали из домов, из костела, а потом из более чем сотни арестованных отобрали восемь заложников, наиболее почтенных жителей Либёнжа. Немцы, правда, довольно быстро установили, что провод был оборван случайно телегой крестьянина, которому они же приказали привезти дрова для своей полевой кухни, но заложников продолжали держать под замком. Их выпустили только после того, как в немецкую кассу жителями Либёнжа был уплачен штраф в 17 тысяч злотых.

Атмосферу уныния и страха все время усугубляли рассказы наших односельчан, постепенно возвращавшихся в деревню, которую они покинули неделе две назад, безуспешно пытаясь уйти от войны. Вернулись не все — многие погибли от бомбежек и обстрелов, иные — в надежде, что где-нибудь на Висле или Сане наша армия остановит врага, а Франция и Англия окажут наконец обещанную помощь, — пошли дальше на восток вместе с армией. Но надежды эти рухнули, союзники нас предали, и польскому народу в эту трудную для него годину пришлось сражаться только собственными силами.

Наша деревня не относилась к числу крупных. В ней было около четырехсот дворов, большинство домов — под соломенной крышей. В таком же доме жил и я вместе с родителями. Отец мой, инвалид первой мировой войны, крестьянствовал на двух гектарах тощей земли. Я помогал ему как мог, но прокормиться было трудно. Поэтому за несколько лет до начала войны мне пришлось бросить учебу в Хжановской гимназии.

Хотя в большинстве своем все жители имели крестьянские хозяйства, до войны они вынуждены были, чтобы хоть как-нибудь свести концы с концами, тяжело трудиться на окрестных фабриках — на «Фаблоке», «Стелле» или на шахте «Янина». И, хотя заработки там были низкие, они дорожили работой, держались за место. Те, у кого не было постоянного заработка,

брались за любую работу, только бы хватило на кусок хлеба. Чаще всего прирабатывали, добывая уголь в примитивных самодельных шахтах. Одни копали уголь, другие его развозили. Я относился к числу тех, кто развозил уголь на продажу по окрестным деревням и местечкам. Нам часто приходилось сталкиваться с полицией, которая не разрешала такой «добычи» угля.

Именно эта трудная, суровая жизнь и стала моем школой. Пригодилась мне литература и пресса, которую иногда удавалось добыть у «Босняка» — Францишека Косовского. Хотя я и состоял с ним в родстве по матери, однако сначала не знал, что «Босняк» является секретарем подокруга КПП в Хжанове. «Босняк» говорил понятно, убедительно, горячо. Я слушал внимательно, каждое его слово западало в сердце.

Учила меня и сама жизнь: забастовки в Либёнже, Хжанове, Явожно, Плазе, сходки и демонстрации на 1 Мая, смерть пяти рабочих в борьбе с полицией на улице Кшиской в Хжанове в 1936 году, борьба рабочих Жарков и Либёнжа со штрейкбрехерами на шахте «Янина». Под влиянием этих событий и разговоров с коммунистами формировались мои убеждения, нетрудно было оказаться на стороне тех, кто боролся против существовавших тогда порядков, а потом — в изменившихся условиях — включиться в рабочее движение Сопротивления гитлеровцам.

Со многими из тех, с кем я сталкивался до войны, я встретился потом в рядах Польской рабочей партии, Гвардии Людовой и Армии Людовой. Большинство из них пали на фронте в трагические сентябрьские дни или же, подобно «Босняку», погибли при невыясненных обстоятельствах уже в первые дни войны.

С некоторым недоумением наблюдал я за тем, как оккупация изменила давно известных мне людей. В это трудное время проявились их истинные характеры. Я не говорю о случаях явного предательства и отступничества. Речь идет о поразительных изменениях в поведении людей, которые у нас слыли отважными, решительными, которым после какой-нибудь пьяной свадьбы приклеивали ярлык «забияки» и которые перед войной, не боясь полиции, шумели, ругая на чем свет стоит тогдашние порядки. Казалось бы, они должны включиться в движение Сопротивления. Однако, когда ставкой в игре стала жизнь, они притихли и довольствовались местом в задних рядах. Одновременно шел и обратный процесс — люди, на первый взгляд тихие и спокойные, не выделявшиеся ничем особенным, слывшие застенчивыми и немногословными, встали в ряды мужественных солдат. Такими были, например, «Альбин» — Станислав Ловец, «Щепан» — Щепан Пегзик, «Пильник» — Ян Чвик и многие, многие другие. Это были

люди бесценные, и когда смерть вырывала из наших рядов кого-либо из них, потеря была невосполнимой и горе самым искренним.

Вскоре после сентябрьского поражения, 26 октября, воеводства Силезское, Познаньское, Поморское, часть Краковского, Лодзинского, Келецкого и Варшавского были включены в состав «третьей империи». В ее границах оказались районы Живецкий, Бяльский, часть Хжановского, Вадовецкого и Олькуского[1]. В Хжановском районе граница шла от Остжежницы через Дуловую и Гроец до Вислы.

В отличие от так называемого Генерального Губернаторства, которое немцы рассматривали как гигантский трудовой лагерь, а поляков обрекали на полное уничтожение, на территориях, включенных в состав империи, оккупанты начали быструю и полную германизацию. Процесс этот продолжался во все время оккупации и особенно интенсивно в начале ее. Официальным языком стал немецкий, введено было немецкое государственное право, должности в административных учреждениях были укомплектованы немцами, были сняты все польские надписи и вывески. Такие старые польские города, как Хжанов, Бендзин, Освенцим, переименованы теперь в Кренау, Бенцбург, Аушвитц. В дело германизации включилась и немецкая наука, которая объединенными усилиями этнографов, археологов, историков, языковедов и антропологов «доказала», что земли, включенные в состав империи, являются исконными немецкими землями, а поляки, живущие на них, — это только пришлый элемент. Почти в каждом районе действовали научные комиссии, которые, препарируя факты, поставляли геббельсовской пропаганде псевдонаучные доказательства принадлежности этих земель к Германии.

Главными объектами, на которые было направлено онемечивание, стали школы и учащаяся молодежь. Специальными постановлениями ликвидировались все учебные пособия и учебники, в которых говорилось об истории нашей родины, о ее величии, о патриотизме поляков. Мероприятия эти проводились последовательно и очень тщательно.

В циркуляре от 16 мая 1940 года, направленном руководителям всех польских средних школ на территории Хжановского района, правительственный советник в Хжанове доктор Цантнер приказывал немедленно изъять восемь учебников из общего числа пятнадцати, по которым проводилось до этого обучение в наших школах.

В том же году представитель немецкой администрации в Хжанове, некий Метц, в своем циркуляре от 18 ноября 1940 года

напоминал директорам школ о так называемой «ответственности за соблюдение порядка в школе».

> «Ни в коем случае, — говорилось в этом циркуляре, — ни в классных шкафах, ни в канцелярии не дóлжно хранить запрещенные польские книги, картины или карты. Все картины, используемые в качестве учебных пособий или для украшения стен, должны иметь немецкие надписи»[2].

После «научного» доказательства немецкого происхождения жителей Хжановского района и онемечивания программы польской школы поляки могли теперь стать гражданами империи и быть занесенными в одну из четырех групп Дойче фольклисте (ДФЛ). Тем, кто мог похвастаться немецкой кровью в своих жилах или службой в армии захватчика — немецкой или австрийской, — гитлеровские власти охотно отводили одну из групп ДФЛ. Занесение в списки немецкой национальности происходило в обстановке террора и репрессий. Населению грозили арестами, выселением из жилищ, лишением работы, конфискацией имущества, переселением[3].

Угрозы эти последовательно приводились в исполнение. Около миллиона человек было выселено в Генеральное Губернаторство, тысячи сосланы в глубь Германии на принудительные работы, в лагеря уничтожения.

Поначалу, в основном исходя из соображений экономического порядка, местные гитлеровские власти в Хжановском районе выдвигали на первый план целенаправленное онемечивание польского населения, но потом, отказавшись от этого намерения, проводили политику систематического уничтожения лиц польской национальности.

В тех областях, которые немцы планировали сделать подобием прусских хозяйств, генеральной проблемой стало заселение их немцами. К процессу этому оккупанты подготовились необычайно скрупулезно. Уже в первые месяцы 1940 года соответствующие немецкие учреждения составили подробнейшие карты большинства польских территорий, которыми и пользовались при угоне с земли польских крестьян и организации немецких земледельческих хозяйств.

Выселение производилось преимущественно по ночам. Дома, улицы и целые деревни неожиданно окружали солдаты, а потом подъезжали грузовики с гестаповцами. Я наблюдал подобные операции на хжановской земле.

В усадьбах, владельцев которых не выселили, работали комиссии, составлявшие опись всего имущества, движимого и

недвижимого. Ничего нельзя было трогать без ведома немецких властей, поскольку все теперь стало имперской собственностью, только временно переданной полякам для пользования. На заборах и стенах домов были расклеены сотни извещений и распоряжений. Наиболее часто повторялись в них слова «ферботен» — запрещается и «тод» — смерть. Для каждого хозяйства были установлены высокие нормы поставок сельскохозяйственных продуктов. Кто не мог справиться с этими поставками, подлежал суровому наказанию за «хозяйственное вредительство». Именно за это преступление немцы и арестовали моего отца в январе 1942 года. Нам не разрешили даже попрощаться с ним. То, чего отец не мог сказать словами, сказали его глаза — он прощался со всеми нами, прощался с соломенной крышей, под которой он родился, с деревьями, которые он посадил. Прощался, как оказалось, навсегда.

С момента ареста отца я начал жить на полулегальном положении. Отца отправили в тюрьму в Мысловицах. Наши хлопоты о его освобождении не дали никаких результатов. Единственное, что нам удалось, это получить пропуск на свидание с ним. Навсегда запечатлелся в моей памяти тот мартовский день, когда мне разрешено было в последний раз увидеться с отцом.

Мать приготовила передачу — несколько кусков черного хлеба, поджаренного на смальце. Когда я подошел к воротам тюрьмы, стражник попытался прогнать меня. Я показал ему пропуск. Он прочел его и нажал кнопку звонка. В волчке появилась половина лица охранника. Он сказал что-то по-немецки. Я протянул пропуск. Минуту спустя калитка в тюремных воротах распахнулась, и голос из темноты приказал мне войти. Меня охватило жутковатое чувство. Мне казалось, что я попал в клетку и дверца ее захлопнулась. Ощущение это еще больше усиливали решетки на окнах тюремных корпусов.

Охранник, стоявший у ворот, передал меня другому. Тот смерил меня презрительным взглядом и повел к зданию, в котором мне предстояло встретиться с отцом. В небольшом зале, перегороженном толстой железной решеткой, я с волнением ждал встречи.

Через пятнадцать минут дверь за решеткой открылась. Вошел заключенный в серой тюремной одежде и, постукивая деревяшками на ногах, направился к решетке. За ним двигался охранник.

Сердце мое мучительно сжалось, горло перехватило, руки дрожали. Этим заключенным был мой отец. Как разительно он отличался от того человека, чей образ хранила моя память.

Исчезли куда-то его сухость, ясный взгляд и легкость движений, которой я так завидовал в детстве и которой так старательно пытался подражать когда-то.

Отец, стоявший теперь передо мной, вызывал чувство жалости. Он был так худ и бледен, что казался прозрачным. На лице были следы побоев. В глазах притаился страх.

Отец подошел к решетке.

— Стах…

— Папа…

Он остановился взглядом на пакетике, который я держал.

— Есть хлеб?

Я развернул пакет и подал ему кусок хлеба. Он судорожно вцепился в него и принялся жадно есть.

Стоявший до этого в стороне охранник одним прыжком очутился рядом с ним. Одной рукой он схватил отца за горло, а другой вырвал хлеб. На нас с отцом обрушился поток грязной ругани. Охранник заорал, что свидание закончено, и изо всей силы оттолкнул отца от решетки. Отец упал и не мог подняться. Охранник схватил его за воротник и выволок из зала. Бессильный помочь отцу, я только молча смотрел ему вслед.

Дома я несколько в ином свете представил это свидание. Мне не хотелось добавлять страданий семье.

Вскоре отец погиб в Освенциме. В официальном извещении о смерти лаконично сообщалось, что он умер из-за болезни сердца и тело его кремировано.

Как он погиб, я мог представить без особого труда. Я ведь знал, в каких условиях жили люди за оградой из колючей проволоки. Свежо было в памяти мое однодневное пребывание в Освенциме, когда эта гигантская фабрика смерти еще только начинала свою мрачную работу.

Для строительства этого места казни народов всей Европы немцы, помимо пленных, использовали людей, проживавших в окрестностях Освенцима. Владельцам лошадей и телег было приказано явиться к старостам. Вместо отца поехал я вместе с соседом Францишеком Дудеком.

Этот один-единственный день, проведенный на территории лагеря, врезался навсегда в мою память.

Гитлеровцы повсеместно проводили германизацию различных районов, включенных в состав «третьей империи». Формально в Силезии поляков осталось мало. Однако эти «новые граждане империи» доставляли оккупантам немало хлопот и разочарований. В немецких отчетах о них говорилось, что ряды Сопротивления постоянно пополняются.

И население Силезии, Домбровского бассейна и районов Краковского воеводства, сохраняя видимость покорности, боролось с оккупантами всеми доступными средствами. Широкое распространение получило пассивное сопротивление и промышленный саботаж. Производительность труда на предприятиях резко упала, инструменты и оборудование изнашивались гораздо быстрее, повысился расход горючего. На железной дороге возросло число столкновений поездов, вагоны с военными грузами неделями простаивали в каких-нибудь тупиках или «по ошибке» отправлялись обратно в Германию вместо того, чтобы следовать на восток.

С самых первых дней оккупации начали появляться конспиративные группы и организации различных политических направлений. Из левых организаций наиболее активными были «Кружок друзей Советского Союза» и «Общество друзей СССР», «Друзья Советского Союза» и «Революционное движение Сопротивления». Многочисленными были также группы «Серпа и молота». Помимо перечисленных, было много других, не всегда имевших названия местных левых группировок. В первые же месяцы 1940 года по инициативе Павла Деды в Хжанове была организована группа из нескольких человек, которая, сохраняя традиционные формы организации КПП, поставила перед собой задачу установить контакт со всеми бывшими активистами партии и проводить так называемый тихий саботаж на производстве. Среди членов группы были Францишек Венцлавек, Ян Дудек и Петр Хжонсцик. В том же самом году возникли и другие группы в Либёнже, Явожно, Плазе, Боленцине, Погожице, с деятельностью которых были связаны имена Томаша Барановского, Станислава Трача, Юзефа и Людвика Трыбусей, Яна Леся, Эугениуша Трепы и Эдварда Цекеры.

После роспуска КПП в 1938 году коммунистическое движение в Польше оказалось раздробленным. Это затруднило выработку единой программы борьбы с оккупантами.

В кругах бывших членов Коммунистической и Социалистической партий Польши царило убеждение, что необходимо вести борьбу с фашизмом. Призыв этот был, конечно, не нов, но новыми были условия, в которых приходилось теперь вести борьбу на польской земле.

Несмотря на то, что Красной Армии приходилось вести тяжелые оборонительные бои, мало кто верил в возможность победы Германии над СССР. Придумывались самые различные аргументы. Вспоминали о Наполеоне, об огромных просторах страны, о суровых зимах и храбрости советских солдат. Каждый придумывал себе утешения, какие только мог. Жилось тяжело.

Немцы крикливо праздновали свои победы и со дня на день дожидались вестей о взятии Москвы. В те дни поляки поддерживали себя слухами, сплетнями, различными пророчествами — всем тем, что могло хоть как-нибудь утешить их, позволить забыть жестокую действительность. Но вот прошло несколько месяцев, и немецкое наступление увязло под Москвой — и люди увидели в этом новое неопровержимое доказательство своих предчувствий, что, в свою очередь, подняло новую волну оптимизма и веры в победу.

Первые месяцы 1942 года были для польских коммунистов и деятелей левых группировок поворотным моментом огромного значения. Была создана Польская рабочая партия.

Приблизительно в последних числах января в Домбровский бассейн прибыл член инициативной группы, представитель Центрального Комитета ППР Роман Слива — «Вебер», который после налаживания контактов с коммунистами, действовавшими в рамках прежних нелегальных объединений, приступил к созданию единой политической организации — Польской рабочей партии.

В состав первого окружного комитета ППР Домбровского бассейна вошли такие организаторы и активисты тайных левых организаций, как Ян Солярский, Владислав Смулка, Игнаци Каляга, Юзеф Новак, Чеслав Грущинский, Станислав Кшинувек и Антони Столярский.

В этот же период в хжановском «Фаблоке» коммунисты, пепеэсовцы, сочувствующие КПП и сторонники левых взглядов выбрали из своей среды подокружной комитет ППР, который вместе с подокругами Сосновецким, Домбровским и Стшемишинским образовали округ ППР Домбровского бассейна.

Секретарем Хжановского подокруга стал «Осет» — Францишек Венцлавек, довоенный профсоюзный деятель, а членами комитета были избраны: «Олек» — Томаш Барановский, Владислав Цыган из Бычины, «Огродник» — Ян Рейдых из Мысляховец, братья Лукасики, Стефан Бохенек из «Фаблока», Петр Хжонсцик из Плазы, Павел Деда из Косцельца и Адам Хенек из Серши.

Поздней весной 1942 года во время встречи деятелей «Кружка друзей Советского Союза» с Романом Сливой был создан также окружной комитет ППР в Бельске. Встреча происходила в лесу, в районе Старой Веси. В состав комитета были избраны «Марцин» — Юзеф Мага, «Марек» — Леон Вечорек, «Тварды» — Леон Лясек, «Слоньце» — Станислав Буляж и «Канонир» — Юзеф Клюска.

К несчастью, вскоре после этого выдающегося события в руки

немецкой жандармерии попал Станислав Буляж. Он был слишком опытным подпольщиком, чтобы не понимать, насколько важно жандармам раскрыть только что созданную организацию. Возможно, он боялся пыток или считал, что не выдержит следствия. Когда немцы возили его по району, пытаясь заставить раскрыть адреса конспиративных квартир и партийных товарищей, он 24 июля на перроне Хжановского вокзала бросился под колеса подъезжающего поезда.

Весть о создании партии я встретил с огромной радостью. Эту долгожданную новость сообщил мне в июне 1942 года мой давний знакомый из Либёнжа «Макар» — Макар Юрчик. Через несколько дней, 1 июля, я вступил в члены ППР и стал солдатом Гвардии Людовой.

Уже довольно длительное время я поддерживал непосредственный контакт с Юрчиком и теперь через него получал первые задания. Я приходил, а зачастую приезжал к нему на велосипеде, под предлогом какого-нибудь мелкого ремонта. «Макар», помимо того, что трудился слесарем на «Фаблоке», подрабатывал дома ремонтом мелких хозяйственных механизмов, велосипедов, колясок и прочего. Он был старше меня на несколько лет.

Очень часто, обдумывая формы и методы борьбы с оккупантами, я подыскивал в памяти примеры, которые могли бы быть использованы в наших условиях. И неизбежно приходил к одному выводу — партизанская борьба. Это не было открытием. Призыв к организации партизанских отрядов был нам уже хорошо известен. Однако в Силезии, в состав которой входили теперь и хжановские земли, это было связано с невероятными трудностями. Где будет располагаться база отряда? Где отряд будет укрываться? Какими должны быть методы борьбы? К какой тактике должны прибегать партизаны, чтобы не оказаться полностью уничтоженными после первого же выступления? Размышления не очень помогали. Ответы на все эти вопросы могла дать только непосредственная борьба с врагом. После трех-четырех месяцев совместной работы «Макар» свел меня с «Болеком» — Станиславом Бараном, секретарем района Либёнж. Знакомы мы были давно. Теперь нас еще больше сблизила работа в рядах одной организации. Я многому научился у него за те два года.

«Болек» был опытным деятелем рабочего движения еще в междувоенный период. Несмотря на молодость, он дважды эмигрировал во Францию в поисках работы. И каждый раз его депортировали. Была установлена его принадлежность к

польской секции ФКП. На родине, будучи коммунистом, он также не мог найти работу. За активную деятельность в рядах КПП «Болек» был заключен на два года в тюрьму святого Михаила в Кракове. После отбытия наказания он продолжал работу в рядах КПП. Раненный во время сентябрьской кампании, он лечился в Лодзи. Затем пробрался в Хжановский район. Он был уверен, что именно здесь найдет благоприятную почву для конспиративной работы.

С первых же дней оккупации он жил и работал на нелегальном положении. В июле 1942 года я тоже последовал его примеру и распрощался с родным домом.

Решение это чисто случайно совпало с вызовом меня в полицейский участок в Либёнже. Не знаю, зачем я понадобился немецкой полиции — возможно, в связи с арестом отца, а может, и по какому-то другому делу. Но я решил, что в полицию не пойду. Слишком жив еще был в памяти образ измученного голодом и издевательствами отца, а также сцены, свидетелями которых я был в Освенциме. На вызов по повестке я не явился. Через два дня за мной прибыл немецкий жандарм. Я перед самым домом занимался починкой велосипеда и не заметил полицейского Либеру. Его узнал мой младший брат. Крик «Сташек, Либера!» заставил меня вскочить на ноги. Я моментально оценил положение. Еще была возможность спастись бегством. Я бросился бежать через луга к близлежащему лесу. Не успел я добежать туда, как раздались выстрелы: в первый раз стреляли в меня.

Либера хотя и считался лучшим стрелком среди полицейских Либёнжа, имея на своей совести уже несколько жертв, на этот раз промазал.

С той поры я пребывал преимущественно в лесу до самого освобождения. Однако я часто наведывался в родной дом и даже некоторое время скрывался там в хитро сделанном укрытии. Оно находилось над каменным потолком погреба и имело два выхода. Один выводил через чердак по длинному туннелю, вырытому в сене, а второй — через кладовку и тщательно замаскированное отверстие в потолке. Этим убежищем, хотя оно было неудобным и низким (ведь, если говорить откровенно, в нем с трудом можно было сидеть, и то только держа голову между коленями), пользовались многие из моих товарищей по борьбе.

До конца дней моих останется в памяти узкая щель в стене, сквозь которую я мог наблюдать крохотную частицу внешнего мира. Днем я не мог покидать укрытие — ведь любой полицейский в округе мог знать мою внешность. В нашем районе у полиции имелись весьма внушительные силы и густая сеть

постов. Но не только полиции приходилось нам остерегаться. Первому же попавшемуся немцу в военной форме или переодетому в штатское гестаповцу могло прийти в голову потребовать у меня документы, задержать или отвести в участок. Такой поучительный случай произошел со мною на третий же день после столкновения с Либерой. Я скрывался тогда в лесу, проголодался и присел на полянке, собирая землянику. Слова «Хэнде хох!» прозвучали как гром среди ясного неба.

Я чуть было не подавился ягодами. Оглянувшись, почувствовал, что у меня мурашки забегали по коже, — в нескольких шагах стоял лесничий с двустволкой наизготовку, а большой пес, заходя слева, с ворчанием готовился к прыжку.

«Это конец», — промелькнуло у меня в голове.

Но тут же я услышал мужской голос, говорящий по-немецки:

— Я его знаю. Он из Жарок.

Рядом с лесничим появился Теодор Сивец, мой односельчанин. Он знал, что три дня назад я убежал из дому, преследуемый выстрелами Либеры. Встреча с давним знакомым вселила в меня надежду. И не напрасно. Сивец и в самом деле принялся уговаривать лесничего отпустить меня — он, мол, хорошо знает и меня и мою семью, а особенно Мацея Валаха, моего дядю по отцу, который много лет проработал лесником в Доннерсмарке.

— А что он делает в лесу? — продолжал все же допытываться немец.

Все это время я стоял, подняв руки вверх. Наконец немец дал себя уговорить и отпустил меня. Так в самом начале партизанской карьеры мне был преподан суровый урок. Уже тогда я дал себе слово как можно меньше расхаживать днем, и обещание это я старался не нарушать до самого конца оккупации. Только в исключительных случаях выходил я днем, но и тогда у меня было постоянное ощущение тревоги и напряженности. Зато по ночам я чувствовал себя свободно и почти в безопасности.

Семья Сивецов, которую включили в одну из групп фольксдойч, так как нашли у них какого-то немецкого предка, были людьми порядочными. Они оказали нам немало ценных услуг и всем своим поведением доказали, что никогда не переставали считать себя поляками. Сам Сивец работал мастером на фабрике, его жена Зофья была начальницей почты в Либёнже. Случилось так, что с семьей Сивецов связаны два наиболее драматических момента в моей жизни. Сивец уговорил лесничего отпустить меня и тем самым спас мне жизнь. Подобную же услугу оказала мне и его жена. Работая на почте, она перехватила анонимку, адресованную в полицию, в которой какой-то подлец

доносил о том, что я скрываю оружие. Она известила об этом моего дядю Мацея, а он — мою мать. Я находился тогда как раз дома и никак не мог ожидать появления немцев. За несколько лет Зофья Сивец насобирала объемистую пачку доносов и писем, которые, дойди они до адресата, могли бы стоить жизни не одному честному человеку.

Поэтому после освобождения я с особенным удовольствием мог засвидетельствовать сотрудничество семьи Сивец с польским движением Сопротивления.

Не хотелось мне расставаться с хжановской землей, несмотря на то, что именно здесь меня разыскивала немецкая полиция. Некоторые знакомые советовали мне покинуть эти места и заняться какой-нибудь работой, чтобы переждать войну. Я, конечно, не прочь был пережить войну, но предпочитал это делать с оружием в руках. Я все яснее сознавал, что только борьба с оружием в руках может быть ответом на преступления гитлеровцев, обрекших наш народ на уничтожение. В близлежащем Освенциме реализовывался чудовищный план массового истребления. До моей деревни доносило ветром запах сжигаемых трупов. Днем над лагерем стояли тучи черного дыма, ночью пылало неугасавшее зарево. Гитлеровская фабрика смерти работала без остановки. В редкие минуты передышки освенцимские палачи выезжали в близлежащие леса поохотиться. Лесничество в Пжецишуве было хорошо снабжено современными охотничьими ружьями. Мы об этом дознались и твердо решили, что оружие попадет в наши руки, как только нам удастся организовать боеспособный отряд.

Местность, где нам предстояло действовать, была трудной. Здесь не было ни обширных лесов, ни горных массивов. Введенный гитлеровцами порядок изрядно затруднял передвижение. Неудобной для нас была и близость друг к другу населенных пунктов, в которых размещались довольно сильные полицейские участки.

Перечисляя трудности, я вместе с тем хочу подчеркнуть, что положение наше в значительной степени облегчалось патриотическим поведением польского населения, особенно представителей рабочего класса. Это они непрестанно пополняли ряды партии и Гвардии Людовой. И люди, которые формально не состояли в партии или в подпольных организациях, с риском для жизни оказывали нам помощь и поддержку.

Мне хотелось бы особенно подчеркнуть, что за все время оккупации нам не приходилось сталкиваться с врагами из-за угла. Этой проблемы у нас не было. Возникли различные подпольные группировки, которые ставили перед собой разные цели, но враг у

всех был только один — гитлеризм! Братоубийственных трагедий у нас не было.

ОТРЯД

Вместе с «Болеком» я приступил к формированию первого партизанского отряда. Начал я с ближайших своих товарищей. Так получилось, что были это преимущественно мои соседи. «Альбина» — Станислава Ловеца, «Сташека» — Станислава Птасиньского и «Повалу» — Тадеуша Косовского я знал с детства. Я чувствовал, что имею на них влияние, а они, в свою очередь, доверяют мне. Гитлеровская оккупация еще больше сблизила нас.

Скрываясь от немцев, я продолжал встречаться с друзьями. И вот, наконец, наступил день, когда я открыл им свою принадлежность к партии и Гвардии Людовой. Радуясь оказанному доверию, они тут же с энтузиазмом объявили о своей готовности бороться вместе со мной в рядах Гвардии Людовой. К сожалению, тогда я еще не мог взять их сразу в лес. По заведенному порядку мм сначала были поручены различные задания. Ребята отлично справились с ними. Вся эта тройка пережила годы оккупации. Они погибли после освобождения, в борьбе с бандитским подпольем краковского воеводства, защищая молодую народную власть[4].

«Альбину» не очень нравилась отведенная ему роль. Он настаивал на том, чтобы мы взяли его с собой в лес. Я ему объяснил, что пока это невозможно, и пообещал как можно скорей исполнить его желание. Спустя некоторое время «Альбин» действительно оказался в лесу в рядах партизанского отряда. Тадек Косовский и Станислав Птасиньский продержались все время оккупации на положении «легальных»[5].

Встречи и беседы с «Болеком» в окрестностях дома лесника «Адама» — Винцента Познаньского, в которых затем стали принимать участие «Юзек» — Юлиан Рембеха и «Валек» — Юзеф Шалёнек, привели к тому, что к первым числам ноября 1942 года образовался лесной партизанский отряд Гвардии Людовой. Первыми его солдатами стали «Болек», «Юзек», «Валек», «Адам» и я. Командиром отряда был «Болек», я — его заместителем.

Вскоре я приступил к формированию собственного отряда. В Менткове у меня было много старых друзей. В состав отряда вошли следующие гвардейцы: «Личко» — Юзеф Кумаля, «Казек» — Станислав Бебак, «Тадек» — Францишек Косовский и «Винцент» — Винцент Косовский. Неофициально отряды эти назывались отряд «А» (группа из Либёнжа) и «Б» (ментковская группа). Обычно для их обозначения мы пользовались названием местности, где отряды возникли.

Группы состояли из «нелегальных» солдат. Через несколько

недель их численность увеличилась — в каждой из них стало по 12—15 гвардейцев, тесно и непосредственно связанных с партизанской деятельностью. Были это, следовательно, отдельные партизанские отряды, входившие в состав одного соединения и способные вести самостоятельные боевые действия. Эта нигде не виданная структура партизанских подразделений сформировалась в результате необычайных условий борьбы в Силезии. Как правило, отряды действовали самостоятельно, но в случае необходимости они объединяли свои силы.

Обрекая себя на трудности лесной жизни, мы не предполагали, что становимся партизанами первого отряда Гвардии Людовой на всей территории земель, включенных в состав империи.

Первенство это, может быть, и почетно, но положение наше было незавидным. Другие отряды зачастую имели связных, инструкторов, офицерские кадры, им сбрасывали грузы с самолетов, а нас, когда мы единственный раз вглядывались в небо, высматривая контейнеры с обещанным оружием, уже окружили силы вермахта, полиции и гестапо; они-то и организовали эту заброску грузов, чтобы собрать отряд в одно место и уничтожить его окончательно! Даже самолета для нас не пожалели! Однако людей преданных, искренних, горячих у нас всегда было достаточно.

При образовании партизанского отряда нам пришлось столкнуться с такими проблемами, как подготовка укрытий для солдат, добывание оружия, питания и прочего.

Принципы конспирации и необходимость оперативных действий лишали нас возможности постоянно укрываться в домах наших товарищей. Проблему эту мы решили, построив несколько землянок и бункеров в лесу. Первые из них мы оборудовали уже осенью 1942 года в Либёнже на складе древесины, в лесу за станцией и в каменоломне, а также в Смуге недалеко от Жарок и в лесу под Ментковом. С помощью семей наших партизан мы подготовили у них в домах укрытия, которыми впоследствии неоднократно пользовались.

Делом первой необходимости стало добывание оружия. Вооружение наших групп было плачевное. У ментковских партизан был, например, карабин с двумя патронами, старого типа револьвер и лента с пулеметными патронами. Не лучшим было положение и либёнжской группы. Некоторые надежды на получение оружия мы связывали с товарищами из хжановской партийной организации. Однако аресты, последовавшие в результате провокации в Оцепки[6] в январе — феврале 1943 года, значительно затруднили эту помощь.

Самое худшее было в том, что партийный комитет подокруга перестал существовать, многие товарищи были арестованы, нарушились контакты между районами и руководством округа Домбровский бассейн.

Несмотря на значительные трудности, благодаря энергичной и напряженной работе Томаша Барановского — «Олека» в скором времени был создан новый партийный комитет подокруга. «Олека» избрали секретарем восстановленной организации.

У меня появились новые обязанности, я должен был наладить постоянные связи с партийным руководством подокруга и обеими партизанскими группами отряда. Это вынуждало меня почти постоянно находиться в движении. Обязанности заместителя командира отряда и командира ментковской группы требовали от меня личного участия в подготовке и проведении боевых действий обеих партизанских групп.

Местом встреч для решения всех вопросов были кафе и рестораны, а также лес. Одна из таких точек находилась неподалеку от уже упоминавшегося домика лесника «Адама».

Именно здесь в один из мартовских дней 1943 года я и «Болек» встретились с «Игнацем» — Юлианом Сливиньским[7] из окружного комитета бассейна и с секретарем подокруга Хжанов — «Олеком».

На совещании обсуждались вопросы, посвященные нашей прежней деятельности, формам и методам борьбы в специфических условиях районов, включенных в состав «третьей империи», положению на фронтах и задачам, стоящим перед партизанами.

По всем этим вопросам выступал «Игнац». Его опыт борьбы с фашистами, приобретенный им в интернациональной бригаде в Испании, имел колоссальную ценность для нашей подпольной работы.

«Игнац» нам и сказал о главном задании партии: борьба за рельсы, то есть уничтожение вражеских железнодорожных составов и железнодорожного полотна. В наших районах такую борьбу можно было вести с большой эффективностью. Дело в том, что именно здесь сходились железнодорожные линии главной магистрали Силезия — Краков — Львов.

Приказ главного командования Гвардии Людовой был прост и понятен. Но выполнить его было нелегко. Откуда взять необходимое количество взрывчатки, где добыть инструменты для развинчивания стыков на рельсах? Из чего делать мины? Тогда мы считали, что единственным верным способом является подрыв эшелонов.

Соответствующие задания получили наши товарищи,

работавшие легально на шахтах и в каменоломнях. Мы могли на них положиться. «Сигары», или «кишки» (так мы называли динамитные заряды, используемые на горных разработках) начали вскоре поступать в отряд.

Однако прежде чем воспользоваться ими, мы решили попробовать мину, принесенную «Игнацем».

Через несколько дней после совещания, на котором «Игнац» передал нам приказ Главного командования Гвардии Людовой, мы встретились снова. На этот раз мы обсуждали план действий и выбор места, где следовало взорвать гитлеровский военный эшелон. Ежедневно около полутора десятков таких составов проходило мимо нас на восток и на юг. Положение немцев на восточном фронте было неважным. После сталинградского поражения они решили любой ценой отыграться и перебрасывали на восток войска из Франции и с Балкан с тем, чтобы подготовить новое наступление в районе Орла и Белгорода в направлении на Курск. В таких условиях приказ партии и чувство патриотического долга требовали от нас срочных действий. Мы все прекрасно понимали это.

По совету «Игнаца» мы решили устроить взрыв на отрезке железнодорожной линии Освенцим — Пжецишув, недалеко от места, где скрывалась ментковская группа. Это была наша первая боевая операция такого рода, серьезно отличавшаяся от проводимых ранее «снабженческих» операций.

Мы решили, что операцию эту проведет ментковская группа под моим руководством.

Получив у «Игнаца» мину, я осторожно отправился с нею через либёнжские леса к Менткуву на Вислу, где по другую сторону реки мы должны были использовать ее на следующую ночь.

По пути я все время раздумывал над тем, как лучше добраться до железнодорожного полотна? Где и на каком расстоянии от заложенной мины расставить наблюдателей? Какими сигналами поддерживать связь между нами и дозором? Продумывал я и пути отхода. Десятки мыслей метались у меня в голове. Я старался направить их в одно русло, придать им форму плана, приказа, которые мне предстоит отдать через несколько часов.

В «бункере» меня дожидались «Казек», «Личко», «Тадек» и «Винцент». У них радостно сияли глаза, когда я говорил им о предстоящем деле. С любопытством приглядывались они к мине. Посыпались вопросы, как именно мы подорвем поезд. Я представил им мой план. Ребята обсудили его и признали правильным. Мы были уверены, что поезд взлетит на воздух.

Поздним вечером направились к месту, где обычно «Винцент» переправлял нас на другой берег реки. Он уже был наготове. Наше вооружение состояло из карабина, пистолета и старого охотничьего ружья. Переправа через Вислу заняла не много времени, хотя весенние воды и разлились шире обычного. «Винцент» остался в лодке. Он должен был прикрывать нас со стороны реки во время операции.

Мы двинулись дальше. Лугами добрались до железнодорожной насыпи. «Личко» и я вышли на полотно. Кругом царило спокойствие, не было видно ни одной живой души. Я подозвал «Тадека» и «Казека». Руками нащупал соединение двух рельсов.

— Здесь подложим мину, — сказал я.

«Личко» и «Тадек» принялись выбирать щебенку между шпалами. Получившаяся выемка оказалась слишком мелкой для мины. Вместе с «Личком» и «Тадеком» мы голыми руками начали подрывать твердую, еще не оттаявшую землю. В образовавшуюся ямку положили мину таким образом, чтобы рычажок ее находился над рельсом. Придавленный колесами паровоза, он вызовет взрыв. Я уже представлял себе стальное тело паровоза, взлетающее в воздух.

Установив мину, мы отошли на безопасное расстояние и спрятались в кустарнике. Минуты ожидания тянулись бесконечно. Время от времени кто-либо бормотал:

— Хоть бы скорее подошел…

— Идет… — прошептал я.

Издалека, со стороны Освенцима, послышался мерный шум приближающегося поезда. Стук колес отзывался ритмом какой-то веселой народной песенки.

В темноте засветились огни паровоза. Рассыпая искры, он с большой скоростью приближался к подготовленной западне. Сердца наши колотились все сильнее, руки сжимали оружие. Он-все-бли-же, он-все-бли-же, он-все-бли-же… Грохот — и темнота на мгновение озаряется вспышкой. Взрыв мины едва ли был сильнее взрыва нашей радости. Однако радость эта была короткой. Эшелон с военным грузом спокойно двигался дальше. Теперь мне казалось, что колеса насмешливо выстукивают слова гитлеровского лозунга: «Алле-ре-дер-рол-лен-фюр-ден-зиг»[8].

Разочарование было огромным, а главное — неожиданным. Особенно для меня, поскольку я был уверен в успехе. Этой уверенностью я заразил и своих ребят. И сейчас, когда наши надежды рухнули, я чувствовал себя неловко. Почему же так получилось? Когда хвостовые огни поезда растаяли в темноте, я вернулся на рельсы. Результаты взрыва были более чем скромные.

Поврежденная шпала, разбросанная щебенка, чуть погнутый рельс — вот, собственно, и все. Мне стало ясно, что заряд был слишком слабым.

Разочарованный, я возвращался с гвардейцами в Малы Ментков на нашу базу. В бункере ребята старались меня всячески утешить. Для них сам факт взрыва мины казался уже успехом. Для меня же, к сожалению, дело обстояло иначе. Я в известной степени чувствовал себя ответственным за эту неудачу.

А ведь я так же, как и остальные, не имел еще опыта партизанской борьбы. Поначалу в наших рядах вообще было мало людей с опытом. А если он и был у кого, то условия наши отличались от тех, где был приобретен этот опыт. Я пытался найти в истории польского народа примеры, которые можно было бы использовать в наших условиях, применительно ко второй мировой войне, и не мог их найти. Сложившиеся в Силезии условия резко отличались от тех, в которых приходилось вести борьбу другим отрядам польских партизан. Знание и опыт приходилось накапливать только в ходе боевых действий. «Битва за рельсы» стала теперь темой почти каждого совещания, будь то с «Игнацем», «Олеком», «Болеком» или с солдатами отряда.

Мы твердо знали, что нам прежде всего надо добыть больше оружия, взрывчатки и соответствующих инструментов, а также обеспечить себя продуктами. А потом уже зеленый цвет сигналов железной дороги сменится красным.

РАЙХСАРБАЙТСДИНСТ [9]

В районе наших действий, в Хелмеке, был расположен учебный центр Райхсарбайтсдинста. Помимо работы на военных объектах, молодые немцы проходили здесь допризывную подготовку.

С расположением казарм я ознакомился еще в самом начале оккупации, когда возил туда уголь. Тогда же я разузнал назначение отдельных зданий. Теперь наблюдения эти мы решили использовать для того, чтобы раздобыть оружие в казармах.

Планируя эту операцию, мы рассчитывали, помимо оружия, добыть и радиоприемник, необходимый для пропагандистской работы.

С нашими силами и вооружением мы не могли рассчитывать на успех в открытом бою. Поэтому я предложил «Болеку» провести операцию силами одной либёнжской группы. И оружие и приемник предстояло захватить незаметно.

Было начало апреля 1943 года. В лесу лежали еще остатки снега, а большие полосы его белели на полях, когда ночью под ледяным дождем мы шлепали по направлению к казармам.

Нас было четверо: «Юзек», вооруженный охотничьей одностволкой, «Болек» с парабеллумом, «Валек» со старым карабином и я с никелированным револьвером, в котором некоторые детали были сделаны кустарным методом и у которого была очень сомнительная сила боя.

Казармы одной стороной примыкали к лесу. Мы подошли к заграждению из колючей проволоки, за которым в темноте вырисовывались силуэты деревянных бараков на высоких каменных фундаментах. Припали к земле. Время от времени до нас доносились отзвуки шагов часового у ворот. Иногда слышался скрип двери. Мы терпеливо ждали. Через час казармы погрузились в тишину. Мы приподняли самую нижнюю проволоку и по одному начали проползать под нею. Наконец-то мы на территории казарм. Осторожными, кошачьими шагами подбираемся к ближайшему бараку и замираем в неподвижности. Тишина. Двигаемся дальше. Проходим несколько бараков и снова прижимаемся к стене, выжидая, не обнаружили ли нас. В какой-то момент слышим шаги солдатских сапог по посыпанной гравием дорожке. Минута напряжения перехватывает горло. Ждем. Шаги по дорожке начинают постепенно удаляться.

Подбегаем к бараку, в котором находится склад оружия, клуб и столовая.

«Юзек» с «Валеком» остаются на страже. Вместе с «Болеком» мы пытаемся проникнуть внутрь, но дверь не поддается. «Болек» орудует отмычкой, но безрезультатно. Ломом не можем воспользоваться, чтобы не наделать шума.

В эту трудную минуту до нас доносится рокот идущего из Освенцима поезда. Этот шанс необходимо немедленно использовать.

Я приложил к оконному стеклу мокрый от дождя мешок. Еще минуту приходится выжидать. Теперь действовать! Грохот проезжающего поезда заглушил звон разбитого стекла. «Болек» просунул руку в образовавшуюся дыру и открыл крючок. Мы выждали еще пару минут.

В бараке царит тишина. Входим. На ощупь пробираемся в столовую. Нам нужно проникнуть в другой конец здания, где за коридором, разделявшим барак на две половины, находится склад. Дорогу преграждает дверь. «Болек» снова орудует отмычкой. В напряжении прислушиваемся, как передвигается собачка замка.

Через минуту мы оказываемся перед следующей дверью, которая ведет к нашей заветной цели. Лучик света от фонаря «Болека», который он пропускает между пальцами, ползет по двери оружейного склада. Она так сильно укреплена стальными полосами и так надежно обита железом, что сломать ее имеющимися у нас средствами невозможно. Мы останавливаемся в полном отчаянии.

— Идем обратно, — говорит «Болек» со злостью.

И мы снова в столовой. Быстро находим радиоприемник, который тут же отправляется в мешок. Чтобы не уходить с пустыми руками, мы набираем папирос, сигар и сладостей. Это все пригодится в отряде. Остальные продукты уничтожаем, давая выход злости.

Из казарм уходили тем же путем, только в несколько измененном порядке. Впереди шел «Юзек», взвалив на спину мешок с приемником. За ним следовал я, неся на спине добытые продукты. Последним, прикрывая нас, с пистолетом в руке двигался «Болек». Так мы дошли до проволоки и довольно долго разыскивали проход.

На опушке леса я приостановился, поджидая «Болека». Он все не шел. Неужели он не может проползти? Я вернулся к проволоке и увидел, как он, наклонившись, поливает какой-то жидкостью из бутылки наши следы.

После продолжительного марша через лес мы присели, чтобы минутку передохнуть. Тут «Болек» и объяснил нам свои загадочные действия. Отправляясь вчера на операцию, он

припомнил лекцию в тюремном «университете». Он сидел тогда вместе с уголовниками. От них и узнал о различных способах сбить со следа полицейскую собаку. Так, рассказывали они, можно рассыпать по земле молодой перец, полить ее уксусной эссенцией или керосином. В доме лесника под рукой оказался только керосин, вот «Болек» и взял его, чтобы «замести следы».

Мы добрались до намеченного места в лесу, где уложили в ров мешки, старательно маскируя их ветками и хвоей. На страже нашей добычи остался на безопасном расстоянии «Юзек». Он должен был проследить, обнаружат ли немцы наш след и как далеко он их заведет. Около полудня я сменил на посту «Юзека». До вечера немцы так и не появились.

Через два дня мы передали радиоприемник товарищам из Езерок. Он долго служил партии, вылавливая в эфире известия, которые мы помещали в газете «За Вольносць».

Хотя операция прошла не совсем удачно — оружия мы не добыли, — переполох среди гитлеровцев мы учинили немалый. Только на следующий день они рассыпали по всем направлениям подле казарм сотни воспитанников Райхсарбайтсдинста и местную полицию. Целый день прочесывали они местность, но вернулись с пустыми руками.

Теперь немцы не чувствовали себя спокойно даже в собственных казармах.

Весть о нашем налете широко разошлась среди трех тысяч польских рабочих фабрики «Батя» в Хелмеке. Вера в постоянно пропагандируемую немецкую силу была подорвана. До нас дошли слухи, что немецкая полиция предъявила серьезные претензии воякам из Райхсарбайтсдинста за то, что те подверглись нападению в собственных же казармах. Их коменданту пришлось выслушать немало неприятных слов и насмешек полиции. А несколько дней спустя мы дали им еще одну такую же возможность. Мы нанесли визит самому коменданту Райхсарбайтсдинста, рассчитывая найти у него оружие. Он жил в Хелмеке неподалеку от железнодорожной станции. Мы тихо пробрались в здание через окно подвала, однако и здесь нас ждала неудача. Какие-то две женщины на ломаном польском языке объяснили нам, что «герр комендант» уехал по делам службы в Катовице. Мы обыскали все помещение, но оружия так и не нашли. Только в шкафу на плечиках висел элегантный мундир Райхсарбайтсдинста.

— Он отлично подойдет мне, — сказал я «Болеку».

— Ну-ка примерь, посмотрим, — отозвался тот.

Мундир сидел хорошо, и мы забрали его с собой. Это была единственная награда за наш визит к коменданту. Мундиром

этим я потом не раз пользовался, поскольку он был неплохим прикрытием во время ночных хождений. Я даже сфотографировался в нем на память.

ПЕРВОЕ ТРОФЕЙНОЕ ОРУЖИЕ

Поскольку ни в казармах, ни у коменданта Райхсарбайтсдинста нам так и не удалось добыть оружия, я решил по-прежнему искать его у бауэров — немецких колонистов. Каждый из них был вооружен. По отношению к польскому населению они вели себя нагло, давая почувствовать свою принадлежность к «расе господ».

Хозяйства бауэров лежали ближе к ментковской группе, которая находилась под моим непосредственным командованием. Ребятам там еще не приходилось сталкиваться лицом к лицу с гитлеровцами. За плечами у них был всего лишь опыт снабженческих операций, которые мы называли «тихими». Сотням расположенных в районе немцев мы могли противопоставить всего лишь горстку людей.

Я сообщил ментковской группе о своем плане. К моему предложению они отнеслись довольно скептически. Я понимал ребят. У них не хватало опыта и веры в собственные силы. А тут нужно было быть готовыми ко всяким неожиданностям. И неудивительно, что партизаны ментковской группы начали высказывать сомнения и опасения. Посыпались вопросы и ответы. Я приводил целый ряд примеров, известных мне по литературе и из нашей газеты «Гвардиста», иногда даже выдумывал различные случаи, лишь бы доказать ребятам, что внезапностью и смелостью можно достигнуть многого. В конце концов мне удалось их убедить. Через несколько дней мы собрались в условленном месте.

Операцию мы решили провести на другом берегу Вислы, в деревне Подольшье. Вечером 13 апреля «Винцент» переправил нас через реку. Как обычно, я оставил его у лодки, а мы направились к хутору Бани.

Нашей целью был дом бауэра Штейера, рассчитанный на две семьи. Штейер, впрочем, как и все остальные немцы в деревне, славился тем, что постоянно ходил в поле, вооружившись двустволкой, и вылавливал заключенных, бежавших из лагеря в Освенциме, из лагерей военнопленных, среди которых было много немецких солдат, а также беглецов с принудительных работ в Германии. Эти несчастные с полным доверием заходили в деревню. Хозяева — немецкие бауэры — сдавали их прямо в освенцимские крематории.

Со мною шли три солдата — «Тадек», «Личко» и «Казек». Последнему не хватило огнестрельного оружия, поэтому он шел с топором.

Оставив на страже «Казека» и вооруженного карабином «Личко», мы с «Тадеком» направились к дому. Нервы были напряжены до предела, я был убежден, что слышу стук сердца стоящего рядом со мной «Тадека».

Я нажал на ручку. Дверь была заперта. Казалось, мы обсудили подробнейшим образом план предстоящего дела, но этого я почему-то не предусмотрел. Воспитанный в деревне, где не было обычая запирать входную дверь, пока все не отправлялись спать, я никак не предполагал, что может быть иначе. Стыдно признаться, но я попросту растерялся и, резко повернувшись, отошел в полном разочаровании. Не удалось именно то, на что я так рассчитывал, — ошеломить немцев. Получилось наоборот — ошеломленным оказался я сам.

— Возвращаемся, — скомандовал я.

Я был страшно зол на себя за эту неудачу. Когда мы вернулись с пустыми руками, у «Винцента» был повод для язвительных замечаний.

— Завтра мы выйдем раньше, — объявил я товарищам.

На следующий день с наступлением сумерек мы уже были у дома бауэра. Дверь снова не поддалась, но на этот раз я был подготовлен. Если не откроют — выломаем дверь. Я постучал. К двери подошла жена бауэра и спросила:

— Вэр ист да?[10]

На ломаном немецком языке я объяснил наспех придуманный повод для визита. С нетерпением мы отсчитывали затягивающиеся минуты, пока женщина колебалась. Наконец, успокоенная, она открыла дверь.

Мы молниеносно врываемся в прихожую, а затем — и в комнату, где вся семья, в том числе двое мужчин, сидит за столом.

С криком «хэнде хох!» мы направляем на них пистолеты. Бауэр, стоявший ближе к нам, делает попытку броситься на «Тадека», но тот опережает его и бьет пистолетом так, что от пистолета отлетает какая-то деталь. Дело выиграно. Они больше не сопротивляются. Мы приказываем им лечь на пол и вытянуть руки. Я зову со двора «Личко», который теперь помогает нам в поисках, сам же я слежу за немецкой семейкой, используя время на то, чтобы «поболтать» с лежащими. Перепуганные, они покорно поддакивают мне, жалуются на фашизм, проклинают Гитлера. Старательно пытаются втолковать мне, что никак не рассчитывают на его победу, что их просто силой заставили переселиться сюда.

Странное чувство испытывал я, глядя на врагов, лежащих у моих ног, у ног польского партизана. Впервые заносчивые бауэры

оказались в наших руках и молили о пощаде. Это заставляло меня испытывать чувство внутренней гордости и одновременно с этим силы. Сейчас я был по-настоящему командиром. Мы ненавидели гитлеровцев, и несмотря на это, глядя на покорно лежащих бауэров, трудно было решиться на какую бы то ни было месть. Они вызывали у меня попросту жалость. Трудно мне было мстить безоружным, хотя, отправляясь на задание, я был намерен жестоко наказать их. Мы только приказали в резкой форме соответствующим образом относиться к польскому населению. Они тут же согласились на все.

Тем временем «Личко» и «Тадек» обыскивали квартиру. Вскоре «Личко» с сияющими глазами заглянул в мою комнату. Он показал мне два ружья. Я же кивком головы указал ему на кухонную печь, где заметил патроны.

Главная цель операции — добыча оружия — была достигнута. Теперь было самое время убираться восвояси.

Прямо перед лежащими я установил будильник, приказав не трогаться с места до четырех часов утра, иначе с ними расправится оставленный снаружи часовой. Конечно же, я никого и не думал оставлять на страже. Чтобы невозможно было это проверить, мы не потушили лампы в комнате бауэров. При свете мрак за окном как бы еще сгущался.

Мы все вышли со двора и осторожно двинулись по направлению к Висле. Дожидавшийся в укрытии «Винцент» перевез нас на другой берег.

Наконец мы добыли у немцев первое оружие. Успех нашего мероприятия прибавил гвардейцам ментковской группы уверенности в своих силах. В бункере, рассказывая друг другу различные подробности и обсуждая ход операции, партизаны дивились, что все прошло так гладко. Подобно бесценному сокровищу, двустволки переходили из рук в руки.

После нападения на бауэра в Подольшье я оставил группу, а сам пробрался в Либёнж для отчета. В пути меня поджидало еще одно приключение. Когда мы с «Альбином» шли по дороге через центр погруженного во мрак Либёнжа, встретилось нам несколько кавалеров, которые по сельскому обычаю выстаивали вечерами на перекрестке. Они приняли нас за поклонников местных девчат, которые направляются на свидание в соседнюю деревню, и предупредили, чтобы мы не шли дальше, потому что на дороге стоят немцы и проверяют у всех документы. Мы не поверили им, считая, что те подшучивают над нами, желая отпугнуть соперников.

Не прошли мы и двухсот метров, как из темноты появились две фигуры с карабинами за спиной. Нас осветили затененные

фонари.

— Хальт! Аусвайс, битте[11].

Пришлось остановиться. Какую-то минуту я пожалел, что мы не послушались предупреждения, что я проявил самонадеянность. «Мы еще ничего не успели сделать, а теперь придется расставаться с жизнью», — промелькнуло у меня в голове. Жандармы, по-видимому, решили, что мы шахтеры, возвращающиеся с шахты «Янина» после вечерней смены. «Альбин» вытащил какую-то карточку и собирался подать ее. Я же потянулся за парабеллумом, который торчал у меня за поясом.

Я пытаюсь, стоя боком к немцам, вытащить пистолет. Немцы не обращают на это никакого внимания: по-видимому, мои неуклюжие маневры они принимают за попытку достать документы. Я лихорадочно прикидываю: стрелять в немцев или только напугать их? Я стреляю в воздух над самой головой у немцев. Эффект молниеносный. Немцы тут же бесследно растаяли в ночном мраке. Одновременно с этим «Альбин» бросился назад. Я бегу за ним и попадаю в боковую улочку, по обе стороны которой тянутся деревенские плетни. В темноте не могу толком понять, в какую сторону бегу. Почувствовал только, что зацепился одеждой за гвоздь, торчащий из забора. Только бы не пораниться — это самое важное. Одежда — мелочи. Мы добудем ее у бауэров.

Через несколько дней после этих событий бауэрфюрер Каневский в Либёнже, узнав о встрече полицейских с «бандитами», орал на одном из собраний:

— На немецкой земле не может быть партизан, скорее у меня волосы вырастут на ладони, чем они появятся здесь.

После освобождения бауэрфюрер попал в наши руки, и мы тогда припомнили ему его самоуверенные заявления. Он поглядывал на свою ладонь и дрожал от страха.

О нашем нападении на бауэров стало известно в окрестных селах, что несколько улучшило положение польского населения. А оно было незавидным. Законные хозяева стали теперь батраками. Жили они в сараях и получали но 25 марок в месяц (на одни только табак в месяц требовалось около 30 марок).

После нашего налета поведение бауэров заметно изменилось. Они теперь вели себя осторожнее, по вечерам запирались и ночами были начеку. По отношению к крестьянам стали более недоверчивыми и подозрительными, иногда бросая им обвинение в сотрудничестве с партизанами. Но зато перестали грозить освенцимским лагерем. Иные пытались даже оправдываться перед поляками, утверждая, что прислали их сюда только на время

войны и что после победы они уедут домой. Крестьяне говорили, что бауэры «помягчали».

После встречи с полицейскими я опасался, что меня узнали. Поэтому мне нужно было хотя бы на некоторое время покинуть свое укрытие в родном доме. В ту же ночь я перебрался в партизанский бункер в Смуге подле Жарок, захватив с собой партизанское имущество, чтобы немцы в случае обыска не могли обнаружить следы моего пребывания дома. Укрытие в Смуге мы построили осенью 1942 года при помощи «Альбина», «Тадека», моей сестры «Стаси» — Элеоноры Валах-Гардзиновой и ее мужа Сташека. Лесок там был молодой, редкий и маленький. Шахтерским способом мы сделали подкоп под пригорок, поросший соснами. Стены укрепили деревянными кругляками, а вход замаскировали дерном. Много дней и ночей провел я в этом первом партизанском бункере, который до самого конца войны служил нам складом.

РАБОТА В СЕЛЬСКОЙ УПРАВЕ

Добытый в казармах Райхсарбайтсдинста радиоприемник исправно служил у Преглера в Езерках. Все чаще доходили до нас сводки и радиопередачи, которые мы переписывали пока что от руки. Но этого было недостаточно. Слишком трудоемкой была работа, и слишком мало получалось экземпляров для того, чтобы по-настоящему поставить работу.

Мы мечтали о пишущей машинке, и поэтому, когда «Болек» сообщил нам, что руководство округа требует от нас «техники», я предложил конфисковать машинку в сельской управе в Бабице. Мы намеревались одновременно уничтожить все документы. Люди жаловались на то, что немецкая администрация вела учет с поистине прусской добросовестностью. А нам представлялась возможность затруднить гитлеровцам сбор поставок и налогов.

Предложение было принято. «Болек» горячо поддержал его. Мы решили приурочить нападение к пасхе, которая была на носу, рассчитывая, что бдительность местного жандармского участка, расположенного не более как в ста метрах от управы, несколько снизится. Полицейские будут заняты в этот день потреблением праздничных лакомств, отобранных у польского населения.

Нападение решено было произвести в ночь с субботы на воскресенье. Прикидывая с «Болеком» необходимые силы и вооружение, мы порешили, что на этот раз пойдут обе партизанские группы — либёнжская и ментковская.

На условленный сборный пункт на Краковском шоссе между Жарками и Бабице отряды прибыли отдельно. В первый раз с нами шли два советских солдата[12]. Вооружение десяти партизан, которые должны были принять участие в нападении, составляли четыре пистолета, карабин и три двустволки. Взяли мы с собой и ломы.

Небо, затянутое тучами, усиливавшийся дождь, порывистый ветер — все это было нам на руку. Погода стояла такая, что, как говорит народная пословица, и собаку на улицу не выгонишь. Ноги увязали в размокшей глине, сырая одежда прилипала к телу.

К Бабице мы добрались со стороны Липовца. В разрушенных древних стенах замка, теперь едва заметных, гулял ветер. Замок когда-то принадлежал краковскому епископу, который приспособил помещение под тюрьму для лиц духовного звания, нарушивших устав. Во время шведского нашествия в его стенах некоторое время оборонялся небольшой польский гарнизон. Сожженный в боях с барскими конфедератами, замок так никогда

и не был восстановлен. В 1863 году в развалинах замка некоторое время укрывался Мариан Лангевич, диктатор январского восстания.

Теперь эти почерневшие от времени стены стали свидетелями наших партизанских действий. Ноги сами несли нас вниз, к деревне. Пробираясь между домами и заборами, мы приближались к сельской управе.

Привыкшие к темноте глаза различили у стены под навесом какую-то фигуру. Человек этот не заметил нас и, сгорбившись, стоял, прячась от проливного дождя.

Наше внезапное появление и вопросы: — А ты кто такой? Что здесь делаешь? — ошеломили его. Через некоторое время, он, придя в себя, пробормотал:

— Я сторож, Панове.

— Давай ключи, проверим управу.

— Нет у меня ключей, Панове, ключи у бургомистра.

Кто-то из солдат обыскал сторожа. У того действительно не оказалось ни оружия, ни ключей. Мы решили оставить его под присмотром одного из наших партизан. Несколько человек расположилось на расстоянии 20—30 метров от здания управы, чтобы прикрыть нас.

Звякнуло оконное стекло, и самый худой из нас, сухой как щепка и высокий как тополь «Юзек», пробрался внутрь. Слабый свет его фонарика скрылся в глубине помещения. А минуту спустя он уже орудовал у входной двери. Ломом сорвал замок. Вход в помещение управы был свободен.

— Прошу внутрь, товарищи, начинаем заседание, — сказал «Болек».

Приглашение было излишним. «Заседать» рвались все.

В первую очередь осмотрели помещение. Пишущей машинки нигде не было.

Одни отправились в подвалы, перетрясая там все, другие в комнаты верхнего этажа, разбивая по дороге шкафы и полки, складывая все бумаги и документы в большую кучу.

Наконец в одном из шкафов мы обнаружили пишущую машинку. Забежав в подвал, я обнаружил там в выбеленном и содержавшемся в образцовой чистоте помещении склад. В нем, кроме канцелярских принадлежностей и продуктов (муки, крупы, гороха), стояли две пишущие машинки, гектограф и несколько стопок чистой бумаги.

Пока мы были заняты конфискацией немецкого имущества, в одном из подвальных помещений послышался стук в дверь, потом раздался женский голос, и «Болек» моментально оказался рядом с дверью.

— Кто там?

Из-за двери назвали имя и фамилию.

— Да что вы здесь делаете?

— Немцы заперли меня за недоимку.

— Нужно ее освободить, — решает «Болек».

«Валек» бросился из подвала и вернулся с ломиком.

К нам вышла укутанная в платок женщина, которая с изумлением уставилась на нас.

— Ну, можете идти домой, — сказал ей «Болек». Она заколебалась, но тут на помощь пришел «Валек». Важно откашлявшись, «Валек» обратился к ней:

— Идите, идите, а если немцы спросят у вас, скажите им, что вас освободили польские партизаны из Гвардии Людовой. А теперь — живо домой!

Подхватив женщину под локоть, он указал ей дорогу. Она двинулась в сторону Липовца, растворясь в ночном мраке.

Мы вернулись наверх.

Книги, картотеки, списки, различные инструкции, удостоверения, распоряжения, объявления и прочее лежали теперь в одной куче, со стен были сорваны свастики и портреты Гитлера.

«Фюреру наверняка не понравились бы такие порядки в сельской управе», — подумалось мне, когда я глянул на портрет вождя «третьей империи», валявшийся у моих ног. Вытаращенные глаза Гитлера смотрели на меня, как мне показалось, с вызовом. Я со злостью пнул ногой портрет.

— Облить все это керосином и поджечь, — приказал «Болек».

Сверкнул огонек спички. Вспыхнуло пламя, над кучей взвились огненные языки. Однако, несмотря на керосин, бумаги разгорались плохо.

— Устрой сквозняк! — крикнул «Казек» «Валеку», стоявшему у окна.

Распахнув окна и двери, мы поворошили бумаги. Пламя взметнулось кверху, рассыпаясь веселыми искрами.

Итак, нападение на сельскую управу в Бабице было завершено. Помимо пишущих машинок, нам достались гектограф, бумага и продукты, которых нам никогда не хватало.

Примерно через две педели после нападения на управу советские солдаты расстались с нами. Адам Хынек помог им перейти в Генеральное Губернаторство через Мысляховице, где проходил наш основной канал по переброске, действовавший весь период оккупации. Прилично одетые и вооруженные пистолетами, которые мы скрепя сердце уступили им, — поскольку оружия и самим не хватало, — русские переправились

через границу.

Две из захваченных пишущих машинок мы передали окружному комитету бассейна, а третья вместе с гектографом осталась у нас. Комитет подокруга ППР решил, что теперь мы можем самостоятельно издавать подпольную газетку. Машинку мы поместили в нашем бункере в либёнжском лесу. Постоянным, если можно так выразиться, поставщиком бумаги и типографской краски стал «Млоды» — Тадеуш Капця, командир отделения в Явожно. Товарищи из партийного актива, такие, как «Олек», «Болек», братья Владислав, Бронислав и Стефан Лукасики из «Фаблока» и другие, писали передовые статьи. Мы помещали также материалы из «Гвардиста», так как получали только по нескольку экземпляров этой газеты. Значительную часть материалов нашей газеты составляли известия с фронта, передаваемые из Москвы и Лондона. Иногда помещали стихи собственного сочинения.

Новое занятие целиком захватило нас. Дело обстояло не так просто. Мы не всегда могли пользоваться гектографом, так как не хватало матриц. Оставались безотказные пишущие машинки. На них мы в поте лица своего и отстукивали наши газетки и листовки. Газетку нашу мы назвали «За Вольносць» («За Свободу»). Шапку для нее изготовил «Крет» — Станислав Бигай. Он из резинового приводного ремня вырезал безопасной бритвой довольно большой штемпель, заменивший нам клише. Им мы и отпечатывали название нашей газетки.

С той поры наша «редакция» работала без особенных срывов. Каждые две недели, а иногда — раз в месяц новый номер «За Вольносць» с последними известиями расходился по району. Материалы для печати часто привозил товарищ «Франто» — Францишек Томальчик, проделывая шестнадцатикилометровый путь на работу от Хжанова до Хелмека на велосипеде вместо удобного поезда, чтобы по дороге остановиться в лесу неподалеку от Крочимеха и передать «Болеку» самые свежие известия; иногда он оставался в Либёнже у «Крета» или «Беглы» — Людвика Трыбуся. Сводки готовили наши товарищи, имевшие радиоприемники. На территории Хжанова один из таких пунктов находился в квартире «Вяруса» — Эдварда Цекеры, который вместе со своими сыновьями Антони и Станиславом, дочерью Кристиной слушал Московское и Лондонское радио.

После нескольких месяцев исправной работы нашу деятельность прервал несчастный случай. Уходя на одно из заданий, мы оставили огонь в железной печурке, от которой загорелась деревянная обшивка стен бункера. К утру мы застали на его месте только провалившуюся землю.

Одновременно с нашей газеткой, а также в более поздние периоды в округе выходило множество других печатных органов. В Домбровском бассейне уже с 25 мая 1942 года выходила «Трибуна Заглембья». В редакции «Трибуны Заглембья» в разное время работали такие известные деятели, как Здислав Вишневский, Владислав Мартынус, Адам Слива, Станислав Кшинувек.

Число самых различных газет и настойчивость, с которой возобновлялось их издание после каждого ареста редактора и разгрома редакции, ярко свидетельствовали о том, что эта форма борьбы по своему значению не уступала борьбе вооруженной.

ЛЕСНИЧЕСТВО В ПЖЕЦИШУВЕ

Наше вооружение требовало постоянного пополнения. Вот почему мы решили совершить нападение на немецкое лесничество в Пжецишуве. По имевшимся у меня сведениям в лесничестве было несколько охотничьих ружей и довольно значительный запас патронов к ним. Лесничий устраивал для местных немецких чинов тетеревиную охоту. Сюда же часто приезжали отдохнуть «от трудов праведных» гитлеровские палачи из лежащего в 15 километрах Освенцима.

4 мая в лесном бункере под Ментковом мы обсудили несколько вариантов нападения. Товарищи считали, что риск очень велик. Мы могли натолкнуться там на немецких полицейских или на участников охоты. Было решено, что на следующий день перед полуднем мы с «Казеком» отправимся за Вислу в хутор Ловички, проверим имевшиеся у нас сведения и ознакомимся с положением на месте. Под вечер мы все должны были встретиться в условленном пункте на другом берегу возле Пжецишува.

В зависимости от результатов разведки мне предстояло решить, приступать ли немедленно к выполнению задания или отложить его.

Через Вислу мы с «Казеком» переправились паромом в Менткове.

Перед полуднем мы были уже рядом с лесничеством. Крепкий каменный дом мог с равным успехом служить и помещением для полицейского участка. Собак нигде не было видно.

Мы обошли лесничество вокруг, прикидывая, как расколоть этот орешек.

Осмотром я остался доволен. Лесничество не производило впечатления, что в нем полно гостей. Кругом было тихо и спокойно. Остаток дня мы с «Казеком» провели в Пжецишуве, обсуждая предстоящую операцию.

Под вечер мы пришли на условленное место в прибрежных зарослях на берегу Вислы. Прождали час, а возможно и дольше. Никто не являлся. У меня возникло подозрение, что партизаны утратили веру в успех нашей экспедиции. Сомневаться в собственных силах? С этим я никак не мог согласиться. У нас за плечами было уже несколько удачных операций. Каждая из них была опасной, а ведь результаты бывали отличными. И эта операция должна пройти удачно.

Вспоминая прежние успехи, я приободрился. Мы пойдем — хотя бы и вдвоем! Мне казалось, что как командир я обязан

подать личный пример.

Мои невеселые размышления прервал «Казек».

— «Здих», мы их уже не дождемся. Может, случилось что-нибудь?..

Отказавшись от возвращения в бункер, решили провести ночь на противоположном берегу Вислы. «Казек» предложил переночевать на хуторе Пжецишув-Ляс у одного из наших людей, Аугустина Дзивака. Он охотно предоставил нам убежище, а сам всю ночь охранял наш покой. Он не знал, с какой целью мы перешли через Вислу, и даже не спросил об этом. Отсутствие любопытства было одним из основных требований подполья.

Днем мы покинули дом Дзивака, сытые и отдохнувшие.

В зарослях на берегу просидели до начала сумерек. Когда же солнце начало прятаться за лес, двинулись к лесничеству. Во двор вошли через калитку в ограде. Тихо. Я осторожно нажал ручку двери. Двери заперты. «Казек» вопросительно поглядел на меня. Жестом руки я показал, что следует отходить. Мы отступили в сад к какому-то сараю.

— Что будем делать? — шепотом спросил «Казек».

— Подождем, — ответил я.

Можно было попытаться проникнуть в дом через чердак. Это ошеломило бы немцев, а элемент внезапности был всегда нашим главным союзником. Проект понравился «Казеку». Мы пошли искать лестницу. Обошли вокруг дома, но так и не нашли ее. Мы снова вернулись к сараю. Как же проникнуть внутрь?

Но тут дверь лесничества отворилась, и в проеме появился рослый тридцатилетний сын лесничего. Он окинул взглядом подсобные постройки и двинулся к клозету.

Я чуть не расхохотался. Глянув на меня, «Казек» двинулся было вслед за немцем. Я придержал его.

Мы неподвижно застыли у стены сарая. Немец нас не заметил. И тогда мне в голову пришла идея. Теперь я уже знал, как мы попадем в лесничество. В ту минуту, когда немец пошел обратно, я потащил за собой «Казека», и мы тоже направились к крыльцу. Мы шли неуверенно, как люди, которые понимают, что явились не вовремя.

Он заметил нас и растерянно остановился, когда мы почти вплотную подошли к нему. Беспокойный взгляд на мгновение остановился на цветах, которые мы воткнули в петлицы пиджаков. Весною так обычно украшали себя деревенские парни. Я почувствовал, что он все еще колеблется, звать на помощь, бежать или разговаривать с нами.

— Гутен абенд, пан старший лесничий, — заговорил я покорным и заискивающим тоном.

Это его немного успокоило.

— Вы к кому? — резко спросил он. — Что вам нужно?

— Мы к пану старшему лесничему пришли по поводу дров, о которых мы уже с паном старшим лесничим говорили. Мы хотели узнать, когда пан старший лесничий велит приехать за этими дровами.

— Ах, зо, это к фатеру. Битте, битте, входите.

Немец пошел первым, а мы покорно двинулись за ним. В сенях он открыл дверь, ведущую в канцелярию. Мы вошли.

— Вартен зи. Ждать здесь. Их позвать фатера.

Мы остались одни. Наши взгляды приковала новехонькая двустволка, висевшая на степе. Нервы были напряжены, руки дрожали. Хотелось тут же схватить ружье. Однако разум приказывал ждать.

Минуту спустя в канцелярию уверенно вошел лесничий, а за ним и его сын.

Мы принялись просить старшего лесничего, чтобы он продал нам дрова, обещали хорошо заплатить. Услышав разговор, видимо из любопытства, пришла и жена лесничего.

Теперь в канцелярии собрались, насколько мне было известно, все обитатели дома. Я подал «Казеку» знак. В наших руках молниеносно появились пистолеты.

— Руки вверх! Ни слова, иначе — пуля в лоб! Не кричать! Лесничество окружено партизанами. Ложитесь на пол, вытянув руки перед собой.

Угроза применения оружия и известие о том, что дом окружен партизанами, сделали свое дело. Старший лесничий и женщина послушно растянулись на полу.

Женщина тихонько постанывала, лежащий рядом сын успокаивал ее. Перепуганные немцы вели себя послушно как овечки. Теперь нам предстояло самое главное — оружие.

«Казек» одним прыжком оказался у стены, сорвал двустволку и бросил ее мне. Я поймал ее на лету. Пока «Казек» ходил и осматривал остальные комнаты лесничества, я занялся разговором с его обитателями.

Не могу сказать уверенно, что все немцы понимали мои слова, но лесничий понимал наверняка.

— Я, я, — согласно кивал он головой, когда я говорил ему, что Гитлеру войну не выиграть, что партизан много и что если бы мы хотели, то могли бы спокойно перестрелять всех гитлеровцев. Я пригрозил самыми суровыми карами немцам, которые причинили или собираются причинять вред польскому населению.

— Запомни — у тебя были польские партизаны из Гвардии

Людовой. Господству Гитлера приходит конец.

Подойдя к стене, на которой висел портрет фюрера, я снял его и бросил на пол.

— Таков будет конец вашего вождя, — сказал я им.

Пинком подбросил остатки портрета под нос старшему лесничему и приказал порвать его на куски. Он старательно исполнил приказание.

— Из-за него все наши беды, — плаксиво выкрикивал он. — Хорошо жилось нам в родном фатерлянде, зачем было сюда идти?

При этом он колотил кулаками по обломкам портрета, разбивая руки в кровь. Я наблюдал за этой картиной не без удовольствия.

Минуту спустя появился «Казек», неся две новенькие двустволки.

— Разрешите доложить, там еще полно патронов, но мне не во что их брать.

— Отдай ружья товарищам из охраны. Патроны заберем в мешок.

«Казек» моментально понял, чего я от него хочу.

— Двустволки я отдал товарищам, — доложил он, вернувшись из сеней. Затем, стащив с подушки белую наволочку, ссыпал в нее сотен пять патронов.

— Где еще оружие? — строго спросил я у старшего лесничего.

Он клялся всем на свете, что больше ничего нет. Обыск подтверждает его слова.

Покидая лесничество, я приказал немцам не вставать с пола до трех часов утра. О времени им должен был напоминать будильник, который я поставил на стул перед ними.

Мы заперли канцелярию и сени на все запоры. На всякий случай под окнами я громко назвал несколько имен и отдал несколько приказаний несуществующему отряду.

В Ментков мы возвращались в приподнятом настроении. У меня за спиной висели три двустволки. «Казек» тащил наволочку с патронами.

До переправы через Вислу оставалось каких-нибудь пятьсот метров.

Удача притупила бдительность. Мы и не думали, что здесь, на берегу Вислы, в столь поздний час можно на кого-то наткнуться.

И вдруг прямо перед нами выросли три фигуры. Мы поставили оружие на боевой взвод. Через несколько шагов фигуры виднелись уже совершенно отчетливо.

— Полиция, — шепнул я «Казеку».

Первая мысль — бежать! Но бросить оружие? Слишком

дорого оно нам досталось. Да в конечном счете мне и не удалось бы так быстро сбросить оружие. Немцы успели бы за это время открыть огонь. Я решил идти на риск.

— Хэнде хох! — выкрикнул я и выпалил из пистолета.

Немцы моментально открыли огонь. Я выстрелил еще раз. Один из жандармов заорал и пошатнулся. Я приник к земле. Двустволки страшно мешали мне. «Казек» бросил узел с патронами и кинулся к берегу Вислы.

Свет ручного фонарика прорезал тьму. В его круге я увидел лежащего на земле полицейского. Второй стоял в каких-нибудь двух шагах от него. Я прицелился. Сухой щелчок бойка вместо выстрела. Осечка. Одновременно погас свет фонаря, как будто мой пистолет был связан с его выключателем. Я выбросил патрон и поставил пистолет на боевой взвод. Снова осечка. Тут я услышал выстрелы «Казека» и побежал к нему.

В карманах у нас было по нескольку пачек патронов, захваченных в лесничестве. Мы бросились к Висле. Прячась под берегом и стоя в воде, мы открыли огонь из двустволок.

Со стороны дамбы нам отвечали выстрелы полицейских. Положение наше было отчаянным. За спиной глубокая река, впереди — немцы. Пули со свистом проносились над нашими головами, шлепались в воду. И тогда страх толкнул меня на хитрость. Я принялся криком сзывать несуществующих товарищей и отдавать им приказы.

— «Войтек», «Франек», «Валек» — влево! «Казек», «Тадек», «Антек» заходите справа!

В ивовые кусты я швырнул несколько камней, имитируя перебежки партизан. Мы с «Казеком» сделали еще несколько одиночных выстрелов. Нападение — лучший вид обороны. Договорившись с «Казеком» о пароле и отзыве, чтобы случайно не обстрелять друг друга, я подался вправо, «Казек» — влево. Двигаясь по дуге, я добрался до подножья дамбы примерно в том месте, откуда вели огонь немцы.

То же самое, только с другой стороны, сделал «Казек». С криками «Ура! Гранаты к бою! Огонь!» — мы выбежали на вал, ведя огонь из ружей. Я продолжал выкрикивать первые пришедшие в голову имена.

Однако атаку нашу никто не отражал. Жандармов и след простыл.

— Конар, — услышал я голос «Казека».

— Кора, — отозвался я.

Мы побежали к тому месту, где «Казек» бросил наволочку с патронами. Она лежала нетронутая.

Схватив ее, бегом пустились вниз по реке к броду у Малы

Менткова. По пути наткнулись на шлюз в дамбе. Открыв его запор и подложив камни, примостили на них наволочку с патронами. Затем спустились ниже по реке. Наконец «Казек» немного сбавил темп.

— Здесь, — сказал он и полез в воду.

Ружья и шапки с патронами мы держали высоко над головой.

Мой товарищ, более высокий, чем я, шел легко, мне же вода была по шею, и сильным течением меня начало сносить. Я крикнул «Казеку». Тот подал мне двустволку и, держась за ее ствол, я кое-как добрался до другого берега. Выйдя из воды, мы стучали зубами от холода, мокрая одежда сковывала движения, но скоро на бегу разогрелись.

Наконец и Ментковский лес. Здесь мы себя чувствовали как дома. Пробираясь лесом, вышли к околице Жарок. Намеренно обошли стороной ментковский бункер, чтобы сбить со следа возможную погоню. Здесь я оставил «Казека», а сам отправился домой. Радость матери и сестер, посвященных в наши дела, была недолгой. В двух словах я рассказал им события сегодняшней ночи. Быстро переодевшись и взяв с собой сухое белье и еду для «Казека», я покинул родной дом.

Муж сестры, Станислав Гардзина, только что вернувшийся со смены, вышел вместе со мной. От шахтеров, которые работали в третьей смене на шахте «Янина», он уже слышал о «сражении». Говорили об ожесточенной перестрелке над Вислой и утверждали, что там действовал какой-то крупный отряд.

В лесу возле Жарок мы с «Казеком» просидели до вечера, а потом направились к партизанам либёнжского отряда, в их бункер за железнодорожной станцией.

У них мы застали «Игнаца» из окружного руководства бассейна. Известие о нападении на лесничество и о столкновении с полицией докатилось уже и до «Болека». Никогда не забыть мне той сердечной встречи и теплых слов, сказанных товарищем «Игнацем».

— Спасибо, «Здих», от имени партии и от моего собственного, сердечное спасибо. Побольше бы таких дел.

Я испытывал одновременно и гордость и нежность. Столь же сердечно приветствовал он и «Казека». Нам пришлось со всеми подробностями рассказывать о событиях. Добытые двустволки переходили из рук в руки, вызывая всеобщее восхищение.

Я не зря опасался, что после нападения на лесничество немцы предпримут контрудар большими силами. Здравый смысл и опыт партизана подсказывали, что на некоторое время нужно убрать людей из района Менткова. Я предложил «Болеку» перебросить ментковских партизан на территорию Либёнжа и действовать

пока объединенными силами. Он охотно согласился. О том, что я ни на йоту не ошибался, мне пришлось узнать только после войны из донесения немецкой жандармерии, в котором описывалось наше нападение на лесничество и предлагались меры, необходимые для предотвращения подобных нападений.

В ту же самую ночь мы с «Казеком» вернулись в бункер своего отряда. Мы видели, что товарищи испытывают неловкость и смущение при встрече. Однако оказалось, что и мои подозрения были несправедливыми.

Ребята не явились на берег Вислы просто потому, что им из-за столкновения с группой незнакомых пришлось долго идти окружным путем. Опоздав, они вернулись в расположение. Издалека слышали стрельбу и предполагали самое худшее.

Через четыре дня я отправился с ними за спрятанными в шлюзе патронами. Учитывая возможность засады, мы сначала послали на разведку «Зосю» — Зофью Ликус из Ментков. Она вернулась с хорошими известиями. Вечером «Винцент» снова переправил нас на другой берег Вислы. Не вполне уверенные, что немцы не устроили засаду, мы почти целую ночь подбирались к шлюзу. Однако все кончилось благополучно, и долгожданная наволочка снова оказалась в наших руках.

Как я и предвидел, гитлеровцы не теряли времени зря. В Пжецишув и Ментков было собрано более двухсот жандармов. Пошли обыски и аресты, днем и ночью жандармы рыскали по всему району. Из освенцимского лагеря были присланы ищейки. Когда все эти поиски не дали результатов, был применен агентурный метод. На территорию Пжецишува, как выяснилось позднее, была заслана агентка гестапо, которая шесть недель кружила по околице, выдавая себя за торговку. Это была молодая 18-летняя девушка. Она ходила по деревням, вызывая людей на разговоры, расспрашивая детей.

Уже на следующий день после нашего нападения Либера появился у моей матери, пытаясь что-либо выведать. Он заявил ей, что я убит над Вислой. Она, дескать, может идти на дамбу и посмотреть на сына. К счастью, я уже успел повидаться с матерью, поэтому известие это она восприняла спокойно, и хитрость Либеры не удалась.

Среди местного населения ходили слухи, что в деле участвовали партизаны из Генерального Губернаторства. В рассказах людей известные факты разрастались до невероятных размеров. Перешептывались, будто несколько десятков партизан окружило лесничество, что старшего лесничего выпороли в наказание, что после этого произошло сражение с полицией. Один из полицейских, Мизера, был ранен в лицо. Находились и

такие, которые утверждали, что вечером того же дня встретились они с прекрасно вооруженным отрядом партизан на марше.

Кое-что из этой болтовни дошло, видимо, до гитлеровцев. После четырех дней бесплодных поисков они отозвали дополнительный отряд полиции, придя, вероятно, к выводу, что на «чисто немецкой» территории, какой они считали наш район, не могут быть сосредоточены многочисленные силы партизан.

Захваченное в лесничестве оружие серьезно усилило нашу огневую мощь и позволило нашему отряду приступить к более серьезным заданиям.

ПРОВЕРКА ОТРЯДА

Через несколько дней после нашего прибытия в Либёнж молоденькая связная оповестила нас о предстоящей проверке нашего отряда командующим округом Домбровского бассейна «Томеком» — Станиславом Лациньским[13]. Сердца партизан забились сильнее при виде хорошенького личика и стройной фигурки связной. За несколько секунд ребята как-то похорошели, затянули пояса на последнюю дырку, а шапки лихо сдвинули набекрень. Те, которым удалось побриться еще с утра, чувствовали себя увереннее и тесным кольцом окружили связную. Из-за их спин неуверенно выглядывали бородачи, проклиная про себя свою лень. Кандидатов в провожатые связной к опушке леса было много, но решили, что на проводы отправятся только двое. Ребята горячо приглашали девушку снова навестить их. Она обещала прийти, но мы ее так больше никогда и не увидели.

Через два дня прибыл «Томек». Это был высокий, хорошо сложенный мужчина, брюнет с голубыми глазами. Типичный солдат. На место встречи в Либёнжский лес привел его секретарь Либёнжского района — «Беглы».

По коротким деловым вопросам нашего гостя видно было, что воинская служба — дело для него не новое. Подтвердил это и сам «Томек», вспоминая о борьбе в рядах республиканской армии в Испании. Там он дослужился до офицерского звания.

«Томек» произнес перед солдатами речь. Он охарактеризовал положение на фронтах и в оккупированной стране, движение Сопротивления в Польше, объяснил задания, которые партия ставила перед партизанами Гвардии Людовой. Самой важной и срочной задачей оставалась дезорганизация вражеского транспорта в тылу врага.

Выступление «Томека» собравшиеся слушали с пристальным вниманием. Посыпались вопросы. Он с удовольствием выслушал отчет о том, что мы самостоятельно провели подготовительную работу и теперь можем приступать к уничтожению транспорта врага.

Переходя к организационным вопросам, «Томек» сообщил нам, что Хжанов по-прежнему представляет собой подокруг как в партийной работе, так и в системе организации Гвардии Людовой.

Секретарем подокруга продолжает оставаться «Олек» — Томаш Барановский, который занимал этот пост со времени февральских арестов. «Болек» оставался на должности командующего подокруга Гвардии Людовой, продолжая

командовать партизанским отрядом. Я стал теперь заместителем командира отряда. На практике это означало, что мне придется сосредоточить все внимание на организационной и технической стороне подготовки отряда к боевым действиям.

В ходе обсуждения организационных вопросов «Томек» предложил присвоить нашему отряду имя героя Парижской Коммуны Ярослава Домбровского. Он напомнил, что так называлась одна из интернациональных бригад в Испании. С тех пор и до самого освобождения сражались под именем Ярослава Домбровского партизанские подразделения и боевые группы Хжановского района.

Расставаясь с нами, командующий округом еще раз напомнил о самом важном задании текущего момента — о «борьбе за рельсы».

Несколько дней оставался «Тадек» в пределах Хжановского подокруга. Его встречи с активом в Либёнже, Хжанове, Мысляховице и Явожно оживили партийную деятельность в районе.

Задачи «борьбы за рельсы» захватили все наше внимание.

Неудача с миной под Затором заставила нас искать новые способы для уничтожения железнодорожного транспорта, тем более что и взрывчатку доставать было слишком сложно. Правда, и во всем остальном мы ощущали недостаток. Часто недоедали, не хватало одежды, сапог.

Жизненные условия партизан на территориях, включенных в состав империи, были необычайно трудными. Голодных пайков, выдаваемых по продовольственным карточкам, не хватало и для, тех, кто их получал. Нам же пайков не полагалось. Сначала помогали семьи, живущие рядом, товарищи, делясь с нами буквально последним куском хлеба. Помощь эта по вполне понятным причинам не могла быть ни постоянной, ни обильной. Кормиться и одеваться нужно было только за счет врага. А поскольку он не хотел снабжать нас добровольно, мы делали это за него, конфискуя все необходимое.

Операции по снабжению часто проводились нами «по-тихому». Магазины, склады и дома бауэров были основными объектами наших действий. Продукты в магазины обычно привозили в дни отоваривания продовольственных карточек, и нам приходилось выбирать время так, чтобы не попасть туда в дни, когда на полках шаром покати.

Осталось в памяти нападение на «сушки», продовольственный склад на окраине Хжанова. Сам я уже точно не помню, откуда взялось это название, возможно от фамилии владельца склада — Сушки. Для нас это была «сладкая» операция, хотя для немцев

она оказалась горькой пилюлей.

По сведениям, полученным нами в середине мая 1943 года от товарищей из Хжанова, на складе по улице Освенцимской в Хжанове имелось большое количество сахара. Перспектива была соблазнительной. Склад охранялся только сторожем.

Поздним вечером мы вышли из бункера в Либёнже. В лесу перед «Фаблоком» к нам присоединились «легальные» гвардейцы. До склада было недалеко. По освенцимскому шоссе время от времени проезжали машины. В свете их фар очертания склада вырисовывались все ближе. Мы тихо подошли к цели. Минута выжидания. Сторож? Его нигде не слыхать.

Проникнуть в склад обычным путем было невозможно из-за прочных запоров. Ломать их означало бы поднять шум, который мог всполошить немцев. Более удобным оказалось одно из окон, с которым быстро справился «Болек». Несколько партизан, в числе которых был и я, тут же оказались внутри склада. Мы увидели большое помещение, до потолка уставленное мешками с мукой, крупой, солью и сахаром. Последнего было больше всего. Несколько человек забрались наверх и принялись осторожно спускать стокилограммовые мешки вниз. Это была слишком большая тяжесть для одного человека. Нам пришлось отсыпать по половине из каждого мешка. Двенадцать мешков с сахаром покинули в эту ночь складское помещение. Страшно пришлось нам намучиться, все немилосердно устали, прежде чем добрались до бункера. Не один проклинал себя за жадность и излишнюю уверенность в собственных силах. Частые передышки и «заметание следов» отняли у нас много времени.

Операция удалась полностью.

В воскресенье мы отправили несколько человек на разведку, чтобы установить, обнаружили ли немцы наш ночной визит. Пронаблюдав почти целый час за складом, разведчики доложили, что никто ничего не заметил. Тогда было решено повторить ночной поход. Таким образом более тонны сахара оказалось на нашем партизанском складе.

ИЮНЬСКИЕ «РЕЛЬСОВКИ»

Теперь мы могли спокойно подумать о том, как нападать на железнодорожные линии. Наши товарищи железнодорожники подали нам идею. Уничтожать транспорт, говорили они, можно не только динамитом. Можно еще и развинчивать стыки рельсов. Этот метод казался необычайно простым. Отсутствие гаечных ключей — не препятствие. Вместе с «Болеком» мы добыли их в будке железнодорожника на отрезке Либёнж — Хжанов.

8 начале июня состоялось первое официальное совещание, посвященное диверсиям на железной дороге.

Я представил на нем заранее разработанный совместно с «Болеком» план операции, которую предстояло осуществить в ближайшие дни. План этот предусматривал несколько следующих одна за другой диверсий на всех четырех трассах железнодорожных линий.

Первую из них мы решили совершить на линии Мысловице — Освенцим между Хелмом Вельки и Имелином. Снова ожили сомнения в надежности метода. Однако на этот раз мы уже не возобновляли дискуссий. Знали, что в любом случае задуманный план надо выполнять и что поезда должны лететь под откос.

9 июня 1943 года мы под командованием «Болека» вышли из либёнжского бункера. В теплую безлунную, хотя и светлую, ночь группа из семи человек маршировала по направлению к Хелму Вельки. Нам предстояло совершить пятнадцатикилометровый переход через леса и сырые луга. Короткая июньская ночь не оставляла нам слишком много времени, поэтому пришлось выйти, как только стемнело. Нагруженные тяжелыми ключами, оружием и патронами, мы продирались через заросли и болота. В лесу мы чувствовали себя уверенно, хотя ночной марш никак нельзя было назвать легким. У меня было такое ощущение, будто деревья, мимо которых мы проходим, молча сочувствуют нам и защищают от врага. Хуже приходилось на открытых местах. Но опаснее всего было пересекать дороги и проходить мимо жилья. Здесь нам грозила встреча с полицейскими патрулями или Ландвахе. Поэтому мы шли дозорным порядком, сохраняя между парами гвардейцев определенное расстояние. Связь была только «зрительная». Неоднократно приходилось падать на землю и ждать, пока освободится дорога. Через реку Пжемшу мы переправились вплавь, не рискуя переходить ее по мосту в Хелмеке, где полицейские часто проверяли документы у ехавших в ночную смену или возвращавшихся с работы поляков.

До цели добрались около полуночи. Выбрали подходящий

отрезок рельсов. «Валек» и «Казек», посланные в разведку, сигналом — криком птицы — дали нам знать, что все спокойно. Мы с «Юзеком» подошли к линии и принялись развинчивать стыки рельсов. «Болек» прикрывал нас и поддерживал контакт с дозорными, расставленными по линии.

Поначалу движения наши были неуклюжими. Ключи со звяканьем соскальзывали с гаек. Товарищи, стоявшие в дозорах, все время требовали, чтобы мы работали потише. Поэтому, когда ключ в очередной раз соскакивал, мы насаживали его на гайку, как говорится, «по пальцу». Работа была нелегкой.

Задача заключалась в том, чтобы на обоих рельсах раскрутить стыки и отвернуть винты, которыми рельсы прикрепляются к шпалам. Потом нам предстояло сдвинуть рельс с таким расчетом, чтобы колеса паровоза попали в образовавшуюся щель. Заржавевшие болты развинчивались с трудом, и только после часа напряженного труда нам удалось с ними справиться. Но в спешке мы не заметили, что оба рельса соединены между собой каким-то прутом. Нам не оставалось ничего иного, как загнуть концы обоих рельсов внутрь. С немалым трудом удалось и это.

Отозвав дозорных, сошли с полотна в лес. Минуты тянулись бесконечно. Наконец до нас донесся сначала далекий, но все нараставший стук колес. Еще несколько мгновений, и мы увидели огни паровоза, а за ним — вереницу товарных вагонов. Некоторые из них были освещены — знак того, что в них едут сопровождающие солдаты. Внезапно раздался удар, и сразу же вслед за ним лязг железа.

Паровозные фонари замигали, один оказался выше другого, из топки посыпались снопы искр. Паровоз свалился с невысокой насыпи. Эхо еще не успело повторить грохот, как до нашего слуха донеслись стоны и перепуганные вопли. На фоне темных обломков мы увидели отблески винтовочных выстрелов, сначала одиночных, а потом — ураганный пулеметный огонь. Напуганные катастрофой, немцы вслепую поливали пулями грозную для них ночную темень.

Нас захлестнуло радостное возбуждение и гордость. Больше дожидаться было нечего. Окрыленные успехом, отправились мы в обратный путь и, изрядно усталые, вернулись в бункер.

Товарищи сообщили нам, что железнодорожное полотно оказалось разрушенным на протяжении нескольких десятков метров, было убито и ранено около полутора десятков немцев, а железнодорожное сообщение на перегоне Мысловице — Освенцим прервано на 36 часов. Так нам удалось нанести первый успешный удар по нервному центру врага — по его коммуникациям.

Через три дня, 13 июня 1943 года, «Болек» повел нас в сторону Щаковой. На этот раз мы решили несколько усовершенствовать методику. Опыт первой диверсии натолкнул нас на мысль, что вместо того, чтобы полностью устранить рельс, достаточно кусок его загнуть внутрь. Это должно было сэкономить и время и труд. Именно так мы и подготовили на этот раз западню. После того как стык был развинчен, а из нескольких шпал вырваны костыли, мы загнули рельс внутрь и вставили в щель металлический прут, чтобы рельс случайно не вернулся в прежнее положение. Работа эта, естественно, потребовала меньше времени. Недолго пришлось нам дожидаться результатов работы. Издалека послышался паровозный гудок. Я встревожился, поскольку поезд шел с противоположной стороны — вместо того чтобы идти со стороны Мысловице, он двигался от Щаковой. Я выругался про себя. Паровозные фонари надвигались все ближе и ближе. Внезапно мы услышали грохот, похожий на тот, который издавала бы катящаяся по ступенькам бочка. Фонари ритмично подпрыгивали. Паровоз соскочил с рельсов и, прокатившись несколько десятков метров по шпалам, с сопением остановился. Мы растерялись. За паровозом не было никаких вагонов. Домыслы были самыми различными. Загадку эту вскоре объяснили нам железнодорожники. Оказалось, что это был маневровый паровоз, случайно попавший в нашу ловушку.

Каждая операция обогащала нас опытом. К сожалению, мы действовали теперь без «Болека», которому партийные обязанности не позволяли непосредственно руководить вооруженной борьбой отряда. Обязанность эту он возложил на меня, как на своего заместителя. С тех пор я фактически стал командиром отряда.

Собственный опыт и советы товарищей мы решили испробовать 23 июня на линии Тжебиня — Освенцим между Хелмеком и Освенцимом.

До Хелмека было близко. Однако нам пришлось сделать большой крюк, чтобы обойти позиции немецкой зенитной артиллерии Пройдя Хелмек, мы остановились вблизи моста через Вислу. Перед полуночью прошли по направлению к Хелмеку и Освенциму последние поезда с рабочими. После этого могли идти только товарные составы или воинские эшелоны. Знакомству с порядком следования поездов мы были обязаны нашим разведчикам: «Пеню» — Станиславу Жидзику и Францишеку Каспереку из Хелмека.

Мы вошли на железнодорожный мост. «Тадек» и «Казек» заняли места дозорных, мы с «Личко» приступили к работе на рельсах, а «Юзек» и «Валек» прикрывали нас.

Крушение поезда на мосту, по моим расчетам, должно было не только нанести ущерб составу, но и повредить стальные конструкции самого моста. Мы надеялись, что это будет серьезная катастрофа и здесь мы возьмем реванш за неудачу под Ензором.

Темная и пасмурная ночь, которая обычно бывала нашим союзником, сейчас затрудняла действия. На ощупь отыскивали мы стыки на рельсах. И тут внезапно обнаружилось, что соединения здесь длиннее, чем обычно. «Личко» пытается развинтить стыки, а я ползком ощупываю руками шпалы и соединения с ними. Под пальцами — холод металла. Да и болты какой-то невиданной формы. Воспользоваться фонариком не могу из-за боязни привлечь внимание.

Путешествия на четвереньках в ту и другую сторону убеждают меня в том, что если бы даже мы и смогли отвинтить несколько болтов, то отогнуть рельс в сторону нам все равно не удастся. Подползаю к «Личко». Он тяжело дышит и потихоньку ругается.

— Возвращаемся! — говорю я «Личко».

У моста я подозвал остальных товарищей, и мы спустились с насыпи. Ничего не поделаешь, если не удается на мосту, то разрушим полотно перед самым мостом. Здесь рельсы крепятся к деревянным шпалам и стыки у них обычные.

Июньская ночь была на исходе, и я приказал товарищам возвращаться в бункер. А мы с «Личко» решили остаться в укрытии, чтобы проследить за результатами. Спрятавшись в хлебах в каких-нибудь 200 метрах от ловушки, мы с «Личко» с нетерпением дожидались поезда.

В тишине летней ночи время от времени слышался шорох полевых зверьков или крик проснувшейся птицы. Постепенно начало светать.

Лежа на влажной земле в хлебах, покрытых росой, я думал о всех тех, кого гитлеровцы обрекли на мучения и гибель. В трех километрах от нас был Освенцим. Я подумал об отце, погибшем там. Не услышит он уже вестей о борьбе партизан, не узнает, что среди них находится и его сын.

Мысли, однако, упрямо возвращаются к железнодорожному полотну. Удастся ли сегодняшняя диверсия? Издалека доносится характерный шум. Слышит его и «Личко». Он высоко задирает свой курносый нос и со сверкающими глазами шепчет мне:

— Идет…

Кивком соглашаюсь с ним. Шум все нарастает. Теперь уже можно рассмотреть поезд. Сердце колотится.

Напрягаю зрение. Со страшным грохотом и треском ввысь

взмывает огромная огненная волна. Еще несколько более слабых ударов, и слышится мощное шипение пара. Стальное тело паровоза легло поперек рельсов. Рядом с ним, как щенята, тянущиеся к соскам матери, тесно прижимаются друг к другу товарные вагоны, разбитые, перекореженные, нагроможденные друг на друга. Крики, стопы, одиночные выстрелы… гляжу на «Личко». Он как зачарованный уставился на насыпь. Я дергаю его за рукав.

— Хватит, бежим!

Ползком пробираемся по полосе ржи, прилегающей к лесочку. До нас доносятся крики и проклятия. Неужто обнаружили? Нет, нас никто не преследует. Гитлеровцы пока что думают только о себе.

Вскоре мы уже были в бункере, где товарищи с нетерпением дожидались вестей. Мы были настолько взволнованы, что не могли подыскать слов, чтобы описать, как все было. Я очень сожалел, что весь отряд не мог быть свидетелем нашей добротной партизанской работы.

В тот же день нам сообщили о результатах катастрофы. Паровоз и несколько вагонов были полностью уничтожены. Гитлеровцы тут же принялись расчищать пути. На эту работу они согнали местное население, хватая всех, кто подвернется под руку. Были поданы технические составы. Последствия катастрофы ликвидировали почти 24 часа.

Метод оказался результативным, поэтому мы решили следующей же ночью провести диверсию на линии Освенцим — Затор.

Вечером 24 июня вместе с отрядом, состоящим из шести гвардейцев, я двинулся за Вислу. Собиралась гроза. С юго-запада доносились отдаленные раскаты грома, а небо полыхало молниями. Мы шли навстречу грозе. Оружие и инструменты не давали нам возможности переправиться через реку вплавь. Пришлось задержаться в поисках брода, хотя Вислу я знал достаточно хорошо. Ведь именно здесь я научился в детстве плавать, здесь мы играли с друзьями. С трудом переправились на другой берег. Раскаты грома звучали все чаще. Когда мы добрались до железнодорожного полотна под Пжецишувом, начали падать первые капли дождя. Я был рад такой погоде.

Дождь перешел в проливной ливень. Не успели мы отвернуть и пары гаек, как к нам подошел «Личко». Оказалось, что вместо обычных винтов здесь для креплений использованы костыли, а у нас не было инструмента, чтобы их вытаскивать.

Мы с «Валеком» кончили развинчивать стык и все вместе принялись вытаскивать костыли. Приходилось ломами поднимать

весь рельс. К счастью, гроза разгулялась, и мы могли работать без излишних предосторожностей.

На этот раз мы ввели еще одно усовершенствование. По насыпи шли две линии. Чтобы усилить результаты катастрофы и забаррикадировать вторую линию, мы выгнули внутренний рельс наружу.

Усталые, промокшие, мы укрылись в зарослях недалеко от полотна, терпеливо дожидаясь результатов нашего труда. Дождь шумел в листве, вода заливала глаза. Мы промокли до нитки, но упрямо продолжали ждать. Наконец ветер донес мерный, нарастающий перестук колес. Мы смотрели как зачарованные. Сердца наши колотились все сильней.

Внезапно в ночной темноте взметнулся вверх огромный сноп огня и искр, а еще через мгновение до нас донесся страшный лязг железа.

Как выяснилось позже, мы в ту ночь пустили под откос эшелон с автомашинами, двигавшийся на фронт.

Немцы начали понимать, что поезда их идут под откос не случайно, и тут же стянули воинские части, полицию, жандармерию, оцепив место катастрофы и не подпуская к нему никого. Часть этих сил была брошена на прочесывание близлежащей местности и лесов. Немцы двигались под прикрытием живого щита из жителей Пжецишува-Ляса, которых они гнали перед собой. Однако им так и не удалось напасть на наши следы. Мы спокойно отдыхали в либёнжском бункере.

За маневрами врага следили наши «легальные» товарищи. Из их донесений следовало, что диверсии на железном дороге немцы приписывают партизанам из Генерального Губернаторства. И действительно, немцы усилили охрану границы. Тайные сотрудники полиции на нашей территории также получили задание выслеживать партизан. Почти через шесть недель, получив, по-видимому, какую-то информацию от своих тайных агентов, немцы приступили к расправе с партизанами-коммунистами.

Но до этого нам удалось нанести еще два удара по уязвимым местам коммуникаций «третьей империи». В ночь с 28 на 29 июня был пущен под откос транспортный состав на линии Освенцим — Хжанов, а 3 июля мы совершили диверсию на линии Освенцим — Мысловице. Два этих нападения привели к уничтожению паровозов и вагонов, а движение было приостановлено на 10—15 часов. Мы выбрали эту линию потому, что пока она еще не охранялась гитлеровцами.

Почти сразу же после диверсии 3 июля гитлеровцы прибегли к постоянной охране всех дорог в районе наших действий,

используя для этого силы железнодорожной охраны, так называемых баншутце. С той поры патрули круглосуточно следили не только за станциями, как это было раньше, но также и за железнодорожными путями на всем их протяжении.

Кончилась для немцев относительно спокойная жизнь в Силезии. Для охраны железнодорожных путей им приходилось использовать сотни, а может быть, и тысячи солдат, несмотря на то, что недостаток в них ощущался на всех фронтах.

Бешенство гестапо не знало границ. Повсюду искали виновных. Недостаточно жестоких палачей заменяли новыми.

Полный успех наших диверсий подтвердил реальность выдвинутого партией лозунга «борьбы за рельсы». На территории, где, как поначалу некоторым казалось, не было условий для вооруженной борьбы, на земле, которую гитлеровцы считали своей собственной, жил и сражался польский народ. Малочисленные отряды Гвардии Людовой, малочисленные не потому, что не было людей, готовых сражаться с врагом, а потому, что местные условия вынуждали к этому, наносили оккупантам чувствительные удары.

Известия о наших успехах поправили несколько настроение и в освенцимском лагере. Как эти обреченные на уничтожение люди воспринимали известия из внешнего мира, способен рассказать только тот, кто находился тогда за колючей проволокой[14].

> «Я полагаю, что следовало бы упомянуть о том, какое впечатление производили на нас, узников освенцимского лагеря, вести, проникающие к нам благодаря вольнонаемным рабочим, занятым на территории лагеря Аушвитц-Биркенау, или непосредственно от свежих «цугангов» из околиц Хжанова об активной деятельности партизанских отрядов Гвардии Людовой, под боком Освенцима.
>
> Мы с нетерпением дожидались подобных вестей (…) Надежда на быстрое освобождение затеплилась у нас еще в середине 1943 года, когда начали действовать в районе партизаны Армии Людовой. Мы радовались каждому успеху, который в передаче узников принимал просто невероятные масштабы. Однако это поддерживало дух людей. Именно этой стороны деятельности партизан в окрестностях Освенцима не следует упускать из виду. Так, например, разнузданному форарбайтеру Мухе во время работы на складе товарищ по несчастью З. Кукла (№ 763) смело сказал:

— О тебе, дрянь, знают даже партизаны в Хелмеке, так что тебе незачем дожидаться свободы, потому что тебя… сына, повесят.

Подобное же произошло с капо Гонсёровским в Биркенау. Брата его привезли в лагерь из Андрыхова. Я был свидетелем их разговора в блоке 17 в Бжезинке:

— Стефан, о тебе плохо отзываются ребята из леса, грозятся повесить тебя.

Под впечатлением этого разговора Гонсёровский переменился к лучшему…».

Удельный вес Силезии к тому времени возрос как в военном, так и в экономическом потенциале Германской империи. Наши люди, работавшие на фабриках и в шахтах, сообщали об увеличении выпуска продукции. Строились новые важные объекты: химический комбинат ИГ-Фарбениндустри в Дворах подле Освенцима, электростанция в Явожно и другие. Лихорадочно расширялись железнодорожные товарные станции и железнодорожные линии в Щаковой, Дзедзице и Мысловице. В Силезию прибывали все новые партии немецких специалистов. Строились филиалы трудовых лагерей при шахтах и фабриках, где использовался труд заключенных разных национальностей.

Усиленный приток немцев в Силезию сильно затруднил нашу борьбу.

Одновременно с введением охраны железнодорожных путей жандармерия и Ландвахе приступили к усиленному надзору за всей территорией. Начались допросы рабочих, которых подозревали в сотрудничестве с «бандитами», орудующими в окрестностях. Было арестовано много железнодорожников и без всякого доказательства вины отправлено в освенцимский лагерь. В июле усилили охрану линий на главных магистралях при помощи военных патрулей, расставленных через каждые 200 метров и вооруженных в числе прочего даже пулеметами. В этих условиях битву за рельсы пришлось приостановить.

ЩУПАЛЬЦА ГЕСТАПО

Свою деятельность мы в то время сконцентрировали на выпуске газет и создании новых групп Гвардии Людовой.

Работой этой были заняты почти все гвардейцы отряда имени Ярослава Домбровского. Поодиночке, снабженные фиктивными документами, рассчитывая на собственную изворотливость и везение, ходили мы в район. Оружия с собой не брали, поскольку в любой момент могли столкнуться с гитлеровцами. За ношение оружия была одна кара — смерть. Насколько же спокойнее и бодрее чувствовали мы себя на выполнении боевого задания, находясь среди товарищей и с оружием в руках.

В ближайшее воскресенье после диверсии на железной дороге «Юзек» получил задание отправиться в Бычину на встречу с секретарем подокруга «Олеком». Он должен был передать ему несколько экземпляров последнего выпуска «За Вольносць», получить приготовленную для нас литературу и обсудить некоторые организационные вопросы. «Юзек» уже неоднократно выполнял такие задания. В отряде он был с ноября 1942 года и среди товарищей приобрел репутацию опытного партизана.

В воскресенье около полудня «Юзек» появился у «Олека». Будучи непосредственным участником всех июньских диверсий, он доложил секретарю о том, как они протекали. А от секретаря узнал, сколько радости и надежд вселили эти диверсии в сердца польского населения. В глазах местного населения каждая наша диверсия приобретала сказочные размеры. Мы, партизаны, еще не понимали тогда, какое огромное облегчение приносила людям любая весть о наших, хотя бы и мелких успехах в борьбе с оккупантами.

Объясняя положение на фронтах военных действий, «Олек» горячо и живо рассказал «Юзеку» о переломе на восточном фронте. Он перечислял названия населенных пунктов и районов, которые еще так недавно геббельсовские сводки фюрера называли в победных отчетах. Десятки эти населенных пунктов снова оказались в руках Красной Армии. Много хороших и утешительных вестей нес «Юзек» своим товарищам по отряду. Часть этих известий содержалась в подпольных газетах, которые секретарь передал «Юзеку». Тот сунул их под рубашку и, распрощавшись с «Олеком», тронулся в обратный путь. До леса оставалось чуть более двух километров, а там уже можно было чувствовать себя в безопасности. Прекрасная июльская погода как бы приглашала отдохнуть, оторваться хоть на миг от повседневной солдатской службы. Тем более что для этого

предоставился подходящий случай. По пути к лесу, на лужайке возле мельницы, он заметил группу местной молодежи, которая устроила танцы под гармошку на траве. Следует заметить, что подобные развлечения были полякам строго запрещены. Запреты эти молодежь не соблюдала и тайно собиралась поразвлечься.

«Юзек» поддался общему настроению. Он свернул с полевой тропинки и смешался с группой молодежи.

Позднее мы узнали, что в то самое время, когда «Юзек» отправился в обратный путь, на другом конце деревни, в бывшем домике ксендза, где теперь размещался пост немецкой жандармерии, обервахмайстер Рихтер заканчивал обед со своими подчиненными. У них тоже был повод для хорошего настроения. Что там ни говори, а пока удавалось избегать отправки на восточный фронт. Страх перед посылкой на советский фронт, перед Красной Армией, уже тогда был повсеместно распространен среди немцев. Поэтому обервахмайстер Рихтер всеми силами пытался доказать вышестоящему начальству необходимость его пребывания в Бычине. Завершая трапезу, обильно приправленную водкой, немцы решили отправиться на осмотр подвластной им территории. Уже издалека услышали они звуки гармошки. Танцующие тоже заметили жандармов. Произошло всеобщее замешательство.

«Легальные» гвардейцы, которых здесь случайно встретил «Юзек», советовали ему бежать вместе с жителями в деревню. Он не послушался, полагая, что в поднявшейся суматохе ему удастся добраться до леса. Однако он просчитался. Жандармы, вмешавшись в толпу, раздавали направо и налево удары прикладами, как вдруг заметили человека, удаляющегося в одиночестве в сторону леса. «Юзеку» предстояло преодолеть около 800 метров. Они бросились в погоню и, стреляя на ходу, догнали его у самого леса. У «Юзека» имелись выданные лесничим Абсторским документы на чужое имя, в которых значилось, что он является рабочим на лесоповале. Не рассматривая документов, его повели обратно. Обервахмайстер приказал отвести «Юзека» на пост. Выбрав удобный момент, «Юзек» сумел вытащить из-за пояса конспиративные газетки и воткнуть их в штанину брюк. Пачка бумаги с каждым шагом спускалась все ниже и наконец упала на землю. Жандарм, сопровождавший «Юзека», ничего не заметил. Только участницы трапезы, следовавшие за ними на некотором расстоянии, заметили лежащие на земле бумаги. Они тут же сообщили об этом немцам, и Рихтер моментально сообразил, что к чему. Он подскочил к «Юзеку» и, обзывая его бандитом и польской свиньей, принялся бить. Теперь уже «Юзека» повели на пост двое

конвоиров. Там и начали его впервые допрашивать. Страшное избиение не дало никаких результатов. Он упрямо повторял: «Ничего не знаю, никого не знаю, газетки не мои, я нашел их на дороге» и т. д. По истечении нескольких часов Рихтер, поняв, что так он ничего не добьется, прервал допрос. «Юзек» без помощи уже не мог держаться на ногах.

В ту же ночь гестапо переправило его в тюрьму в Мысловице как особо важного и опасного преступника. Его немного подлечили, а потом пошли допросы профессионалов из катовицкого гестапо, которые специально ради таких случаев приезжали в мысловицкую тюрьму. Несмотря на пытки, гестаповцам не удалось ничего вытянуть из «Юзека». А ведь знал он много: расположение бункера, его состав, вооружение, семьи партизан. С самого начала существования отряда он был с нами. Он не предал, хотя, по всей вероятности, такой ценой мог спасти себе жизнь.

О его героическом поведении на допросах и в тюрьме нам потом рассказали товарищи, которым удалось выйти из гестаповских застенков. Гестаповцы, видя, что ничего от него не добьются, отправили его в освенцимский лагерь и там 29 ноября 1943 года убили.

Так погиб первый наш товарищ-гвардеец — партизан отряда имени Ярослава Домбровского, «Юзек» — Юлиан Рембеха, сын рабочего класса Хжанова.

Через несколько дней после ареста «Юзека», ближе к вечеру, я отправился к «Адаму». Здесь я должен был встретиться с «Болеком». Мне хотелось обсудить с ним положение в районе и наши задачи.

Неподалеку от дома лесника я остановился. «Нелегальная» жизнь приучила меня к осторожности, которая успела войти в привычку. Однако ничто не нарушало лесной тишины. Я защелкал по-птичьи, условным сигналом давая знать «Адаму», что прибыл. Выждал минуту, но «Адам» не выходил. Внезапно откуда-то со стороны до моего слуха донесся странный шелест. Я пригляделся. Мгновение спустя шелест повторился. Мне показалось, что кто-то крадется ко мне. Я чувствовал, что мне грозит опасность. Рывком поставил пистолет на боевой взвод. Вдруг со стороны дома лесника до меня донесся крик:

— Хальт! Хэнде хох!

Два жандарма выскочили из дома, паля из автоматов. Я бросился бежать под защиту деревьев. Пули щелкали вслед за мной, отрывая куски коры, срезая ветви деревьев. К счастью, ни одна из них меня не задела. Проскочив через небольшой пригорок, низинкой помчался в сторону Хелмека. Выстрелы

раздавались все реже и дальше.

Я приостановился. Погони не было.

Я решил вернуться к дому лесника. Спрятавшись неподалеку от хозяйственных пристроек, следил за домом. Было уже темно. Из окон падал слабый свет керосиновой лампы. Подле дома поблескивали огоньки карманных фонарей. Из дома доносились выкрики, детский плач, женские вопли, смешанные с немецкими окриками и ругательствами. Мне было достаточно того, что я увидел и услышал. «Адаму» и его семье грозила опасность. Меня охватил страх за их судьбу. «Адама» нужно спасать. Приняв такое решение, я прикидывал наспех, что можно предпринять. Одному мне не справиться со столькими немцами. Придется бежать за подмогой. А что, если немцы успеют убраться из дома лесника до нашего прибытия? Пока я раздумывал, полицейские вывели «Адама» из дома. Руки его были закованы в кандалы.

По отрывочным фразам немцев я понял, что намереваются вести «Адама» на пост в Либёнже. Следовательно, имелся шанс спасти товарища. С этой мыслью я и мчался со всех ног к бункеру, расположенному в километре от дома «Адама». В бункер ворвался как вихрь.

— Ребята! Берите оружие и за мной!

Никто ни о чем не спрашивал. Да и не было времени на объяснения. В одно мгновение четверо партизан выскочили вслед за мной. По дороге — на бегу — я объяснил им, куда и зачем мы бежим.

Засаду мы устроим в Либёнже, там, где дорогу пересекает железнодорожная ветка шахты «Янина». Только бы успеть! Увидев «Адама» и полицейских, стреляем вверх, «Адам» должен бежать. Поблизости имеются дома, а в них наши «легальные» товарищи, они ему помогут. Как только «Адам» скроется, отступаем и мы. А если они появятся без «Адама», то бьем прямо по немцам.

Мы успели вовремя и до прихода жандармов даже немного отдохнули.

Вот и они, и «Адам» вместе с ними. Стреляем поверх голов, чтобы не ранить товарища. Жандармы падают на землю, прячутся в придорожном рву. Только автоматные очереди говорят об их присутствии. «Адам», сразу разгадав наши намерения, бросился бежать. Мы продолжали вести огонь до тех пор, пока не решили, что «Адам» должен был уже добраться до первых домов. Дали еще несколько одиночных выстрелов и отступили. Вскоре нас поглотил лес и приютил бункер.

«Адам», услышав выстрелы, догадался, что это мы пришли ему на помощь. «Герои», которые так смело вели себя в его доме и не подумали преследовать убегающего «Адама», они только

стреляли вслед. Он пробежал метров тридцать, когда почувствовал, что ранен. Изо всех сил старался не упасть, опасаясь, что из-за скованных за спиной рук уже не сможет подняться. Огромным усилием волн заставлял себя бежать в сторону ближайших домов, к товарищу Агнешке Кусьмерчик. С трудом ему удалось добраться до ее квартиры. Она тотчас же послала дочь Басю за товарищем «Макаром». Тот прибыл с напильником, ножовкой и другими инструментами. Нелегкая эта была работа. Браслеты впились в распухшие руки. По инструментам стекала кровь. Требовала лечения и огнестрельная рана. Этим занялся доктор Феликс Голомб, наш партизанский врач из Либёнжа. Однако бункер не был рассчитан на содержание больных. Пришлось нам поместить «Адама» у «Млодого» — Тадеуша Капци в Явожно. Там за ним ухаживали врачи — Мечислав Миклашевский и Казимир Ставарский. Группа «Млодого», снабжавшая нас до этого техническими материалами, стала теперь постоянным поставщиком лекарств и перевязочных средств, которыми пользовались и партизаны и «легальные» группы.

Через несколько дней «Адама» перебросили к «Зайонцу» — Якубу Бохенеку под Яворки. Но и оттуда ему пришлось уходить, так как немцы каким-то образом проведали, что у Бохенека живет чужой. Убежище ему предоставили другие товарищи, а когда он немного поправился, то вернулся к нам в бункер. Самопожертвование товарищей спасло «Адаму» жизнь, однако рукой своей он еще не вполне владел.

На следующий день, после того как был отбит «Адам», гитлеровцы арестовали его жену. Около двух недель вели допросы с пристрастием, но так ничего и не узнали от этой мужественной женщины. Тогда гестапо изменило тактику. Ее отпустили как бы из сочувствия к двум малолетним детям. Много месяцев Анна Познаньская и ее дом находились под тщательным наблюдением. Однако в западню никто не попался. Анну снова арестовали, а домик лесника сровняли с землей.

Жене «Адама» удалось вынести все мучения Освенцима, но, истощенная лагерным режимом, она умерла вскоре после освобождения.

В поисках «Адама» жандармы попали также и к Агнешке Кусьмерчик. К счастью, в доме ее не удалось обнаружить никаких следов пребывания раненого.

Июльские события беспокоили и заставляли задуматься. Нам казалось, что у гитлеровцев имеется какой-то, пока что скупой источник информации, но в конце концов и он может навести их на наши следы. Арест «Юзека» был делом случая. Однако попытку

арестовать «Адама» нельзя было уже отнести к разряду случайных.

В Езюрках жил один из наших товарищей, бывший член ППС, лесник Арнольд Преглер. Должность лесника досталась ему по наследству от отца, который приехал сюда из Австрии перед первой мировой войной и после получения страной независимости принял польское гражданство.

Таким образом, Арнольд родился уже польским гражданином, служил затем в Польской армии, закончив школу подхорунжих. До офицерского звания он не дослужился и покинул военную службу. Он вернулся в Езюрки. После оккупации Польши немцами, несмотря на их нажим, он не отрекся от польского гражданства. С начала 1943 года сотрудничал с конспиративными организациями. В доме этого лесника был установлен захваченный нами радиоприемник, здесь хранилось большинство материалов для наших газеток. Лесник Преглер снабжал также наших товарищей по отряду легальными документами — удостоверениями и пропусками, которые выдавались рабочим. Между прочим, именно такое удостоверение было и у «Юзека». Это гитлеровцы и решили использовать.

Ранним июльским утром солдаты вермахта, гестаповские агенты и полиция из Явожно окружили Езюрки. Всех взрослых мужчин вывели на площадь. Прямо на месте начали допрашивать семью Преглера. Избиение и пытки не дали результата. Жителей, которые сидели на площади с заложенными за затылок руками, пинали, били прикладами и плетьми, травили собаками.

Гестаповец Шмидт, который руководил этой операцией, приставляя винтовку к затылкам своих жертв, требовал у них показаний, грозил отправить всех в концентрационные лагеря, сжечь деревню. Потом они увезли лесника, его жену и трех сыновей. Только двум из них удалось выбраться живыми из гестаповских застенков. Через две недели гитлеровские машины снова приехали в Езюрки. Из одной вывели шатающегося Преглера с черным от побоев лицом. Его привязали к дереву на опушке леса и опять начали жестоко избивать. Другая группа гитлеровцев ворвалась к младшему леснику Яну Солтысеку. Солтысек не успел бежать и спрятался в сарае среди снопов соломы. Палачи затащили его жену на чердак и там немилосердно избили. В конце концов нашли и лесника. До сегодняшнего дня его дочери, Кристина и Мария, вспоминают страшную картину: на кухонном полу лежит окровавленный, облитый водой отец и тяжело дышит. Супругов Солтысеков забрали, они так и не вернулись в Езюрки.

Летом 1943 года польское движение Сопротивления в

Хжановском районе потерпело целый ряд неудач. 15 июля в лесах подле Вилькошина погиб во время облавы бывший пепеэсовец, Михаил Стожек — «Тройконт», вскоре гестапо ликвидировало почти всю созданную им группу.

За плечами «Тройконта» был большой опыт деятеля рабочего движения в довоенные годы, знаком ему был и вкус тюремного хлеба. Этот горячий патриот был одним из тех поляков, которые после оккупации страны немцами сразу же взялись за оружие. Из бывших деятелей ППС он организовал на территории Явожно вооруженную группу. Затем установил сначала контакт, а потом — тесное сотрудничество с нами. Среди первого оружия нашего отряда оказались два пистолета системы парабеллум, переданные нам «Тройконтом».

В феврале 1943 года в дверь квартиры «Тройконта» начали ломиться, и послышалась немецкая ругань. Однако Стожеку на этот раз повезло — он был в ночной смене. Были оцеплены выходы из шахты, но среди поднявшихся на поверхность шахтеров Стожека не оказалось. Спрятанный в старых, заброшенных штольнях, он просидел под землей неделю. На поверхность он выбрался в вагонетке, хитроумно замаскированный, и сразу ушел в Ценжковицкие леса, чтобы продолжать борьбу с немцами.

В момент ареста Преглера он находился в доме лесника, но и на этот раз ему удалось скрыться. Раненный, он все-таки вырвался из окружения. Через несколько дней, пробираясь вместе с обходчиком Юзефом Пошем на сборный пункт под Щаковым, он наткнулся на немецкую облаву, прочесывавшую лес в окрестностях Вилькошина. Они притаились в зарослях у моста. Их заметили. Схватка длилась несколько минут. Оба погибли под ураганным огнем гитлеровцев. В тот же день немцы арестовали семьи обоих партизан.

Серьезные потери понесла также организация ППР на территории Серша — Мысляховице. Гестапо имело свою агентуру среди действовавших там коммунистов. Квартира одного из таких агентов была явкой подпольщиков. Естественно, агенту этому были знакомы большинство членов ППР в районе. Поэтому агент не удивился, когда на пороге его квартиры появился известный ему коммунист Юлиан Сливиньский — «Игнац». Агент знал, что гость принадлежит к числу крупных партийных деятелей. Он принял «Игнаца», предоставил ночлег, а когда тот заснул, оповестил немецкую жандармерию.

Прежде чем «Игнацу» удалось переправить из мысловицкого лагеря предупреждение товарищам, предатель успел выдать еще десятки других.

В первое воскресенье июля 1943 года гитлеровцы окружили дом Курпинских в Серше, где происходило собрание местной организации ППР. Было арестовано 12 человек, в том числе Адам и Станислав Хынеки с семьями, а также семья Курпинских из четырех человек. Живой выйти из лагеря удалось только Каролине Хынек. Не дождался освобождения и Сливиньский. Вместе с четырьмя другими заключенными он был публично казнен — повешен в Щирке 13 марта 1944 года.

В ночь с 11 на 12 августа 1943 года в Хжановском районе были произведены новые массовые аресты. Подобные же аресты и облавы производились в Пщинском и Рыбницком районах. Сотни людей оказались в подвалах мысловицкой тюрьмы и в лагере, который среди заключенных назывался «Европой», где гестапо днем и ночью вело следствие. В лапы гитлеровских палачей попали десятки наших товарищей. В их числе оказался секретарь подокружного комитета «Олек» — Томаш Барановский, Станислав Хынек, Болеслав Котыля, Якуб Бохенек и многие, многие другие. Некоторые из них, как, например, Юзеф Дрозда и Юлиан Листван, были расстреляны перед собственными домами.

Группу арестованных доставили на территорию шахты «Янина». Среди них были «Стефек» — Стефан Косовский, «Зайонц» — Якуб Бохенек, «Коваль» — Юзеф Розмус, «Клямка» — Юзеф Цыган. В шахте их держали до утра, осыпая ударами и пинками. Утром арестованных перевезли в Хжанов, где на площади Костюшки гитлеровцы устроили что-то вроде пересыльного пункта. Здесь уже находилось несколько десятков человек, среди которых были женщины и дети. До середины дня арестованные лежали на земле, им не разрешали даже шевельнуться. Между рядами лежащих расхаживали гитлеровцы, ругая их и избивая. Стоны, плач детей и матерей только усиливали свирепость фашистов. Около 16.00 часов на площадь прибыли два грузовика и две танкетки. Арестованных перевезли на грузовиках в Мысловице. В этот день гитлеровцы свезли в Мысловице несколько сот человек из различных районов Силезии. В маленькие камеры с нарами в два этажа, лавками и парашами сажали по нескольку десятков человек. Люди задыхались и теряли сознание. Начались допросы[15].

Такая же участь постигла и «Олека» — Томаша Барановского, секретаря комитета нашего подокруга. С самых юных лет он был связан с рабочим движением. Сразу после окончания школы пошел работать на паровозостроительный завод в Хжанове. Вскоре стал членом Коммунистического Союза Молодежи, а потом — и Коммунистической партии Польши. Вел активную работу на территории Хжановского района, чаще всего в Бычине,

Жарках, Менткове и окрестностях. Полиция часто производила обыски в его квартире и, хотя они не давали никаких результатов, нередко арестовывали его «на всякий случай». «Олек» безрезультатно искал постоянной работы — всех отпугивало клеймо «коммуниста». В 1936 году он был арестован вместе с другими деятелями Хжановского подокруга КПП. Томаша Барановского приговорили к двум годам тюремного заключения. Приговор он отбывал в краковской тюрьме. На свободу вышел перед самым началом войны. В сентябре 1939 года пробрался на территорию Советского Союза. Весной 1940 года он все же вернулся снова в Бычин, считая своим долгом быть здесь и бороться. Поступил на работу на шахту «Костюшко» в Явожно и завязал контакт с прежними товарищами по борьбе.

Вместе со Станиславом Трачем, Яном Лесом, а позднее — со Станиславом Бараном организовывал кружки друзей Советского Союза и вел антигитлеровскую пропаганду. После образования Польской рабочей партии сразу же принялся за организацию партийных ячеек в Хжановском районе. Был избран в состав первого подокружного комитета ППР. После массовых арестов партийных деятелей в феврале 1943 года принял на себя обязанности секретаря подокружного комитета, занимался налаживанием организационных контактов. Все это время он жил «легально». Несмотря на советы товарищей, он так и не перешел на «нелегальное» положение, считая, что его место среди народа, что здесь его работа принесет большую пользу.

Вместе с «Олеком» арестовали его жену Юзефу, трехлетнюю дочь Юзю, тещу Марию Баран и зятя Францишека Барана. «Олека» не удалось сломить пытками, он до конца остался несгибаемым коммунистом. Держали его сначала в Мысловице, а затем перевели в лагерь Гросс — Розен, где он и погиб. Из арестованных вместе с ним членов семьи уцелели дочь[16] и зять.

Августовские репрессии нанесли нашей партии тяжелые и горькие потери. Утрачена была связь со многими товарищами. Но репрессии гитлеровцев не запугали нас, наоборот, они только усилили нашу волю и стремление отомстить за понесенные жертвы. Напряженная работа по восстановлению организации заставила нас на некоторое время отложить проведение серьезных боевых операции, однако уже осенью мы снова приступили к ним.

10 000 МАРОК НАГРАДЫ

До лета 1943 года только отряд имени Ярослава Домбровского занимался боевыми операциями в Домбровском бассейне. В Бельском округе конспиративная деятельность сосредоточивалась главным образом на организационно-пропагандистской работе. Но наша партия призывала в первую очередь к вооруженной борьбе. Поэтому в середине июня 1943 года был сформирован отряд из девяти гвардейцев под командованием «Твардого» — Леона Лясека. Отряду было присвоено имя «Марцина» в память об убитом гитлеровцами деятеле КПП и ППР — Юзефе Маги.

К выполнению боевых заданий отряд «Марцина» приступил в июле 1943 года. Первым был разгромлен склад шахты «Силезия» в Чеховице. Неделю спустя отряд уже «наводил» порядок в мастерской по пропитыванию шпал и столбов в Чеховице, разгромив контору и уничтожив 1000 литров масла. Потом были совершены нападения на сельские управы в Медзной и Данковице, а также был пущен под откос железнодорожный состав неподалеку от виадука в Явишовице. При этом был уничтожен паровоз и несколько вагонов, погибло много гитлеровцев, а движение приостановилось более чем на сутки.

В июне 1943 года был организован еще один отряд. Им командовал Юзеф Габдас — «Квасный». Отряд этот назван был горным, поскольку действовал он в районе Бешкид.

В июле 1943 года отряд Габдаса совершил смелое нападение на немцев, везущих продовольственные карточки, а в сентябре — на сельскую управу в Козах Бяльского района. Довольно часто эти отряды объединялись и проводили операцию совместно.

Фашистские руководители «третьей империи» стремились в первую очередь к тому, чтобы Силезия работала бесперебойно. Это был слишком важный для гитлеровской военной промышленности район, чтобы можно было мириться с успешно действующим подпольем и партизанами. Однако подавить движение Сопротивления им не удавалось.

Следует припомнить, что велось много дискуссий по вопросам тактики боевых действий. Одни считали, что лесные отряды, исходя из существующих здесь условий, должны действовать мелкими группами, объединяясь только в случае выполнения какого-либо серьезного задания. Вторые же утверждали, что партизанский отряд может быть и более многочисленным и действовать всем составом. Практика, однако, доказала дееспособность в наших условиях именно мелких

отрядов. Были и такие предложения, как собрать несколько десятков человек, перейти с ними на территорию Генерального Губернаторства и там уже действовать как «настоящий» партизанский отряд.

Но и это предложение не могло быть принято, ибо бороться с оккупантами следовало в любом районе вне зависимости от имеющихся там условий. Так приказывала партия и этого требовала общественность. Люди стремились к борьбе с оккупантами, кандидатов в лесные отряды было много, и трудно было отказывать им в праве на участие в борьбе. Поэтому многие товарищи оказывались в партизанских отрядах, действовавших в других районах, вне пределов Силезии. Так было с партизанским отрядом имени Людвика Варыньского, который действовал в краковском округе, а в большинстве своем состоял из людей Хжановского округа.

Общее стремление к борьбе с оккупантами партия стремилась ограничить определенными организационными рамками, рекомендуя, помимо вооруженной борьбы, вести усиленную саботажно-диверсионную деятельность на всех производствах.

Все чаще на партийных собраниях звучал призыв к активному саботажу. Мм занимались подпольщики, работавшие на фабриках и шахтах.

На паровозостроительном заводе в Хжанове партизаны Гвардии Людовой «Комар» — Эугениуш Трепа, «Будын» — Юзеф Бодзента и «Бжезина» — Владислав Глажевский в июне 1943 года испортили электрооборудование, что привело к восьмичасовому простою. Несколько дней спустя все в том же «Фаблоке» «Кубусь» — Францишек Цыган повредил ножницы для резки металлических листов. Портили инструменты, электромоторы, токарные станки, выносили за пределы фабрики обрезки латуни и других стратегических металлов. В шахтах выводили из строя пневматические шланги, подъемные механизмы, устраивали, как, например, это сделали «Мушка» — Францишек Беднарович и «Кропка» — Юзеф Бартош, завалы, под которыми гибло шахтное оборудование.

В сентябре 1943 года я получил приказ прибыть на встречу с командующим I округом Гвардии Людовой Домбровского бассейна — «Томеком».

«Томек» передал мне решение руководства округа: я должен был заняться организацией специальной группы для вооруженной борьбы на территории бассейна.

За несколько месяцев до моего прибытия в Домбровский бассейн тамошняя организация приняла активное участие в

переброске чешских коммунистических деятелей из СССР в Чехословакию. Через линию фронта на территорию Польши они были заброшены самолетами, потом при помощи ППР — в Варшаву, а оттуда — на конспиративную квартиру в Кракове. Там чешских эмиссаров приняла «Зося», жена «Казика» — Зигмунта Вошковского. К выполнению задания она привлекла капитана речного судна, буксирующего по Висле баржи с углем. Капитан вез связную и чехословаков в укрытии между каютой и кожухом гребного колеса. После двухдневного рейса вся группа покинула судно в околицах Громеца. В прибрежных зарослях их уже дожидались «Игнац» и «Казик». До Либёнжа оставалось всего несколько километров. Отдохнув, чешские товарищи добрались до бассейна.

В Сосновце Вошковский передал чехов в руки Валерии Тжанковской. Эта отважная женщина препроводила их через Катовице и Дзедзице в район Рыхвальда, где проходила не столь сильно охраняемая граница между «третьей империей» и чешским протекторатом. Границу можно было пересечь пешком, двигаясь по полям и обходя места, охраняемые пограничниками. По другую сторону опеку над посланцами КПЧ взяли на себя члены местной организации.

Позднее по организованному таким образом каналу проходили через наши места многие деятели КПЧ и советские разведчики.

Сразу же после получения приказа при помощи товарищей, с которыми меня свел «Томек», я собрал группу из нескольких человек. В ее состав входили «Мушка» — Францишек Беднарович, «Кропка» — Юзеф Бартош, «Вацек» — Ян Хахол, «Владек» — Владислав Дзедзич и «Зимный» — Юзеф Гах.

Мы решили, что первым выступлением нашей группы будет операция по добыче оружия, что для выполнения ее достаточно будет двух человек, я выбрал «Мушку» — симпатичного и опытного гвардейца, с которым нам предстояло где-нибудь неподалеку от станции Бжезинка разоружить одного из постоянно шныряющих там солдат вермахта.

В один из сентябрьских дней мы отправились в Бжезинку, вооруженные пистолетами. На место прибыли без приключений. Расположились вблизи выхода с вокзала, высматривая вооруженного немца. Постепенно темнело.

Из каждого поезда выходила толпа пассажиров. Целая галерея различных мундиров. В немецком лающем говоре можно было уловить иногда польское слово, произнесенное гражданским или солдатом вермахта.

Наблюдая за проходившими мимо нас пешеходами, мы

подметили нечто характерное — почти все немцы шли группами.

И все же решили рискнуть. Выбор пал на двух унтер-офицеров вермахта, которые направлялись в сторону Мысловице. Выжидая удобного момента, мы двигались за ними на расстоянии примерно десяти метров.

Шагая след в след за солдатами, мы столкнулись с новой неожиданностью. Унтер-офицеры, встретившись с группой из 3—4 человек, остановились, принялись здороваться, между ними завязалась беседа. О том, чтобы разоружить их, не могло быть и речи.

Не отказываясь от плана добыть оружие, мы полагали, что на территории бассейна надо показать гитлеровцам, что ответом на террор может быть только террор, что партизаны продолжают существовать по-прежнему и по-прежнему готовы в любую минуту отомстить фашистам за их преступления. Мы обсудили это с товарищами и решили, что акт мести будет произведен в Домброве Гурничей.

Задание должны были выполнить мы с «Казиком» — Зигмунтом Вошковским.

18 сентября, вооруженные пистолетами, мы с «Казиком» вышли из Нивки. К Домброве мы подошли со стороны Голонуга около 6 часов вечера.

Мы направились прямо в центр. В городе было оживленное движение. В любую минуту у нас могли проверить документы, а это могло кончиться плохо. Правда, у нас были при себе «левые» документы, но из-за хжановской прописки меня могли задержать с ними и потребовать объяснений, почему я вдруг оказался в Домброве.

Около двух часов прохаживались мы так по городу. За это время нам встретилось немало немцев. Однако они тут же исчезали в какой-нибудь подворотне или магазине или же рядом оказывалось слишком много вооруженных гитлеровцев. Но мы не теряли надежды.

Из центра мы подались на Графреденштрассе, и там нам улыбнулось счастье. Из переулка вышел немец в мундире полицейского. Он был высокий и плотный. Кобура с пистолетом висела у него на поясе. Он нес кожаный портфель. Торопливым шагом гитлеровец направился к трамвайной остановке. Я моментально оценил ситуацию — около десятка человек на трамвайной остановке, немного больше на улице, и все преимущественно в штатском, да и то на значительном расстоянии от нас.

— «Казик», — коротко бросил я и взглядом указал на гитлеровца. «Казик» сразу все понял. Мы прибавили шагу, идя

прямо на полицейского. Я вышел несколько вперед. В двух-трех шагах резко остановился и вырвал из-за пояса пистолет.

— Хальт! Хэнде хох!

Гитлеровец не подчинился приказу. Прежде чем я успел нажать на спуск, он яростно бросился на меня. Ухватив меня за руку с пистолетом, он отвел ее в сторону. Мне пришлось напрячь все силы, чтобы не упасть. Так мы провозились несколько секунд, пока мне наконец, удалось выбраться из его лап. В то же мгновение я увидел рядом с собой «Казика». Почти одновременно мы выстрелили из парабеллумов. Гитлеровец вскинул руки кверху. Портфель упал, и сам он рухнул как колода навзничь, не издав даже стона. Я сразу бросился к нему, хватаясь за пояс. Пояса мне спять не удалось, никак не отстегивалась пряжка.

Время летело. Выстрелы наверняка встревожили немцев, и они могли появиться в любой момент. Как бы в подтверждение этого я услышал слова «Казика»:

— Быстрее, «Здих», немцы!

Расстегнув кобуру, я вытащил из нее пистолет «семерку» и тут же схватил лежащий на траве портфель. С парабеллумом в правой руке и вальтером в левой, с портфелем под мышкой, я бросился со всех ног за «Казиком» в направлении Голонуга. «Казик» хорошо знал местность и бежал, опережая меня на полшага.

Мы свернули в ближайшую улицу, потом во вторую, перемахнули через какой-то забор, потом — через сад опять на улицу и так выбрались за город. Погони было не слышно и не видно. Только сейчас я заметил, что портфель исчез.

На попутной машине нам удалось благополучно добраться до сборного пункта в Нивке.

Я остался там до следующего дня. Уже назавтра нам стало известно, что не прошло и четверти часа после убийства, как гитлеровцы организовали облаву в том районе города. Улицы были блокированы, произведен был обыск почти во всех квартирах. У всех встречных проверяли документы. К счастью, мы тогда были уже далеко.

Узнали мы также, кто был нами ликвидирован. Этот жребий выпал вахмистру полиции в Домброве Фогелю.

Холуйская гитлеровская, газетенка «Ежедневные объявления для польского населения» за № 76 от 25 сентября 1943 года[17] поместила следующее объявление:

10 000 МАРОК НАГРАДЫ ЗА ВИНОВНИКОВ УБИЙСТВА В ДОМБРОВЕ!

«18 сентября в 19 часов 45 минут в Домброве (район Бендсбург) на Графреденштрассе двумя неизвестными был застрелен вахмистр полиции Фогель. Бандиты захватили служебный пистолет убитого и портфель, после чего скрылись в направлении Голонуга. Рост обоих преступников около 170 см, на одном из них темный костюм, у второго — светлый пиджак, оба без головных уборов. Кто видел преступников до или после убийства? Кто может дать какие-либо указания относительно их личности? За сведения, которые могли бы помочь обнаружить преступников, назначена награда в 10 000 немецких марок, которые будут разделены исключительно между гражданскими лицами, без каких-либо правовых ограничений.

Сведения, которые по желанию заинтересованных лиц могут считаться конфиденциальными, принимает уголовная полиция в Сосновце, Литцманнштрассе 10 (тел. 621-56-57) либо любое иное отделение полиции или жандармерии».

В городе были расклеены афиши, призывавшие население сообщать сведения о преступниках. Награда в 10 000 марок была очень высокой. Мы шутили между собой, что гитлеровцы нас высоко ценят. Однако мы сэкономили им эти затраты, так и не попав к ним в лапы.

Нас очень удивляло то, что немцам удалось собрать о нас так мало сведений, несмотря на то, что почти три часа и притом среди бела дня расхаживали мы по Домброве Гурничей.

Служебный пистолет Фогеля пополнил арсенал нашей группы, и мы не раз пускали его в дело. Я храню его до сих пор в качестве сувенира.

Удачное выступление в Домброве сделало свое дело. К сожалению, мне пришлось покинуть бассейн. Товарищи из округа решили, что я должен вернуться в Хжановский район.

Суровая и беспощадная борьба не знает жалости и сантиментов, однако возвращение в родные места, к товарищам, с которыми я был знаком чуть ли не с детских лет, обрадовало меня.

СМЕРТЬ «СТРУГА»

Итак, я вернулся в Хжановский район. Выяснилось, что ребята под руководством «Казека» не теряли времени даром. Они совершили несколько налетов, не давая немцам забыть о своем существовании.

Через несколько дней судьба приготовила нам неприятный сюрприз. Когда мы вернулись после «снабженческой» операции, проведенной в магазине в Боровце, то вместо бункера застали затухающее пожарище. Таков был результат небрежности «Адама», нашего тогдашнего повара, который не погасил печурки. Сгорел весь наш архив и все наше партизанское имущество. Нам не оставалось ничего иного, как только хорошенько замаскировать место пожарища. Потеря бункера вынудила нас почти два месяца пользоваться пристанищем у членов организации в Либёнже и Жарках.

По возвращении я сразу же связался с «Болеком». Он жил в тщательно замаскированном укрытии в доме Никитиных, у «Крета» или у моей матери. Наша разведка сигнализировала об усилении железнодорожного движения. Через железнодорожные станции Тжебиня, Мысловице, Освенцим за сутки приходило с востока от 6 до 10 санитарных поездов или товарных составов с награбленным зерном для оголодавшей «империи». Правда, пути по-прежнему охранялись баншутцами, однако мы считали, что недавний перерыв в действиях ослабил их бдительность и можно возобновить «борьбу за рельсы».

Подготовкой первой после перерыва диверсии я занялся вместе с «Вицеком». Мы решили взорвать поезд при помощи мины. Мины изготовлял «Пильник», партизан бычинской группы. Группа эта была организована в марте 1943 года «Вицеком» — Францишеком Шляхцичем, инициативным и ловким гвардейцем, бравым и энергичным командиром. В состав группы входили: «Пильник» — Ян Чвик, «Виктор» — Юзеф Дудек, «Куна» — Юзеф Генборский, «Збышек» — Бронислав Пежхала, «Струг» — Владислав Палька и «Казимеж» — Юзеф Глодек. Члены группы были «легальными». Эти молодые ребята в возрасте от 17 до 19 лет рвались в бой. На своем счету они уже имели целый ряд боевых операций. Так, в конце сентября они разгромили конторы шахт «Пилсудский» (ныне «Берут») и «Костюшко», уничтожив оборудование и все документы, захватив канцелярские печати, штемпеля, бланки и прочее.

Когда мина была готова, мы решили использовать ее на линии Тжебиня — Щакова в районе Окрадзювки. Вместе с

группой «Вицека» подложили ее в ту же ночь. И, к сожалению, снова без особого эффекта. Однако операция эта была зарегистрирована хжановской жандармерией, шеф которой доносил вышестоящему начальству, что:

> 31.X 1943 года в 21 ч. 50 мин. на железнодорожном перегоне между Балином и Ценжковице было совершено покушение при помощи взрывчатых веществ. Поезд с рельсов не сошел, особых повреждений не обнаружено»[18].

Не везло нам с минами. Не подвело, однако, развинчивание рельсов, когда мы вернулись к своему старому, испытанному методу. Введенная оккупантами тщательная охрана железнодорожных путей затрудняла наши действия. Работу нужно было вести быстро, чтобы охрана не заметила ловушки.

26 или 27 октября поздним вечером мы вторично отправились вместе с бычинской группой на линию Тжебиня — Мысловице. Была очень темная ночь. В полночь пришли на место. Лес кончился, и мы очутились на открытом пространстве, кое-где поросшем чахлым кустарником. Чтобы как можно тише подойти к намеченному месту, мы сняли обувь. Пройдя несколько десятков метров, присели в какой-то лощинке, а «Виктор» и «Куна» пошли вперед осмотреть полотно. Напряженно дожидались мы условного сигнала, как вдруг тишину ночи разорвала автоматная очередь. Мы ответили выстрелами. Появляется «Виктор». Он ранен в руку, к счастью, легко. Мгновение спустя подбегает «Куна», и тогда мы отступаем к лесу.

Железнодорожная охрана продвигается за нами, ведя интенсивный огонь. Только под прикрытием леса мы чувствуем себя в относительной безопасности. Однако немцы не отстают. Используя огневое превосходство, они перебежками продвигаются вперед, применяя классическую пехотную тактику: один стреляет, прижимая нас к земле, остальные подходят ближе. Мы подпустили их на 25—30 метров и только тогда ударили залпом. В ответ посыпались выстрелы, но мы услышали также стоны и проклятья. Не дожидаясь дальнейшего, скрываемся в лесу, который уже не раз спасал нам жизнь.

Через месяц, 22 ноября, вместе с ментковским отрядом я отправился на железнодорожный перегон Пжецишув — Затор, где нам удалось пустить под откос воинский эшелон, направлявшийся на юг. В ночь с 24 на 25 ноября вместе с бычинской группой мы снова напомнили о себе гитлеровцам на перегоне Ценжковице — Балин. Обе диверсии прошли у нас удачно и без потерь.

Об этих диверсиях доносилось в сводке гестапо № 8/XI[19]:

«1. Авария поезда на государственной железной дороге между Пжецишувом и Затором.

В ночь на 23.XI 43 г. около 1 ч. 30 мин. был пущен под откос воинский эшелон № 96631 на железнодорожном перегоне между Пжецишувом и Затором в Бельском районе вследствие развинчивания болтов железнодорожных рельсов. Паровоз эшелона перевернулся, и 12 вагонов сошло с рельсов, в том числе 4 с авиационными бомбами без запалов. Нанесенный ущерб пока неизвестен. Предполагается, что это был саботаж.

2. Железнодорожная диверсия на государственной железной дороге Катовице — Краков.

В ночь на 25.XI 43 г. около 0 ч. 45 мин. неустановленными пока преступниками была совершена железнодорожная диверсия на линии государственной железной дороги Катовице — Краков, между железнодорожными станциями Ценжковице и Балин. Вследствие развинчивания одного рельса и 13 железнодорожных шпал на протяжении 8 метров, а также поворота рельса во внутрь с последующим заклиниванием его подкладкой и болтом, сошел с рельсов пассажирский поезд № 267, следовавший в направлении Тжебини. Сойдя с рельсов, поезд проследовал еще около 100 метров, прежде чем остановился, наткнувшись на железнодорожные материалы (камни и шпалы).

Одновременно следующий из Кракова поезд ДМВ 222, направлявшийся на Катовице, зацепил на месте диверсии только что сошедший с рельсов пассажирский поезд, вследствие чего все вагоны поезда ДМВ оказались ободранными по левой стороне. При этом 12 пассажиров ДМВ было ранено стеклами и древесными обломками. После кратковременной остановки на месте диверсии ДМВ мог продолжать свое следование в направлении Катовице. Кочегар пассажирского поезда был ранен и доставлен в госпиталь. Немедленно произведенное расследование выявило, что паровоз и 6 вагонов пассажирского поезда, сойдя с рельсов, опрокинулись на левую сторону между путями, в результате чего железнодорожная линия в направлении Краков — Катовице закрыта приблизительно на 12 часов, а линия в

направлении Катовице — Краков — на 24 часа. Ущерб, по предварительным подсчетам, составляет 100 000 марок. Мы имеем здесь дело с саботажной деятельностью, которая проводится членами банды одной из террористических групп польского движения Сопротивления. Начато следствие».

Одновременно с диверсиями на железной дороге наш отряд, разбившись на несколько групп, выполнял ряд других заданий. Я всегда старался быть на месте действия. Это вынуждало меня метаться из одного конца района в другой. Я не спал по нескольку ночей и под конец ноября после очередной операции решил дать себе хотя бы суточную передышку. До этого мне еще предстояло встретиться с «Болеком». Он дожидался меня в условленном месте. Мы пошли с ним в Либёнж и далее в рабочий поселок Лесневку, к товарищу Никитину. На ходу я ежеминутно «клевал носом» и с трудом отвечал на вопросы «Болека». В доме Никитиных я наспех перекусил, разделся и моментально уснул.

Не знаю, долго ли я проспал. Вдруг чувствую, кто-то меня сильно трясет. Как бы издалека услышал я голос «Каси», жены Никитина Катажины:

— «Здих», полиция!

Я тут же пришел в себя.

Был уже день, как назло, яркий. В дверь колотили жандармы. Одеваться не было времени. Я сорвался с постели, схватив ружье и пистолет. Жена Никитина успела отворить окно. «Болек» выскочил первым, а я за ним.

Прячась за домами на глазах у изумленных прохожих, мы вбежали в ближайший сарай. Приготовились к обороне. Беспокоились мы только за судьбу семьи Никитиных. Я боялся, как бы не повторилась история с «Адамом». Но если уж везет, то везет. Примерно через два часа появилась товарищ «Кася». Она принесла мне одежду. От нее мы узнали, что жандармы, обходя свой участок, решили проверить и ее дом. На столе появилась водка. Изрядно угостившись, полицейские ушли.

В ноябре ментковский отряд пополнился четырьмя партизанами: Адамом Паенком, Романом Совой — «Марианом» и двумя советскими военнопленными, бежавшими из лагеря.

Обязанности командира этой группы были возложены на «Личко», поскольку «Казека» болезнь свалила на несколько месяцев.

Солдаты отряда имени Ярослава Домбровского совершили за это время несколько «снабженческих» экспедиций.

Один из налетов был проведен под командованием «Вицека»

и прошел успешно: добыт «ремингтон» последней модели. Попутно уничтожено много документов, бумаг, канцелярского оборудования. Машинка очутилась в тайнике на квартире у «Куны». Через несколько дней «Струг», «Куна» и «Збышек» должны доставить ее в условное место. От «Куны» они вышли, когда начало темнеть. «Струг» тащил машинку в мешке. Впереди него шел «Куна» с ружьем, спрятанным под пальто. «Збышек» шагал первым, без оружия. Приблизившись к небольшой площади, на которой играли дети, они собирались пересечь ее наискосок, чтобы поскорее выйти к лесу. Дети на мгновение отвлекли внимание «Збышека». Он не заметил, как из боковой улочки показались двое жандармов. Одним из них был известный ему жандарм Хмель, до войны портной в Тарновских Гурах, а ныне ретивый немецкий приспешник.

— Стой, предъяви документы! — раздалась команда.

Документы у «Збышека» были в порядке. Он предъявил их и наполовину по-польски, наполовину по-немецки попытался растолковать, что он идет на работу. В это мгновение к ним подошел «Куна». Когда он полез за документами, жандарм заметил у него под пальто ружье.

— Руки вверх! — заорал он.

«Куна» медленно поднял руки вверх. «Струг» заметил жандармов только в самую последнюю минуту. Он бросил машинку и побежал. Одновременно с командой «Хальт!» раздались два выстрела. «Струг» пробежал еще несколько шагов и рухнул лицом на землю.

Дети с криком разбежались. Один из жандармов, осторожно, с пистолетом наизготовку приближался к лежащему. «Куна» долго не раздумывал. Он толкнул стоявшего рядом Хмеля и бросился бежать. «Збышек» — за ним. Они бежали по направлению к лесу. От сильного толчка жандарм свалился на землю, но быстро вскочил и открыл огонь. Одной из пуль был ранен в грудь навылет «Куна». «Збышек» помог раненому добежать до леса. Жандармы продолжали еще некоторое время стрелять, но войти в лес так и не отважились. Кое-как, наспех перевязанный «Куна» добрался при помощи «Збышека» до своих в Либёнж, а затем переправился к Маликам в Менткове.

Выстрелы в Бычине встревожили жителей. Дети подробно рассказали о происшествии. Весть о смерти «Струга» и побеге его товарищей почти тотчас же дошла до остальных членов группы. К тому моменту, когда гитлеровцы начали обыски, их уже не было дома. Так началась их нелегальная жизнь.

«АЛЬБИН» В РУКАХ ГЕСТАПО

После всех этих событий необходимо было срочно строить бункер, в котором можно было перезимовать. Дальнейшее наше пребывание на квартирах у товарищей становилось слишком рискованным как для нас, так и для них. Прежние бункеры в Смуге и за железнодорожной станцией Либёнж не могли вместить стольких людей. Мы их использовали в качестве складов продовольствия.

Мы подыскали подходящее место. Строительство бункера зимой было делом нелегким. К счастью, в лесу слой промерзшей земли был не особенно толстым. С работой нам следовало поторапливаться. В любой день мог выпасть снег, а тогда скрыть следы нам не удалось бы.

Выбранную из котлована землю мы уносили далеко от места строительства и выбрасывали ее в ручейки, рассыпали среди кустов, заполняли ею впадины. Когда котлован был готов, мы укрепили стены кругляками.

Самой трудной частью работы был потолок, настилаемый из крепких, специально срубленных стволов. На них положили слой толя и досок, а потом — слой земли. Бункер тщательно замаскировали: землю посыпали хвоей, посадили кустарник и мелкие деревца. В потолке был люк для входа, так тщательно замаскированный дерном, что даже самый опытный глаз не мог бы определить, что здесь находится укрытие для людей.

Внутри, под низким потолком, о который мы не раз стукались головами, находились наши спальные места. Вместо матрасов нам служили тоненькие березовые веточки, прикрытые одеялами или мешковиной. На колышках висело оружие. Напротив постелей у стены стояла железная печурка, на которой сначала «Адам», а потом «Лойзик» готовили еду. Под потолком висела карбидная или керосиновая лампа, которую мы часто заменяли свечами. Свободное пространство под стенами занимали дрова, уложенные штабелями. Дрова эти должны были быть очень сухими, чтобы давать как можно меньше дыма. Часть пространства в бункере, которую мы называли нишей, была превращена в подручный склад. Там мы держали продукты, папиросы, одежду, боеприпасы, несколько книжек и другие необходимые вещи.

В бункере день был ночью, а ночь становилась днем. Кухня могла работать только после наступления темноты.

Условия жизни в бункере не способствовали гигиене. Мы страдали от насекомых, несмотря на то, что боролись с ними

всеми способами. Мылись в протекающем рядом ручейке.

Перед умыванием обязательно проводили десятиминутную зарядку. Проходила она в полном молчании. Довольно странное это было зрелище, особенно зимой. Перед гимнастикой каждый клал свою рубашку на снег, так как это был один из способов избавиться от насекомых.

В бункере соблюдался строго установленный распорядок дня. После утренней гимнастики и туалета — завтрак. До обеда — занятия, на которых анализировались наши операции.

В редкие свободные часы разучивали революционные и партизанские песни. Могучий баритон «Валека» безжалостно заглушал милый дискант «Куны».

На известные революционные мелодии я часто придумывал собственные слова. Одно из стихотворений посвятил памяти нашего товарища «Струга». Песня на эти слова очень понравилась товарищам из отряда и вскоре стала нашим гимном.

Иногда экспромтом сочинял лирические стихотворения, чтение их заканчивалось откровенными беседами и признаниями, в которых немалое место уделялось девушкам. Просто диву даешься, как это от наших вздохов тесный, душный, полный недосушенных портянок бункер не свалился нам на головы.

Обсуждали мы и способы сигнализации во время операции, довольно быстро убедившись, что нормальной разговорной речи для этого явно недостаточно. Слова могли нас выдать. После долгих споров решили воспользоваться криком сорокопута «чек-чек» в качестве опознавательного сигнала. Каждому партизану и немногочисленным посвященным из числа «легальных» пришлось научиться подражать крику сорокопута. Я еще и до сих пор не разучился здорово «чекать», как мы называли между собой этот способ общения. Это искусство уберегло нас от многих неприятных неожиданностей.

Зимой условия в бункере были еще тяжелее. Любой след на снегу мог выдать нас. Но мы и с этим справились. Наш зимний бункер был выстроен в лесу в ста метрах от главного пути из Либёнжа в Бычину. Местные жители протоптали тропинку в снегу, которая пересекала небольшой ручеек, почти никогда полностью не замерзавший. Через ручеек был перекинут небольшой деревянный мост. Мы соскакивали с него в воду, а потом по руслу шли в глубь леса к бункеру. Следы обрывались на тропинке. Иногда, возвращаясь с операции, мы обнаруживали, что тропинку покрыл свежевыпавший снег, тогда часть наших людей, чтобы сбить с толку немцев, протаптывала тропу между Либёнжем и Бычиной. Остальные же тем временем по ручью добирались до бункера. Зачастую снег утаптывали «легальные»

товарищи, из числа тех, кто принимал участие в операции.

Однажды это делал «Альбин». Мы расстались на мостике, и «Альбин» в одиночестве пошел в сторону Бычины. Он был без оружия и без документов. Вообще, отправляясь на дело, мы перестали брать с собой документы, чтобы в случае ареста или смерти избежать опознания и не подвергать репрессиям свои семьи или тех, кто выхлопотал нам документы. «Альбин» подходил уже к первым постройкам Бычины, высматривая новые следы, как вдруг из-за крайних деревьев леса показалась группа немецких жандармов.

— Хальт! Хэнде хох!

Он остановился с поднятыми вверх руками. Бежать было опасно.

Жандармы приближались.

— Аусвайс!

«Альбин» продолжал молча стоять. Это их разъярило. Один подбежал к нему и обыскал, но ничего не нашел.

С оружием наизготовку они проводили его в деревню, завязав предварительно пиджак на голове. В пути оказалось, что один из полицейских знает польский язык. Он-то и начал допрос еще по дороге.

— Ты бандит? Признавайся!

«Альбин» категорически отрицал это.

— Нет?

— Нет, — решительно повторил «Альбин».

Под ударами прикладов и кованых сапог он потерял сознание. Очнулся лежа на снегу. Ему приказали сесть в сани. Снова задавали вопросы, по уже больше не били. «Фамилия, где живешь, где работаешь, что делал в лесу?» и тому подобное.

Он понимал, что от первых ответов зависит его жизнь и жизнь других. Он назвал свою настоящую фамилию, место работы, место жительства. А в лесу, заявил он, я оказался в эту пору, направляясь к хорошеньким девушкам в Бычине, куда шел поразвлечься. Этой линии он держался и в участке. Показания его проверили, они соответствовали действительности, но фашисты продолжали относиться к нему с недоверием. Его перевезли в Хжанов, где отдали в руки более натренированных специалистов. Там гитлеровцам повезло немного больше — так по крайней мере они считали. Когда «Альбин» в полубессознательном состоянии продолжал отпираться от какого бы то ни было знакомства с партизанами, вошел Либера, полицейский из Либёнжа. С минуту он внимательно приглядывался к избитому заключенному, внезапно рожа его просияла.

Обращаясь к гестаповцу, он сказал:

— Это сосед разыскиваемого Валаха.

Гестаповца заинтересовало это известие, и он тут же засыпал «Альбина» лавиной вопросов. Ответы «Альбина» его не удовлетворили, но вместо избиения он решил испытать другой метод.

— Так, значит, ты говоришь, что не видел Валаха уже несколько лет?

— Не видел, господин комендант.

— А если бы увидел, то сказал бы нам?

Вопрос этот в первую минуту ошеломил «Альбина». Но тут же он сообразил: немцы хотят заполучить его в помощники. Предлагают ему сотрудничество. Он ухватился за этот шанс спасти жизнь. Однако сделал вид, что раздумывает. Слишком поспешное согласие могло возбудить подозрения. Гестаповец терпеливо ждал.

— Так точно, господин комендант, — ответил он наконец, — я сказал бы вам.

— Выбирай — либо Освенцим, откуда ты выйдешь только через трубу, либо ты поможешь нам поймать Валаха. Будешь следить за его домом и докладывать нам обо всем.

Ему дали подписать какие-то заранее заполненные бланки. Он даже не спрашивал, что подписывает. Получив инструкцию, о чем и кому он должен поставлять информацию, «Альбин» на следующий день был выпущен из полицейского участка в Хжанове.

Радость от вновь обретенной свободы заглушала боль. Совесть его не мучила, ведь он пошел на военную хитрость. У него даже и в мыслях не было, что можно в самом деле предать. Подлечившись немного дома, он при первой же встрече рассказал мне обо всем.

«Альбина» я знал с детства и мог ему доверять. Я считал, что при создавшемся положении его место в отряде. Товарищи согласились со мной, и «Альбин» расстался с «легальным» образом жизни.

НАПАДЕНИЕ НА СТАНЦИЮ ХЕЛМ

Зима 1943/44 года была суровой. Обильные снежные заносы во второй половине декабря и января затрудняли и без того нелегкое передвижение. Но мы считали, что в новогодние праздники надо напомнить гитлеровцам, что борьба продолжается не только на фронтах, по и здесь, в глубоком тылу, на земле, о которой геббельсовская пропаганда без устали твердила, что это земля немецкая.

Особенно рьяно отстаивали немецкую принадлежность земель этих приезжие немцы и местные предатели. Рабочие, товарищи из Явожно, требовали, чтобы мы применили санкции по отношению к некоторым особенно издевавшимся над поляками, среди них был штейгер шахты «Собеский» — Виктор Домбек.

Он оскорблял подчиненных, бил, пинал ногами, отправлял в Освенцим за малейшую провинность. Нередко он принимал участие в полицейских облавах. Живя неподалеку от поста немецкой жандармерии, он чувствовал себя в безопасности и тем более верил в меткость пистолетов, которыми были вооружены надсмотрщики.

Явожинские шахтеры требовали положить конец «подвигам» Домбека и применить к нему самую суровую кару. Хорошенько продумав и обсудив это требование, мы приняли решение. Справедливость должна восторжествовать. Домбек будет наказан.

Налет мы приурочили к 24 декабря 1943 года, полагая, что рождественская ночь притупит бдительность немцев.

Через засыпанные снегом поля добрались, наконец, до Боров подле Явожно. В поселке было тихо, только изредка доносился собачий лай. Кое-где сквозь непроницаемые шторы на окнах — уже было введено обязательное затемнение — пробивался слабый лучик света. Два гвардейца остались на дороге между постом жандармерии и домом Домбека. С остальными отправились к дому. После недолгой возни калитка отворилась. Я расставил людей, поручив им следить за окнами. Мы с «Вицеком» остановились у двери. Я легко нажал ручку, замок щелкнул, но дверь не открывалась. Я энергично постучал. Послышались шаги, и мужской голос спросил:

— Вер да?

— Брифтрегер. Телеграмм.

Домбек не открывал. В его колебании я почувствовал недоверие. Жена штейгера не понимала его нерешительности и уговаривала открыть. И тут мы услышали звук удалявшихся шагов. «Наверняка он отправился за пистолетом», — подумал я.

Через минуту я вновь услышал шаги Домбека и постучал снова.

— Шен, шен, — ответил он, отодвинул засов и повернул ключ. Дверь отворилась.

— Зинд зи Домбек? — спросил я с порога.

Штейгер подтвердил. Я проскользнул в сени, освобождая место для «Вицека», и моментально выхватил пистолет.

— Руки вверх!

Он не послушался и бросился на «Вицека». Стоявшая в коридоре жена Домбека подняла крик. Выстрелив, я мог бы убить «Вицека» или жену Домбека. «Вицеку» тем временем удалось выволочь Домбека наружу. Тот с криком попытался бежать. Читать ему приговор было некогда. Выстрел из двустволки повалил Домбека в снег.

Польское население с огромным облегчением узнало о постигнувшей Домбека каре. Наши действия назвали даже «рождественским подарком партизан шахтерской братии». Когда какой-нибудь из гитлеровских приспешников позволял себе слишком многое, наиболее смелые из рабочих припоминали ему судьбу Домбека. Недавно у меня была очень трогательная встреча с шахтерами шахты «Собеский» в Явожно. Товарищи и сейчас, после стольких лет, с признанием и благодарностью вспоминали о наказании Домбека.

Гестапо и немецкая полиция, несмотря на все старания, так и не узнали, кто совершил этот акт мести.

Вскоре после покушения в Борах мы решили совершить нападение на железнодорожную станцию Хелм Вельки в Пщинском районе.

4 января 1944 года мы вышли из либёнжского бункера, лежавшего примерно в пятнадцати километрах от Хелма Вельки.

Лунная ночь не способствовала нашим намерениям. Крепкий, почти двадцатиградусный мороз вызывал громкий хруст снега под ногами. После двух часов форсированного марша добрались до станции Хелм. Укрылись в каком-то сарае. На станции все еще было оживленное движение. Мы опасались, что на вокзале окажутся пассажиры, а среди них непременно найдутся полицейские, солдаты вермахта или вооруженные штатские.

«Вицек» вызвался пойти в разведку. Он отдал винтовку одному из нас и направился к станции. С тревогой дожидались мы его возвращения, прислушиваясь к проезжающим поездам. Вернулся «Вицек» по своему обыкновению улыбаясь. Сообщил, что на перроне вертятся баншутцы, но они, вероятно, уедут двенадцатичасовым пассажирским поездом. Полно на перроне и штатских, Мы решили дождаться отхода поезда.

Холод давал о себе знать. Сначала, разогретые ходьбой, мы его почти не замечали. Я понимал, что вынужденное бездействие сильнее всего выматывает нервы.

После полуночи мы с «Вицеком» снова пошли в разведку. В зале ожидания дремало несколько пассажиров. Баншутцы сидели у дежурного по станции, занятые разговором. Карабины их были прислонены к стене. Момент был очень удобный для нападения.

«Вицек» побежал в сарай за остальными. К моменту прибытия гвардейцев положение не изменилось. Я быстро распределил задания: я с «Вицеком» и «Валеком» врываюсь внутрь, «Куна», «Виктор» и «Збышек» остаются снаружи и прикрывают нас. У каждого партизана было оружие, мы прихватили также топоры и ломы для уничтожения оборудования.

Через дверь, выходящую на перрон, мы ворвались в помещение дежурного по движению. Наведенное на немцев оружие и крики «Хэнде хох!» возымели свое действие. Баншутцы повскакивали с поднятыми руками.

Однако испуг ошеломленных стражников длился недолго. С поднятыми руками они попятились к степе, у которой стояли их карабины. Но тут заговорили наши двустволки и пистолеты.

Лампочки гаснут. Мы не видим стражников, слышим только их стоны. Тут же хлопает дверь соседнего помещения. Это, по-видимому, один из стражников. Друг друга мы различаем только по голосам. Кто-то из наших вслепую бросается к стене, у которой стояли карабины, и кричит: «Оружия нет!» В темноте мы не можем стрелять, поэтому быстро выскакиваем из помещения дежурного. Снаружи два наших гвардейца прикрывают окно и дверь от атаки стражников. Мы начинаем с яростью громить приборы дистанционного управления. Под ударами ломов и топоров разлетаются сигнализационные аппараты, гнутся рычаги стрелок, со звоном вылетают оконные стекла.

В несколько минут все было кончено. Для полной уверенности наносим еще пару ударов по уже разрушенному оборудованию. Можно и отходить. В этот момент дозорные предупреждают о надвигающейся опасности: к станции движется подкрепление.

Станцию мы покинули благополучно. Далее двигались вразброд, чтобы затруднить преследование. Уходя от света фонарей, мы пробежали немногим более пятидесяти метров, когда вслед нам защелкали выстрелы. На фоне освещенного лупой снега наши фигуры были отчетливо видны. Бежали мы по направлению Пжемши, а затем свернули влево к ближайшему лесу.

Гитлеровцы вели интенсивный огонь. До леса было уже

близко. И тут кто-то застонал и выругался.

— Попали в меня!

По голосу я узнал «Виктора». Шатаясь, он продолжал бежать. «Вицек» и «Куна» подхватили его под руки. Путь нашего отхода отмечали темные пятна крови. Только в лесу мы смогли заняться раненым. «Куна» скинул рубашку и порвал ее на полосы. Во время перевязки «Виктор», которому пуля пробила грудь, повторял прерывающимся голосом:

— Оставьте меня… спасайтесь сами… лучше добейте меня…

Перевязывать рану помогали почти все, кровь «Виктора» стекала по нашим рукам.

В эту минуту, хотя нам и грозила опасность, никто не думал о себе, о том, чтобы выполнить его просьбу. Мы должны были спасти товарища.

— «Виктор», что ты мелешь? Ты будешь жить. Мы спасем тебя и отомстим за тебя!

Сменяя друг друга, мы вели его под руки. Так прошли лес, но «Виктор» чувствовал себя все хуже. Иногда он совсем терял сознание, а когда приходил в себя, то снова принимался за свое:

— Оставьте меня здесь! Добейте!

Мы отошли от станции уже километра на два. Погони не было слышно. Проходя мимо какого-то дома, взяли обломок лестницы. Трое гвардейцев, сняв с себя куртки и пальто, уложили их на импровизированные носилки для «Виктора». Несли мы его с большой осторожностью. Нам удалось беспрепятственно добраться до берега Пжемши. Перед нами текла черная вода, в которую спускались все отбросы бассейна и Силезии. Несмотря на холод, решили перейти реку вброд. Это был неприятный, но наиболее безопасный способ перебраться на другой берег. К тому же это значительно сокращало нам путь к либёнжскому бункеру.

— Подождите здесь, — сказал я. — Поищу брод.

Я сбросил одежду и на двадцатиградусном морозе даже не почувствовал холода. Привязав узелок с одеждой к одному из ружей, вошел в воду. Сильным течением меня начало сносить, а ближе к середине реки я уже не чувствовал дна под ногами. Оружие и одежда намокли. Спасаясь, я поплыл. Несколько взмахов руки, и у меня снова грунт под ногами. Нет! Здесь «Виктора» нам не переправить. Я продолжаю брести к противоположному берегу.

Выйдя из воды, почувствовал страшный холод. Ступни ног примерзают к снегу. Я становлюсь на приклады ружей и на сапоги, одновременно пытаясь выжать одежду. Сначала рубашку. Пытаюсь ее надеть. Она топорщится как накрахмаленное белье. Прошло довольно много времени, пока я окончательно оделся.

Потом, чтобы разогреться хоть немного, сделал несколько упражнений.

Тем временем луна скрылась за горизонтом. Теперь я уже не вижу оставшихся на противоположном берегу гвардейцев. До меня доносится только их крик:

— Эй, «Здих»! Ты жив?

Я кричу в ответ:

— Здесь реку не перейти. Идите на мост в Хелмеке. Я пойду впереди. В случае чего — стреляю. Тогда вы отходите и где-нибудь попробуйте переправиться.

— Хорошо! — кричит в ответ один из солдат.

Я тревожился за товарищей, а особенно за «Виктора», для которого переправа через ледяные воды Пжемши была равнозначна смертельному приговору. Я осторожно приблизился к мосту. Никого. Вздох облегчения и радости. Мост был свободен от зеленых мундиров. Спустя несколько минут гвардейцы оказались рядом со мной.

Наконец, мы вступаем в наш Хжановский район. Пять часов утра. Люди смотрят нам вслед с любопытством, но молча. А нам сейчас все равно, только бы добраться до леса. И наконец мы в лесу. «Вицек» стягивает свою куртку. «Куна» тоже начинает раздеваться.

— Что это вы? — спрашиваю.

— Нам все равно жарко, а ты весь мокрый, — отвечают. — Переоденься.

Эта краткая фраза была для меня красноречивей любых заверений в дружбе. Отказываться нельзя. Пользуюсь солдатской услугой. Надеваю, уже не помню чью, рубашку. Смотрю на «Виктора». Он жив. Даже не стонет. Улыбается, хотя лицо искривляет гримаса боли.

Трогаемся дальше. Лесом добираемся до нашего либёнжского бункера. Наша солдатская землянка без окон, прокопченная, душная казалась сейчас самой желанной.

Здесь нас нетерпеливо дожидались товарищи. «Адам» сразу же приготовил черный эрзац-кофе и напоил им раненого «Виктора».

Перекусывая, мы советовались, что делать с «Виктором». Вызвать врача в бункер нельзя, невозможно нести раненого к доктору. Дело решил сам «Виктор».

— Я отсюда никуда не пойду, — заявил он решительно, — худшее уже позади. Выживу.

Один из товарищей сразу же пошел к нашему доктору Феликсу Голомбе в Либёнже. Вернулся с перевязочными средствами и указаниями, как лечить раненого. Через четыре

недели «Виктор» окончательно выздоровел. Но мы пережили несколько беспокойных ночей и дней в тревоге за его жизнь.

В одну из этих ночей, через педелю после ранения «Виктора», мы отомстили за его пролитую кровь.

Ранним вечером в трескучий мороз мы отправились к Балину на железнодорожную линию Катовице — Краков. Порывистый ветер перебрасывал с места на место кучи снега, заметая наши следы. На этот раз погода была нам на руку, а гитлеровцы, напуганные морозом, не слишком усердно охраняли пути. Гвардейцы, высланные в разведку, доложили, что путь свободен. Немецких патрулей поблизости не было.

Свистят под ветром телеграфные провода. Около 21 часа здесь должен пройти воинский состав, так называемый СФ-Цуг[20] из Берлина на Львов.

Скрежещут ключи, развинчивающие стыки. Я снимаю рукавицы. Черт побери! Ну и мороз!

— Готово, — шепчет «Куна».

Мы выворачиваем еще несколько винтов из шпал и отгибаем рельсы.

Несколько минут — и мы ползем с насыпи. Затаившись в нескольких десятках метров от линии, ждем результатов нашей работы. Два фонаря с большой скоростью движутся на нас со стороны Ценжковице.

— За «Виктора», — шепчет кто-то.

Стук мчащихся колес внезапно обрывается. Слышатся грохот, лязг, треск. Взлетает сноп искр. В свете, бьющего из топки огня видны громоздящиеся друг на друга вагоны. Одновременно к нам доносятся крики и стоны, а потом и выстрелы.

«Виктор» отомщен.

По пути от Тжебини к Хжанову мы пересекаем железнодорожное полотно. Охраны не видно. Вот и отлично. Решение принимаем немедленно. Развинчиваем рельсы. Вскоре на путях лежит разбитый состав. Быстро добираемся до бункера, где снова переживаем волнения, рассказывая обо всем «Виктору».

В то утро ждало нас еще одно испытание, взмученные ночным маршем, мы уже засыпали, когда стоявший снаружи часовой предупредил об опасности. По направлению к нашему укрытию двигались какие-то мощные машины. Грохот моторов слышался все сильнее. То ли это грузовики, то ли тягачи.

— Танки! — просигналил часовой.

Покидать бункер было уже поздно. Танки неумолимо двигались вперед.

— К оружию! Подготовить мины и гранаты! Без приказа не стрелять!

Часовой был уже в бункере. Через приподнятую крышку входного люка мы следили за маневрами танка. Он медленно двигался к нашему укрытию, оставляя за собой струю темного дыма и две глубоких борозды на снегу. Мы напряженно и молча ждали. У самого нашего входа стальной колосс остановился. Мотор взвыл, а потом снова перешел на нормальные обороты. Маневры танка только усугубили наши опасения. Башня, из которой торчал ствол орудия, повернулась вправо, влево и вот уже, кажется, ствол направлен прямо на нас. Тревога и напряжение возрастали. Мы ждали. Стальное тело дрогнуло и развернулось вдоль линии леса. Танк постепенно удалялся. Заехав в лощину, он совершенно скрылся из виду.

Это было тяжелое испытание. Никто из нас не выдал себя ни малейшим движением. Патрульные танки были новым способом проникновения в лес в поисках партизан.

В тот период либёнжский и ментковский отряды провели несколько налетов на переселенцев в Плазе, Ольшинах, Букове, а также на магазины в Цезарувке и Елене. Мы конфисковали две двустволки, немного патронов, одежду, текстильные материалы, масло, сахар, около 80 килограммов смальца и более 4500 марок. Оружие и продовольствие были нам тем более необходимы, что в начале февраля отряд пополнился четырьмя новыми товарищами. В отряд пришли: «Зыгмунт» — Роман Трыбусь, «Антек» — Ян Чубая, «Альбин» — Станислав Ловец, а вскоре после них — «Дзебаты» — Владислав Щотка.

Где-то в середине февраля 1944 года в отряд для проверки прибыл секретарь окружного комитета Домбровского бассейна «Вихор» — Эугениуш Годлевский. Он передал нам известие об образовании Крайовой Рады Народовой и Армии Людовой. Кроме того, он принес несколько десятков экземпляров «Программной декларации КРН» и «Демократического Манифеста Общественно-политических и Военных Организаций в Польше». В ту же ночь мы почти все разошлись по различным пунктам, распространяя радостную весть. Одновременно мы расклеивали «Декларацию» и «Манифест» в Хжанове, Тжебине, Явожно, Освенциме, Щаковой, Бычине, Елене и других местах.

Подпольная литература переходила из рук в руки. Наши связные: «Стася» — Элеонора Валах-Гардзинова, «Крыся» — Аделя Моравец, «Ися» и «Юзя» Никитины, Хелена Лёнт и многие другие все чаще наведывались в Сосновец, Домброву Гурничу и Бельско. Росли ряды партийных ячеек во всем силезском округе. Возрастала численность «легальных» аловцев, организованных по территориальному признаку.

А тем временем жизнь в бункерах шла нормальным

порядком, хотя время от времени неожиданные происшествия доставляли нам немало тревог и хлопот. Одни из них действительно таили в себе опасность, другие давали повод для шуток.

Недели через две после визита «Виктора», когда почти весь отряд был в сборе, часовой доложил о том, что поблизости крутятся двое каких-то типов. С «Вицеком» и «Куной» мы незаметно выбрались наружу, чтобы проверить, кто и с какой целью ходит в эту пору в лесу.

Был мартовский день. Солнце уже клонилось к западу. Из укрытия мы следили за поведением этих типов. Они находились в нескольких десятках метров от бункера и как бы разглядывали что-то на снегу.

Мы выжидали, рассчитывая, что они все-таки уйдут. Но они продвигались все ближе и ближе к бункеру. Нашему укрытию грозило разоблачение.

А этого мы стремились избежать любой ценой. Тот, кто знал секрет расположения бункера, должен был быть либо с нами, либо… Поэтому-то никто, кроме обитателей бункера, не знал его местоположения.

Мы решили задержать этих людей до того, как бункер будет ими обнаружен.

Задержанными оказались лесной обходчик из соседнего района и его сын. Оба поляки. Они не ожидали встретить в лесу вооруженных людей. Рядом с бункером они оказались случайно. Обходчик принял нас за браконьеров, а мы только помогли ему утвердиться в этом предположении.

Обходчик клялся, что никому не скажет, что встретил нас в лесу. «Вицек» и «Куна» отвели задержанных в глубь леса. Мы не были уверены в том, что задержанные сказали правду и не догадались о том, кто мы такие и что здесь делаем.

Сдержат ли они свое обещание? Неуверенность в этом мучила нас довольно долго. А вскоре произошел случай, который, казалось бы, подтверждал наши опасения. Мы спокойно сидели в бункере, как вдруг крик часового: «Собаки!» заставил нас вскочить на ноги. Все очень встревожились. В суматохе часовой куда-то исчез, а вместе с ним и часть недавно прибывших и еще не обстрелянных партизан.

Мы тщательно осмотрели все вокруг, но собак не обнаружили, лишь зайцы резвились на снегу. Тревога оказалась ложной. Скорее всего часовой принял зайцев за полицейских собак. Ребята, поняв, что никакая опасность нам не грозит, смущенные вернулись в бункер. Не хватало только «Лойзика». Искать его отправился «Валек». Вскоре он вернулся с «Лойзиком»,

дрожащим от холода. Немного приукрашивая — и не зря, — «Валек» с юмором рассказал, что отыскал «Лойзика», лежащего в кустах на снегу в ста метрах от бункера, еле живого от усталости. Оказалось, что «Лойзик» отмахал бегом более двух километров, однако, плохо ориентируясь в лесу, бежал по кругу. Счастливое завершение этого эпизода все мы восприняли с облегчением. Сурово, но спокойно осудили беглецов. Они самокритично признались, что просто поддались панике.

В то время гитлеровцы скрупулезно готовились к ликвидации отряда и местной организации. Цели и результаты проведенных репрессий изложены в донесении гестапо из Катовице.

> «…речь идет здесь о банде Яна Болека, родившегося 12.IV. 1916 г. в Жарках, которая особенно в 1943 году совершала грабительские диверсии на железных дорогах и Хжановском повяте. Банда эта… подчинена нелегальной коммунистической партии ППР… в качестве боевой группы Гвардии Людовой»[21].

Гитлеровцы захватили тогда 23 человека. Во время ареста были «застрелены при попытке к бегству и оказании сопротивления» Людвик Гвиждж, корзинщик из Менткова и Юлиан Матысяк, лесоруб, тоже из Менткова. Среди арестованных оказался брат «Личко» Август Кумаля, Антонина Малик, мать аловца «Антека» — Тадеуша Малика, Юзеф Мизелек, шахтер-подрывник шахты «Янина», снабжавший отряд взрывчатыми материалами, а также другие члены ППР и Армии Людовой и сочувствующие.

Немного ранее гитлеровцы арестовали Яна Болека. Донесение начальника жандармерии Катовицкого района сообщало, что «предводитель банды, Болек», был арестован еще в 1943 году и за бунт в полицейской тюрьме Мысловице застрелен». Информация эта является неточной, поскольку не указывает, когда был убит Болек. Дело в том, что после ареста в 1943 году Ян Болек не сразу оказался в мысловицкой тюрьме. Его посадили туда только в марте 1944 года. Содержался он там вместе с другими 400 узниками в камере № 1, бывшей тюремной часовне. Заключенных охраняли специальные посты стражников, вооруженных автоматами.

Ян Болек уже на первом допросе понял безнадежность своего положения и решил дорого продать свою жизнь. Когда тюремный конвоир вел его на очередной допрос, Болек вырвал автомат у охранника. Этот отчаянный шаг не мог принести ему свободы. Боролся он не за жизнь свою, а за то, чтобы подороже ее продать. Прежде чем пасть в неравном бою, он успел застрелить трех

немцев.

Следствие по делу о «банде Болека» не дало результатов. Никого больше не арестовали, а тех, кто уже был арестован, разослали по лагерям. Мало кто из них выжил.

Гитлеровцы расправились также и со своим секретным работником — Юрчиком.

Удар, нанесенный хжановской организации ППР в марте 1944 года, был очень болезненным. Мы потеряли много преданных и самоотверженных товарищей, работавших с нами.

Я СТАНОВЛЮСЬ КОМАНДИРОМ ОКРУГА АРМИИ ЛЮДОВОЙ

В один прекрасный день меня оповестили, что я должен отправиться в Сосновец на встречу с представителем ЦК ППР «Робертом» — Стефаном Францишеком. Ночью лесами я дошел до явки. Утром явился «Роберт». Он сначала расспрашивал меня об Армии Людовой в Хжановском районе, о действиях партизан.

Когда я доложил ему обо всем, «Роберт» сообщил мне о состоявшемся восемь дней назад собрании, на котором был сформирован комитет ППР и командование Армией Людовой V округа в составе: секретарь округа «Марек» — Леон Вечорек, командующий Армии Людовой «Янек», он же «Офик» — Кароль Земан, его заместитель «Тварды» — Леон Лясек, начальник штаба — «Болек». Только после этой информации «Роберт» сказал мне, что я назначен командиром округа № 1 — Домбровский бассейн. Он пожал мне руку и добавил:

— Поздравляю, «Здих», надеюсь, что и новые обязанности ты выполнишь с честью.

Это известие ошеломило меня. И хотя я был горд тем, что партия доверила мне почетную и трудную должность, я опасался взять на себя такую ответственность. Высказал свои возражения, но все мои рассуждения «Роберт» прервал кратко и энергично:

— Я считаю, что назначение правильное.

Дальнейшая дискуссия была бесполезной. «Роберт» снова пожал мне руку и улыбнулся одной из тех своих улыбок, которые так покоряли людей. Он был человеком действия. Энергичный, решительный, непоколебимый сторонник беспощадной борьбы с гитлеровскими оккупантами.

Опыт и закалку «Роберт» приобрел, находясь еще в рядах Коммунистической партии Франции. Родился он в 1900 году в Торуни и по профессии был пекарем. В 1922 году выехал во Францию и поселился в округе Леус (Па де Кале), активно участвуя во французском рабочем движении.

В марте 1943 года он организовал переброску первой группы польского движения Сопротивления из Франции на родину, о чем вспоминает Францишек Ксенгарчик в своей книге «Дорога в огне».

Стефан Францишек возглавлял группу из семи человек. После нескольких месяцев пребывания в Варшаве «Роберт» был направлен в августе на территорию Силезии в качестве представителя Центрального Комитета ППР.

Уже во время встречи я задумывался над тем, как лучше справиться с новой и столь ответственной ролью. Мысленно наметил себе план действий. Я намеревался организовать в каждом районе ударные группы, обучить их, а потом бросить на самостоятельную борьбу с врагом. Я был уверен, что с набором людей у меня не будет забот, так как желающих бороться было более чем достаточно.

Тем временем у товарища «Роберта» было для меня еще одно поручение.

— Партии нужны деньги, — сказал он. — Мы рассчитываем на то, что новый командующий округом скоро нам их доставит.

Это было вполне конкретное задание. «Сделаем вылазку, и деньги будут», — решил я про себя. И хотя точного плана у меня еще не было, я не задумываясь ответил «Роберту», что о деньгах позабочусь.

В тот же день после разговора с «Робертом» мы с «Мушкой» отправились на собрание в доме товарища «Старого» — Эдмунда Рупали, члена командования округа Армии Людовой Домбровского бассейна. Речь шла об организации боевых групп.

Насколько мне помнится, «Старый» указывал тогда конкретно на семью Кравчиков, которая сотрудничала с немцами, почти не скрывая этого. Мы тут же решили, что с Кравчиками следует расправиться. В подобных случаях мы знали только одну кару.

Собрание мы покидали по 2—3 человека. Я вышел вместе с «Мушкой» и «Габрысем» — Юзефом Карковским. Внезапно кто-то обратил мое внимание на подростка, идущего в нашем направлении.

— Это сын Кравчика, о котором мы говорили на собрании, — сказал «Мушка».

За себя я не беспокоился — я здесь чужой. Хуже обстояло дело с товарищем Карковским. Жил он «нелегально», а известен был всем в этих местах еще с довоенных времен.

Мы находились всего в нескольких сотнях метров от поста немецкой жандармерии, когда заметили, что за нами на велосипедах едут двое полицейских.

— По-видимому, Кравчик узнал кого-нибудь из нас и доложил в полицию, — сказал я.

Раздумывать было некогда, нужно было что-то предпринимать. О бегстве не могло быть и речи. По улицам шли люди, и неизвестно было, кто из них немец.

«Габрысь» тем временем свернул вправо и скрылся между домами. Мы с «Мушкой» рассчитывали, что нам как-нибудь удастся выкарабкаться из создавшегося положения. У меня были «левые» документы, удостоверение и оружие, а у «Мушки»,

который жил на «легальном» положении, были вполне нормальные документы. При внимательном рассмотрении можно было понять, что мои документы фальшивые, но я старался не думать об этом.

Жандармы — уже у нас за спиной. Соскакивают с велосипедов. В руках у них оружие. С криком «Хэнде хох!» приближаются к нам. Рядом с ними откуда-то появляется сын Кравчика.

«Ах ты, дрянь, — подумалось мне, — ты сам даешь нам доказательства, которых я минуту назад требовал от товарищей».

Кравчик тем временем, указывая на меня жандармам, говорит:

— Он знает того, который убежал. Они шли втроем.

Я не теряю хладнокровия, хотя нервы напряжены до предела. Пытаясь выпутаться, я говорю немцам, что у меня есть документы, которые я тут же им покажу. Мне необходимо добраться до кармана, а там уж я предъявил бы им пистолет — самый верный документ партизана. Но они отвечают мне чисто по-гитлеровски. На меня сыплется град пинков, приправленных ругательствами. Нервы напряжены настолько, что боли я не чувствую. Мозг работает лихорадочно. Как выбраться? Еще раз пытаюсь полезть за «документами». Но пистолетные стволы и бешеный крик жандармов заставляют меня снова поднять руки вверх. В таком положении любая попытка достать пистолет закончилась бы выстрелом. Замечаю, что «Мушка» держит руки поднятыми вверх. Минуту спустя жандармы ведут нас на полицейский пост в Даньдувке, мимо которого мы только что проходили.

Движение было большое, и я видел перепуганных, пробирающихся сторонкой людей. Я видел их взгляды и был уверен, что любой из них, если бы только смог, без колебания помог бы нам вырваться. Однако я знал, что могу рассчитывать только на себя.

Трудно мне сегодня описать, что чувствовал я тогда, маршируя под стволами направленных на меня немецких пистолетов. Этого нельзя описать. Я знал, что мне грозит смерть. Разные мысли мелькали у меня в голове, по главной была та — одна-единственная — вырваться из рук гитлеровских палачей. С каждым шагом приходили мне в голову какие-то события минувшего, факты, товарищи, с которыми мы вместе боролись, мать, ее слезы, когда она впервые увидела меня после выстрелов Либеры, Освенцим, его крематории, трубы и сладковато пахнущий дым, который мы чувствовали, сражаясь.

«Либера и многие другие палачи стреляли в меня и не

попали, — промелькнуло у меня в мозгу. — А что если? Нет, живого на пост они меня не приведут. Тем более что у меня с собой компрометирующие материалы». У меня в карманах были различные заметки, воинские приказы, номера «Гвардиста» и, наконец, пистолет, добытый в сентябре 1943 года, пистолет, который я снял с убитого в Домброве Гурниче Фогеля. По пистолету они определят, кто привел в исполнение приговор Фогелю.

«10000 марок за поимку убийцы Фогеля у вас, сволочи, почти в кармане», — подумал я.

От злости у меня потемнело в глазах.

До поста каких-нибудь 200 метров. Пора действовать. Если не выйдет, погибну по крайней мере как солдат в бою.

Быстро поворачиваюсь вправо и крепко сжатым кулаком, как мы сжимали его, обмениваясь пролетарским приветствием в лесу, бью изо всех сил жандарма в лицо. Он выше меня и хорошо откормлен на польском горе. Однако удар был нацелен отлично. Жандарм пошатнулся, потерял равновесие. Было скользко, снег еще не успел растаять. Я бросился в поле. Не успел сделать и нескольких шагов, как грянули выстрелы. Я поскользнулся. Это и спасло мне жизнь. Я продолжал бежать в сторону Ензора. Пальто стесняло мои движения, я сбросил его и с пистолетом в руке бежал дальше. Хотелось мне несколько пуль послать немцам, но здравый рассудок пересилил. В руках у полицейских остался «Мушка». Стреляя, я только бы ухудшил его положение.

Обогнув сперва Ензор, я направился в сторону Явожно. Удачный побег прибавил сил. И хотя до товарищей было еще далеко, я знал, что спасен. Я мог рассчитывать на помощь польского населения. Жители слышали о нас, знали о диверсиях на железной дороге, о нападениях на сельские управы, о террористических актах по отношению к немцам и их польским прислужникам. Поэтому они помогали нам, поставляя сведения и предоставляя убежище.

Совсем измотанный, пробежав с небольшими перерывами около полутора десятков километров, мокрый и озябший, я добрался до Явожно уже в сумерках. Бег по подтаявшему снегу и волнения этого дня совсем меня измочалили. Я решил искать пристанища в первом попавшемся доме. Это, правда, было рискованно, поскольку отошедшие к империи территории были буквально нашпигованы немцами и фольксдойчами.

В конечном счете я верил в меткость своего пистолета и потому вошел в первый же дом с края. Я попал к полякам. Кажется, я сильно перепугал их своим видом и пистолетом, который держал в руке. Потребовав ночлега и пищи,

предупредил, что если кому-нибудь придет мысль сообщить обо мне в полицию, то прежде, чем полицейские возьмут меня, я перестреляю всех в доме.

Первоначальное недоверие обитателей дома переросло в сочувствие, когда я рассказал им, кто я и из какого положения мне удалось выпутаться. Конечно, разговор не ограничился моей особой. Я рассказал обитателям дома о существовании ППР, Армии Людовой и о нашей деятельности. Короче говоря, я провел с ними маленькую политбеседу. Они же все добивались ответа, когда же Гитлер и немцы полетят ко всем чертям. Я утешал их, что уже недолго осталось ждать, но что ради этого все должны бороться.

Такие беседы мы проводили везде и всюду, как только предоставлялся удобный случай.

Ночь я проспал как убитый, полностью положившись на хозяев. Они оказались настоящими поляками. Хозяин говорил, что дом его всегда открыт для нас, он рад, что смог предоставить ночлег настоящему партизану.

Из Явожно в Бычину я поехал поездом. Это был очень неблагоразумный шаг. Однако стремление отомстить за потерю товарища не покидало меня. Я искал повода для столкновения. К счастью, я вскоре поостыл, и здравый смысл взял верх.

С вокзала в Бычине я благополучно добрался до бункера.

Мысль моя теперь постоянно возвращалась к тому, как бы мне получше справиться с обязанностями командира округа. Отсюда, из либёнжского бункера, трудно было бы поддерживать постоянные личные контакты. Проблему можно было, как мне казалось, разрешить постройкой лесного бункера ближе к Домбровскому бассейну. В нем можно было бы разместить группу местных гвардейцев, обучить их, а потом дать им самостоятельные задания. Однако прежде чем перебраться в Домбровский бассейн, я решил залить немцам сала за шкуру здесь, в Хжановском районе. А в то время как немцы будут искать нас здесь, мы с частью людей из отряда сможем действовать в Домбровском бассейне.

У меня свежа была в памяти встреча с полицией в Даньдувке и роль, которую сыграл в ней сын их агента Кравчика. Следовало приступить к ликвидации подобных предателей в нашем районе. За последнее время они все чаще давали о себе знать. Наша разведка уже разоблачила некоторых из них. Кроме того, мы еще собирались провести диверсию на железной дороге. Следовательно, в эти оставшиеся до перебазировки в Домбровский бассейн дни у нас будет работы по горло.

Но прежде всего я решил выполнить задание по снабжению

партии деньгами. Кассы в городе находились под сильной охраной, а кроме того, сигнализация, автоматические замки и прочее создавали дополнительные трудности. В конце концов мы решили раздобыть какие-нибудь дефицитные товары и продать их на черном рынке. Я решил произвести нападение в хорошо известном мне округе в Жарках. Необходимую разведку могла произвести моя семья и местные аловцы. Основную работу я поручил моей сестре — «Стасе».

В этом деле, помимо меня, должны были принять участие пять солдат: «Вицек», «Куна», «Ромек» — Ян Шренявский и «Валек». Клички пятого товарища я уже не помню. Срок мы назначили на 28 марта 1944 года, так как именно в этот день в сельскую управу в Жарках должны были привезти новые продовольственные карточки.

Мы вышли очень рано, чтобы в Жарки прибыть к шести утра. В семь часов начиналась раздача карточек.

В километре от Жарок я передал командование «Вицеку». Мы с «Валеком» не могли идти дальше, потому что в Жарках нас знали. О том, что произошло в Жарках, рассказывает донесение немецкой полиции:

«Нападение на транспорт продовольственных товаров в р-не Хжанова.

> 28.III. 44 г. в 8 ч. 15 мин. четверо неопознанных бандитов в возрасте от 22 до 24 лет, вооруженные пистолетами модели «штайер», в штатских костюмах совершили грабительское нападение на транспорт продовольственных товаров центра раздачи продовольственных карточек для Либёнжа, на дороге напротив польской школы в Жарках, район Хжанова. Причем в их руки попали продовольственные карточки в количестве 9952 экземпляров.
>
> Затем бандиты отобрали у немецкого начальника центра в Либёнже, Отто Брандеса, который охранял транспорт вместе с 4 польскими работниками управы, следующие предметы: 1 портфель, в котором находился револьвер барабанный калибра 7,65 с 6 патронами, 1 папку, а в ней около 300 марок наличными, 1 удостоверение личности, 1 удостоверение Красного Креста, 1 удостоверение РЛБ, 1 военный ремень, около 12 марок членских взносов НСДАП, 1 свидетельство о браке, 1 свидетельство о вводе в наследство, сберегательную книжку, 1 авторучку и личные продовольственные карточки»[22].

Когда «Вицек» отправился на выполнение задания, мы с «Валеком» беспокойно метались по опушке леса, хотя и были уверены, что под его начальством все пройдет гладко.

По нашему плану операция должна была завершиться к восьми часам, сейчас было уже около девяти. Наконец они появляются. Приезжают в санях, щегольски щелкая кнутом, — настоящие рождественские катания. «Вицек» с гордостью объявляет, что задание выполнено и что попутно захвачен пистолет. Сани были нам больше не нужны, и мы оставили их поблизости от Бабице.

Следы на глубоком еще, хотя и таявшем, снегу отчетливо указывают направление нашего отряда, могут немцы использовать и собак. Все это вынуждает нас отходить лесом к тропинке, ведущей из Менткова. Здесь часто проходят люди, и тропинка хороню натоптана. Потом прыгаем в ручеек, впадающий в речку. Пройдя метров триста по размокшему дну ручья, выбираемся на берег. В резиновых сапогах хлюпает вода.

Все это время мы кружили вокруг Жарок на расстоянии не более двух километров. Под конец мы устроили привал в каких-нибудь полутора километрах от места нападения, но уже по другую сторону деревни. Мы знали, что немцы будут нас искать где-то в районе Бабице, поскольку вначале мы отходили именно туда. Но там они могли найти только коня да сани.

Район был оцеплен, но нас искали вдалеке от места происшествия, а мы все время находились рядом. В рощице мы переждали до вечера, а вечером, воспользовавшись тем, что рабочие идут на шахту «Янина» в Либёнже, двойками, соблюдая определенную дистанцию, добрались до бункера.

Все добытые карточки, общей стоимостью на 100 000 марок, я через двух партизан передал «Роберту». Через три дня он лично вынес нам благодарность и поздравил. Это было для нас большой радостью. Теперь следовало заняться гитлеровскими агентами.

Наша разведка донесла, что немцы пользуются помощью предателей для того, чтобы установить имена участников операции. Товарищи из Либёнжа и Жарок чувствовали, что за ними наблюдают и следят.

Мы приняли решение о ликвидации пяти агентов, в первую очередь наиболее опасных. За две ночи группы отряда имени Ярослава Домбровского провели пять операций. К сожалению, расправа с агентами не вполне удалась. Только двое из них были ликвидированы, один ранен, а остальных двух не застали дома.

Несмотря на это, наши действия произвели должный эффект. Из отчетов и донесений было ясно, что предатели жили теперь в страхе перед ожидающей их карой. Полиция неистовствовала.

Усилились проверки населения. На всех дорогах появились патрули, врывавшиеся по вечерам в дома. Принимались и другие всевозможные меры.

Итак, нам удалось расшевелить немцев в Хжановском районе. Теперь я мог перебазироваться в Заглембье. Я отправился туда вместе с «Вицеком».

ОСВОБОЖДЕНИЕ «МУШКИ»

Собрав девять человек из Домбровского бассейна, мы приступили к строительству бункера в лесу над самой Пжемшей в Высоком Бжеге. Бункер был отстроен за сутки. Кроме известных уже мне товарищей: «Кропки» — Юзефа Бартоша и «Вацека» — Яна Хахола, в бункере оказалось и несколько других аловцев из бассейна, в том числе «Сковронек» — Станислав Клосовский, «Трок» — Эдмунд Марцеля, «Малы» — Эдвард Хмелевский, «Зимны» — Юзеф Гах, «Габрысь» — Юзеф Карковский. Группа из Высоки Бжега вошла в состав отряда имени Я. Домбровского и была третьей самостоятельной партизанской единицей на территории Хжановского подокруга.

Несколько позднее в рядах группы Высоки Бжега оказался также и главный герой знаменитого побега из острогорской тюрьмы «Мушка». Меня все время мучила мысль, что, может, я не все сделал для того, чтобы облегчить и ему бегство. Поэтому я особенно обрадовался, когда узнал, что его удалось отбить. Он был благодарен, что я не воспользовался тогда оружием, поэтому немцы не придали большого значения его аресту. Ему было разрешено даже выходить на работы за стены тюрьмы. Это было очень выгодно для нашего плана. Интересно рассказал об этом побеге «Сковронек» — Станислав Клосовский:

> «Арест «Мушки», всеобщего любимца и товарища по борьбе, явился для нас тяжелым ударом. Стефаниковой-Баранской и «Крысе» — Аделе Моравец удалось установить, где содержится «Мушка». И даже получить с ним свидание. Из их рассказа следовало, что его посадили в острогорскую тюрьму и, что более важно, еще не «обрабатывали». Работает на постройке стены вокруг тюрьмы, но, к счастью, не переодет пока в арестантскую форму. Они передали «Мушке», что 1 апреля будет предпринята попытка вырвать его из тюрьмы. Требовались два добровольца. Первым вызвался я, вторым был «Рысек» — Адам Тондус. Мы в общих чертах составили план операции. На следующий день мы с «Рысеком» отправились в Сосновец, чтобы на месте ознакомиться с положением дел и окончательно решить, как нам действовать.
>
> С рассветом мы были уже на ногах. «Малы» — Эдвард Хмелевский, у которого мы ночевали, проводил нас к тюрьме. В городе мы были в 7 ч. 30 мин. На улицах

царило оживленное движение — женщины шли за покупками, дети — в школы, мужчины — на работу. Скоро мы были рядом с тюрьмой и тут же увидели работавшего «Мушку», который пристально посмотрел на нас. Нужно было спешить. Я спрятался поблизости от тюремных ворот. Через минуту мимо меня прошел «Рысек», демонстративно держа в руках завернутый в бумагу хлеб. Он направился к стражникам. Показывая хлеб, он униженно попросил разрешения передать его «брату». Почти в то же самое мгновение на строительной площадке появился начальник стражи, который, тут же поняв, в чем дело, велел оставить пакет, а «Рысеку» убираться. «Мушка» сообразил, что к чему, кинулся якобы за хлебом и вдруг оказался рядом с «Рысеком». Тот молниеносно передал ему оружие. Я тем временем подбежал к «Рысеку» и «Мушке», и мы все трое направили на стражников пистолеты. Стражники остолбенели от изумления.

Дальнейшие события развивались в молниеносном темпе. Не успели стражники прийти в себя, как мы уже мчались по улицам Сосновца. Через несколько минут из ворот тюрьмы высыпала группа стражников, однако они не решались открывать огонь, так как на улице было большое движение. Только когда мы оказались на Ренардовских лугах, раздались первые выстрелы.

К погоне тут же подключились находившиеся поблизости гитлеровцы. Чтобы иметь большую свободу движений, мы сбросили пальто. Но вскоре уже кляли себя за глупость, так как в пальто остались запасные обоймы к пистолетам. Тем временем преследователи остановились у наших пальто, отказавшись от дальнейшей погони. Они, по-видимому, решили, что заполучили достаточные вещественные доказательства, чтобы установить наши личности.

Мы мчались дальше. Вскоре мы пробежали по железнодорожному мосту над Черной Пжемшей, а затем пробрались садами в направлении Дебовой Гуры. На поле возле школы неожиданно наткнулись на взвод немцев, проводивших здесь занятия. У солдат были не менее глупые лица, чем у нас. «Мушка» хриплым голосом приказал бежать дальше.

— Не прячьте оружие! — услышали мы его крик. — Они и так его заметили!

Еще несколько сот метров, и мы

приостанавливаемся. Солдаты не стали нас преследовать. «Что за черт? — дивимся мы. — Может, они приняли нас за гестаповцев, преследующих «польнише бандитен»?

— Пся крев, — вырывается внезапно у «Рысека». — Смотрите!

Мы видим, как со стороны Дебовой Гуры бежит по направлению к нам рассыпанная цепью другая группа солдат. Мы со всех ног бросаемся к шоссе.

— Машины! — кричит «Мушка». — Из Даньдувки!

Это машины с полицией. Обстановка накаляется. Мы вбегаем в ближайший лесок, и не проходит минуты, как оказываемся на противоположной его стороне. Теперь — в Боброк. Еще немного. Из груди вырывается свистящее дыхание. Ноги у нас как из теста, перед глазами мелькают огненные круги.

Делаем небольшую передышку и тут же то бегом, то шагом двигаемся к знакомой «Мушки», которая жила в Боброке. Наспех перекусив там и чуточку обогревшись, направляемся в Ензорские леса. Тут мы уже в безопасности. У костра сушим одежду, чистим оружие.

Поздним вечером идем через Ензор в Нивку. Здесь нас с нетерпением дожидаются сестры «Мушки» «Вильга» и «Крыся». После теплых приветствий появилось и угощение — свежие булки и колбаса. Только теперь мы почувствовали, как мы голодны»[23].

За несколько дней до пасхи вместе с «Вицеком» я направился из бункера в Высоки Бжеге в бункер в либёнжском лесу. Надвигались пасхальные праздники, и солдаты вермахта ехали с востока к своим семьям в отпуска. Мы решили, что оружию и ключам для развинчивания рельсов не имеет смысла ржаветь в бездействии.

Мы вышли ночью 8 апреля. Около будки обходчика сразу же за Хжановом «Куна» и «Валек» двинулись вперед на разведку. Они обследовали местность и заняли позицию, удобную для наблюдений. «Куна» первым подал сигнал, и тут точно таким же сигналом отозвался «Валек». Это означало, что путь свободен и можно приступать к развинчиванию рельсов. Быстро и бесшумно мы поднялись на насыпь. Принялись развинчивать стыки. Управились с этим быстро, так как у нас уже была большая практика.

Отойдя на безопасное расстояние, мы терпеливо ждали поезда. Наконец, со стороны Тжебини подошел поезд, набитый

отпускниками с награбленным добром. События развивались в уже знакомой нам последовательности — грохот, сноп искр из паровозной топки, крики и хаотическая стрельба немцев. Не успели остыть от этого впечатления, как снова грохот. На свалившийся поезд налетел шедший с противоположной стороны товарняк со свиньями. Крики офицеров и визг свиней слились в одни согласный хор.

В немецком донесении говорилось о большом материальном ущербе, о потере двух человек убитыми и семерых тяжело раненными.

Уже после освобождения я узнал, что жители восточных окраин Хжановского района воспользовались случаем и переловили разбежавшихся свиней. Таким образом, в праздники на польских столах появилось мясо. Такого результата нашей диверсии мы никак не ожидали!

ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ГЕСТАПО

На следующий день после этой операции я снова был в бункере в Высоки Бжеге. За это время аловцы произвели несколько мелких «снабженческих» вылазок. Мне пришлось заняться срочными и немного запущенными организационными вопросами.

На одном из собраний ППР в Сосновце 15 апреля 1944 года, где я присутствовал вместе с «Болеком», мы обсудили с товарищем «Вихером», секретарем округа № 1, многие вопросы нашей борьбы. После обсуждения плана действий, который был утвержден товарищами, «Вихер» вручил мне чешский пистолет калибра 7,65 и несколько тысяч марок, полученных от продажи захваченных в Жарках продовольственных карточек. Деньги эти предназначались на организационные расходы и помощь семьям товарищей, арестованных или убитых гитлеровцами.

Врученный мне «Вихером» пистолет я вычистил и привел в рабочее состояние, даже не предполагая, как скоро он пригодится мне. Деньги мы спрятали в носки.

С собрания в Сосновце мы вместе с «Болеком» пошли в направлении Моджеюва. И сразу же первое препятствие — железнодорожный шлагбаум на переезде закрыт. Приходится ждать. Тем временем подъехало несколько грузовиков с полицией и эсэсовцами, а также легковой автомобиль, в котором сидело несколько человек в штатском. У одного из них был автомат, так называемый «дырокол». Мы просто загляделись на него.

— Пригодился бы такой, — тихо сказал я «Болеку».

Он только кивнул. Дожидаться открытия переезда в такой компании было неприятно. Но в конце концов шлагбаум поднялся, и машины рванули вперед. Мы заколебались — идти дальше или вернуться. «Но ведь черт их знает, куда они поехали. А снова вертеться по городу, рискуя столкнуться с полицией, как это было две недели назад в Даньдувке, нам не очень улыбалось. Мы решили идти к Моджеюву и далее — к спасительным лесам, где через каждую дюжину километров были у нас лесные укрытия, а в них — наши солдаты. За переездом мы случайно встретили товарища «Казика» с его женой «Зосей», известной активисткой Домбровского бассейна.

Остановились у обочины и проговорили минут десять. Распростившись, тронулись дальше. Не доходя до Моджеюва, заметили, что гитлеровцы шарят по дворам по левую сторону от дороги. Это немцы, которых мы видели раньше у переезда, проводили облаву.

Мы прошли еще с полкилометра, когда разглядели, что какая-то группка из пяти человек двигается нам навстречу. Подойдя ближе, с беспокойством обнаружили, что это группа переодетых в штатское гитлеровцев, в офицерских сапогах и со свастиками в петлицах. У одного из них мы заметили висящий через плечо автомат с торчащим в сторону магазином — «дырокол», который мы недавно разглядывали в окно автомобиля. Нетрудно было догадаться, что это и есть главари тех бандитов. «Что теперь?» — подумал я с тревогой. Я льстил себя надеждой, что, может, они нас не остановят: ведь столько людей ходит по городу и не у всех же проверяют документы! Шепотом советуемся, что делать, сойти ли с дороги вправо или продолжать идти на них. Выбираем второе решение. Пытаясь улыбаться, идем прямо на немцев. Однако улыбки моментально исчезли с наших лиц, когда один из штатских остановил нас жестом руки: «Битте аусвайс». Не дожидаясь, пока мы подадим им документы, тот, кто был вооружен «дыроколом», крикнул: «Хэнде хох!»

Колебались мы недолго. «Болек», у которого не было оружия, медленно поднял руки вверх: он, как потом выяснилось, все еще рассчитывал на то, что нам как-нибудь удастся отвертеться. А у меня положение было безвыходное.

Увидев, что гестаповец снимает «дырокол» и направляет его на нас, я выхватил недавно полученный от «Вихера» пистолет и выстрелил в гестаповца с автоматом. На таком расстоянии промахнуться я не мог. Немец пошатнулся и упал, выронив из рук оружие. При звуке выстрела «Болек» моментально бросился на стоявшего против него гитлеровца, и они вместе свалились. Я еще несколько раз выстрелил и подбежал к немцу, лежащему в кювете. Хотел уже было стрелять, как вдруг услышал, как он произнес умоляюще:

— Не стреляй, я поляк.

Я не выстрелил. Так до сих пор и не знаю, был ли это конвоируемый поляк, или тоже гестаповец, который спасся, заговорив по-польски. Остальные разбежались, даже не пытаясь захватить автомат, который валялся на земле. Тем временем «Болеку» удалось вырваться из рук гестаповца. Теперь я мог свободно действовать и выстрелил в немца, когда тот пытался встать.

«Болек» был здорово помят, кровь сочилась у него из раны на лбу. Я схватил лежащий на дороге автомат, а «Болеку» отдал свой пистолет. Все это произошло в считанные секунды. Мы тут же пустились в почти безнадежное бегство к Мысловице. Выстрелы привлекли внимание немцев, те бросились за нами, стреляя на

ходу. Немцы, не обращая внимания на то, что их выстрелы могут ранить прохожих, стреляли в нас автоматными очередями.

Мы бежим зигзагами, часто припадая к земле. Автоматом я воспользоваться не могу, так как ствол его забит песком и грязью. Однако немцы об этом не знают и, когда я направляю на них грозное дуло «дырокола», тут же ложатся или пытаются найти укрытие, позволяя нам выиграть драгоценные секунды. Так выигрываем несколько метров и пару секунд передышки. Теперь мы мчимся вдоль берега Пжемши и добегаем до моста, а здесь десятка полтора немцев. Стволы «дырокола» и пистолета производят должное впечатление, мы пробегаем по мосту, снова попадая под обстрел. У меня такое впечатление, как будто я на бегу цепляюсь одеждой за какие-то невидимые препятствия. Это пули дырявят мне одежду. Положение становится все более угрожающим. «Болек» израсходовал уже все патроны, «дырокол» засорен, мы практически безоружны. По дороге мы пробегаем мимо множества людей, которые приостанавливаются и смотрят на нас. Они догадываются, за кем гонятся гитлеровские наемники. Мы выкрикиваем: «Да здравствует Армия Людова! Да здравствует Польская рабочая партия! Да здравствует Польша! Долой Гитлера! Смерть немецким захватчикам!» Те, что посмелее, приветствуют нас, машут нам руками и тоже что-то кричат.

«Болек» измучен быстрым бегом. Он уже в возрасте, да и тюрьмы не прошли для него бесследно. Но нам нельзя поддаваться усталости, и я подбадриваю его как могу. Мы попадаем на улицу Моджеюва и теперь бежим по окраине города между домами. Прыгаем в какой-то сад, где работает полицейский. Может, это и к лучшему — вдруг у него окажется оружие. Мы запугиваем его, но он, к сожалению, оказывается безоружным. Бежим в сторону Нивки и Ензора. Перед нами Белая Пжемша, через которую нужно переправиться. При переправе теряем сапоги. Вода уже доходит нам до пояса, пули шлепаются рядом. После купания в холодной воде чувствуем себя бодрее и бежим к асфальтовому шоссе. Немцы отстают.

Под непрерывным обстрелом пробегаем Ензор и вбегаем в лесок. Выстрелы затихают. Лесок этот, однако, слишком мал, чтобы в нем можно было скрыться. Но мы об этом не думаем и за первым же кустиком бросаемся друг другу в объятия. Нам кажется, что мы уже спасены. Погони не видно.

Однако когда мы прошли лесок и попытались выйти на шоссе, немцы заметили нас. Обстрел был настолько сильным, что нам не удалось пересечь дорогу и попасть в Хжановские леса. Погоня возобновилась с новой силой.

Теперь мы бежим по направлению к железнодорожной

станции в Ензоре. Еще раз переправляемся через Пжемшу, оказываемся поблизости от шахты «Юлиуш» и прячемся там в зарослях. Немцы здесь нас не ищут, прочесывая леса и близлежащие деревни.

В зарослях мы отдыхали до вечера. Сильно давал себя знать почти пятнадцатикилометровый кросс. Ноги окровавлены (сапоги-то остались в Пжемше), одежда мокрая, нас била дрожь. Каждую минуту мы ждали появления наших преследователей — ведь в заросли мы вбежали на глазах у более чем десятка прохожих. Все они видели наше оружие, растерзанную одежду, босые искалеченные ноги, слышали стрельбу. К счастью, никто не указал немцам наше пристанище.

Было уже темно, когда мы покинули заросли. В третий раз за этот день нам пришлось переправляться через Пжемшу, после чего мы двинулись к бункеру в Высоки Бжеге. Сколько есть в лесу корней, можно убедиться только тогда, когда идешь босой да еще с окровавленными ступнями. Рыча от боли, мы проклинали каждый встречный корень, суковатую ветку или засохшую шишку. И вот конец пути — спасительный бункер, друзья. Радость их была двойная. Радость, что мы живы, и радость при виде добытого «дырокола». Им занялся «Вицек» и в тот же вечер позволил себе удовольствие испробовать его прямо в бункере. Это был первый автомат нашего отряда, который потом оказал нам неоценимые услуги.

ПАРТИЗАНСКАЯ ВЕСНА

Несколько дней я пробыл с аловцами в бункере в Высоки Бжеге, а потом вернулся в Либёнж. Либёнжская группа не теряла времени даром. «Валек» доложил мне о подрыве железнодорожного полотна в ночь на 15 апреля между Хелмом Вельки и Новы Берунем, что вызвало перерыв в движении на этой линии на несколько часов.

Я передал товарищам указание руководства окружного комитета ППР бросить на разрушение железнодорожных путей все силы, чтобы достойно отметить праздник рабочего класса — 1 Мая. Мы немедленно приступили к разработке плана первомайских диверсий на хжановской земле и в Домбровском бассейне.

Поручив либёнжским товарищам определить участки, где предстоит нанести удары, я вернулся в Высоки Бжег. Погожим утром я, углубившись в чащу вблизи от бункера, раздумывал, как бы успешнее сосредоточить отряды для удара в канун 1 Мая.

Было тепло и тихо. Занятый операциями, организационной работой, постоянной борьбой за сохранение собственной жизни, я чуть было не проглядел прекраснейшую пору года — весну. Сорвал стебелек первой весенней травы. Почувствовал ее вкус, и все мои прежние мысли куда-то улетучились. Я поудобней улегся. Солнце светило мне прямо в лицо. С самого раннего детства я любил весну больше других времен года. И до сих пор лес в весеннем наряде любимейшее место моих прогулок. Не одну партизанскую весну провел я в лесу, но особенно запомнилась мне весна 1944 года. Я огляделся вокруг. Жиденький лесок, скрывавший наш бункер в Высоки Бжеге, жил своей жизнью. Кусты уже зазеленели. Птицы суетились на деревьях, кое-где мелькали зайцы, сотни самых странных созданий шелестели в траве. Мир оживал.

За несколько лет жизни в лесу я заметил, что осенью на нас наваливалась какая-то незаметная тяжесть. Весна же всегда придавала нам бодрости и радости. Но, как говорит поэт, о весне можно говорить бесконечно. Передо мной стояли более прозаические, но срочные задания.

Результатом наших приготовлений был «Окружной план первомайского удара». Я запланировал создание пяти боевых групп, которые с 29 апреля по 1 мая должны будут произвести диверсии.

План этот был утвержден партийным руководством, и я разослал связных с приказами ко всем командирам. До

выступления на железной дороге осталась пара дней. Я решил использовать их для боевой подготовки аловцев с Высоки Бжега.

Мы решили уничтожить сельскую управу в Нивке. Добравшись до Нивки, мы оставили «Мушку», вооруженного автоматом, на шоссе прикрыть нас со стороны костела. «Трок» и «Зимны» контролировали дорогу со стороны Ензора. С остальными аловцами мы вошли в управу. Охранял ее ночной сторож, всем хорошо знакомый добряк Заглембяк. Увидев нас, он так перепугался, что и слова не мог вымолвить. Разбив стекла, мы через окна забрались внутрь. Обыскав помещение, мы конфисковали пишущие машинки, ротатор и бумагу. В нескольких местах пол облили бензином, и пламя охватило шкафы, письменные столы и бумаги. Огонь быстро распространялся по всему зданию.

Все это заняло у нас не более 5 минут. Мы отошли на луга. Во время короткого привала заметили, что «Вицек» прихватил с собой портрет Гитлера. На вопрос, зачем он его тащит, «Вицек», загадочно улыбаясь, ответил:

— Увидите.

Утром в один из последних апрельских дней шахтеры и рабочие машиностроительной фабрики в Нивке, проходя мимо заводской столовой, высоко задирали головы. Зрелище было весьма утешительное: на телефонных проводах рядом со столбом висел портрет Гитлера. Язык у него был высунут, а на горле затянута петля из красного шнура. Под ним подпись: «Висит палач, повешенный пролетариатом». Немного ниже болталась какая-то коробочка, из которой торчали два конца провода, что должно было имитировать заряд взрывчатки.

Проделка удалась отлично. Немцы от страха перед привешенной «миной» не очень спешили снимать портрет своего фюрера, они только поставили жандарма, который должен был разгонять толпу любопытных.

Готовясь к операциям «за рельсы», мы произвели несколько «снабженческих» операций.

По готовились не только мы.

Никто из нас и не думал, что в ту самую минуту, когда настало время нанести удар и когда 28 апреля я принимал доклады командиров о полной боевой готовности, начальник гарнизона СС в Освенциме издал специальный приказ, который значительно затруднил осуществление нашего плана.

Этот документ хранится в Государственном музее в Освенциме:

Начальник гарнизона СС Освенцим

Освенцим,
29 апреля 1944 года

С е к р е т н о!

№ 150/54/с е к р.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА ГАРНИЗОНА

Касается: Интенсивного террора и диверсионной деятельности польского нелегального коммунистического движения Сопротивления в период с 27.IV до 5.V. 1944 г.

Нелегальный Центральный Комитет Польской Коммунистической рабочей партии ППР призвал своих активистов к усилению деятельности в мае в период с 27.IV—5.V.1944 г. причем 1 мая праздник должен пройти под лозунгом выступлений рабочего класса за свободу и демократическую Польшу, а 3 мая — как 153-й национальный праздник.

Из достоверных источников известна, что террор и диверсионные акты в более интенсивной форме должны быть направлены против немецких учреждений и расположений немецкой армии…

С настоящего момента и по 5.VI.1944 г. включительно в гарнизоне Освенцима отменяются любые отпуска, а также отпуска на территории гарнизона и города включительно.

Отдельные части должны позаботиться о достаточном числе постов.

Особенно тщательно следует осуществлять контроль за рабочими из числа гражданских лиц польской национальности. Роты охраны Освенцима I и Освенцима II должны обеспечить безопасность лагеря и караульных помещений. Остальные роты должны пребывать в состоянии усиленной боевой готовности. Последнее относится особенно к периоду после наступления темноты. Казармы должны особо охраняться внешними часовыми и унтер-офицерским составом…

Каждый эсэсовец обязан в период до 5 мая 1944 г. исполнять свои обязанности с особенной бдительностью.

Офицер службы

Хауптштурмфюрер и адъютант

Вместо

подписано Хартенштейн

штурмбаннфюрер СС.

На немецкие железнодорожные пути мы двинулись в ночь с 29 на 30 апреля. О том, как проходили отдельные операции, я узнал через несколько дней из донесений командиров и бесед с партизанами.

Ментковский отряд, как только наступили сумерки, переправился на другой берег Вислы. Все залегли в кустах близ железной дороги, отправив вперед одного разведчика. Он вернулся через несколько минут возбужденный: «Немцы! Полно немцев!» Помимо баншутцев, он разглядел еще и солдат вермахта. Несмотря на эту тревожную весть, «Личко» решил действовать. Когда они были уже у самого полотна в сторону Пжецишува, проезжала дрезина. Было ясно: немцы приняли специальные меры предосторожности. «Личко» переждал, пока мимо пройдет патруль из пяти человек, и тут же выполз на рельсы. Едва успели открутить первую гайку, как со стороны Пжецишува послышался характерный шум мотора. Дрезина возвращалась, ощупывая мощными рефлекторами пространство по обе стороны насыпи. Партизаны едва успели спрятаться в спасительных зарослях. Когда дрезина проехала, они снова вышли на рельсы, но на этот раз их обстреляли. Партизаны вступили в перестрелку. Немцы осветили местность ракетами, дрезина возвращалась на полном ходу, изредка обстреливая заросли из пулеметов. Только тогда «Личко» отказался от своих намерений и вывел отряд из-под огня без потерь.

С подобными же трудностями столкнулся и отряд под командованием «Куны». И тут завязалась схватка с охраной путей. Она закончилась трагически для одного из аловцев, самого юного члена группы, «Казимежа» (Юзефа Глодека).

Все мы глубоко переживали смерть самого молодого аловца и решили отомстить за него.

Через несколько дней аловцы из Копцовиц передали нам весть о зверском надругательстве гитлеровцев над телом «Казимежа». Палачи привязали труп к автомашине и поволокли его таким образом в Имелин. Там они согнали всех жителей для опознания трупа убитого, но безрезультатно — в местечке его

никто не знал, так как «Казимеж» был родом из Бычины.

Он навсегда остался в нашей памяти — улыбающийся, веселый, всегда полный самых невероятных идей, которые он тут же приводил в исполнение. Ему было 14 лет, когда в октябре 1939 года он убежал из дома с намерением пробиться в Польскую армию. Так он дошел до Сана, и только кто-то из возвращавшихся беженцев привел его обратно в Бычину. Обожал книги. Увлекался географией и астрономией. На чердаке отцовского дома он даже построил астрономическую обсерваторию — вынул из крыши несколько черепиц и установил там подзорную трубу собственной работы, наблюдая ночами звездное небо.

Через двадцать лет его героическая смерть была увековечена памятником, установленным на том месте, где он отдал жизнь за Польшу. За памятником ухаживает молодежь, особенно харцерские отряды из Имелина и Хжанова.

В то время, когда партизаны под командованием «Куны» вели неравный бой с гитлеровцами, второй партизанский отряд из Либёнжа, пополненный «легальными» аловцами, под командованием «Валека» двинулся на перегон Освенцим — Хелмек.

Однако на полотно им не удалось даже выйти, поскольку каждые несколько минут проходил патруль.

Попытали счастья в другом месте, на несколько сот метров ближе к Висле, но и здесь положение было не лучше. «Валек», опытный солдат и участник многих забастовок, приказал двигаться еще дальше и остановил аловцев только на опушке леса. Далее уже тянулись спускавшиеся к Висле луга и пастбища. Наблюдая за проходящими патрулями, они установили, что те появляются через каждые 10—15 минут. За такое время еще никогда и никакой группе не удавалось развинтить рельсы, но у «Валека» не оставалось иного выхода, и он решил попробовать. Одни отвинчивали гайки, другие выворачивали винты, которыми рельсы крепятся к шпалам. Вместо обычных двенадцати вывернули винты только из восьми шпал. Пришлось здорово поднатужиться, чтобы отогнуть рельс. С нечеловеческим усилием сделали они это и едва успели перевести дух, как часовой со стороны моста дал тревожный сигнал. Они сошли с насыпи и в нескольких десятках метров от нас припали к земле. Патруль возвращался и через несколько минут мог обнаружить развинченные рельсы. Одновременно послышался шум приближающегося поезда. Партизаны пережили несколько напряженных минут — кто первым подойдет к развернутому стыку — патруль или поезд? Поезд оказался более быстрым.

В найденных после войны гитлеровских документах есть

рапорт оккупационных властей об этой диверсии.:

> «В ночь с 29 на 30.IV. 1944 г. на железнодорожной линии Хелмек — Освенцим на 353 км неизвестными преступниками были развинчены железнодорожные рельсы. В результате этого скорый поезд № Д-318, который около 22 ч. 30 мин. выходит из Тжебини, проходя с большой скоростью по этой линии, сошел с рельсов. Паровоз и 4 вагона оказались поврежденными и свалились на путь, идущий в обратном направлении. Три человека, в числе которых — кочегар паровоза, легко ранены, объем причиненного ущерба пока не установлен. Трасса закрыта, и пока еще движение не восстановлено. Работы по расчистке линии продолжаются»[24].

Наша группа должна была атаковать отрезок главной магистрали Вроцлав — Львов — Киев, который охраняли с особой тщательностью. Каждые две-три минуты проходили патрули баншутцев и солдат, а через определенные промежутки времени проезжал порожний паровоз с вооруженной командой. Перед некоторыми товарными составами к паровозу был прицеплен защитный вагон-платформа. Это были уже не обычные средства предосторожности.

Просидев целую ночь, мы признали себя побежденными. Перед рассветом пришлось возвращаться в бункер.

Неудача не давала мне покоя. Как я могу принимать донесения, сам не выполнив задания? Но — с другой стороны — могу ли я рисковать жизнью людей, которые добровольно пришли ко мне сражаться с оккупантами? На следующую ночь мы вышли на тот же перегон. Положение не изменилось ни на йоту. Я получил уже первые донесения о неудачах наших групп и потерях. Это еще более усилило стремление к успеху. С надеждой в сердце мы пришли на тот же перегон. «Вицек» расставил часовых, которые должны были больше рассчитывать на слух, чем на зрение. Моросил мелкий майский дождик — стоял легкий туман. Стащив сапоги, три солдата поползли на насыпь. Они как раз было принялись за работу, когда до них донесся предупредительный сигнал часового. Солдаты бесшумно отступили. Прошло несколько минут, и они снова вернулись на линию. И снова сигнал. Из зарослей мы наблюдаем, как проходит контрольный паровоз. Он проехал беспрепятственно, бригада ничего не заметила. Минуты ожидания и — по сигналу часовых — тройка возобновляет свою работу.

До подхода поезда оставалось не более двадцати минут. За пять, десять минут до него пройдет контрольный паровоз.

Поэтому мы, дожидаясь его прохода, не отворачиваем рельс. Терпеливо дожидаемся сигнала часового. Идет! И через мгновение видим свет фонарей паровоза. Он медленно движется в сторону Ензора. С волнением следим за ним. Пройдет или нет? И все вздыхаем с облегчением — паровоз спокойно проходит по ловушке и скрывается за поворотом. На освещенных рельсах стражников не было. Когда мы заслышали подходящий СФ-Цуг, то бросились на насыпь. Шесть пар рук уцепились за рельс. Он еле-еле поддался объединенным усилиям. Когда к нам стал подходить патруль, мы были готовы защищать приготовленную с таким трудом и с такими волнениями западню. Но поезд все ближе и ближе. Мерный стук колес становится все слышнее. Теперь уже никакой патруль был не в состоянии уничтожить нашу работу. Не успели мы еще как следует устроиться на новой позиции, как над покрытыми туманом верхушками сосен взмыл столб искр, а до наших ушей донесся знакомый и долгожданный грохот. Это немцы.

Госпитали в Мысловице и Катовице приняли несколько десятков раненых офицеров и солдат. Числа убитых установить не удалось.

Бельские аловцы тоже добились успеха. 29 апреля группа под командованием «Малы» — Леона Лясека уничтожила в Забжеге немецкий воинский эшелон, направляющийся на восточный фронт. Под откос пошли паровоз и десять вагонов. По немецким данным движение было прервано на 24 часа. Не прошло и двух недель, как 12 мая группа «Квасного» — Юзефа Габдаса пустила под откос под Вильковице товарный состав.

Итак, не помогли кружащие по насыпям патрули, не выдержали испытания патрульные паровозы, не испугались мы громких тревог и выстрелов; нагруженные военными материалами и «сверхчеловеками», транспорты с грохотом сваливались с насыпей под град проклятий по адресу невидимых польских партизан.

ВДЕВЯТЕРОМ ПРОТИВ СОТЕН

Среди обитателей бункера на Высоки Бжеге все же зародились некоторые сомнения и подозрения по поводу предпринятых немцами чрезвычайных предосторожностей.

Вызывало тревогу то обстоятельство, что партизаны, которые шли на железную дорогу, обязательно натыкались на усиленную охрану.

И именно на тех участках, по которым у нас было намечено нанести удары. Гитлеровцы, по-видимому, были заранее предупреждены о наших намерениях. Но кто мог это сделать? Ведь планы операций были известны только членам руководства округа. А разве могли мы именно там искать предательство?

На следующий день после диверсии я докладывал о ее результатах «Роберту». При этом присутствовал и «Офик», который с недоверием выслушал мой отчет и спросил, не преувеличиваю ли я силы этой охраны.

— Это не была обычная охрана, — ответил я убежденно.

«Офик» хотел побывать в лесных отрядах, но после печального майского опыта я не допускал, чтобы кто бы там ни был знал за несколько дней о местоположении отрядов. Поэтому я сказал, что подобная встреча нежелательна, у нас много заданий. Он согласился и выразил надежду, что сможет познакомиться с отрядами в другое время. Однако он взял с меня обещание встретиться с ним на следующий день в лесу возле Высоки Бжега. Хотя упрекнуть мне его было не в чем, я чувствовал какую-то неприязнь к этому человеку, несмотря на его элегантную внешность и военную выправку. На следующий день я дожидался его, спрятавшись на опушке леса. Встречу эту прикрывали три аловца, сидевшие в зарослях. В последние дни я решил быть более осторожным.

Вдалеке я заметил две фигуры и решил, что это какая-то парочка, выбравшаяся на лоно природы. По мере того как они приближались, фигура мужчины стала казаться мне все более знакомой. Следя за ними из укрытия, я узнал «Офика». И возмутился. Как можно приходить с незнакомой мне женщиной на встречу. Такое поведение противоречит элементарнейшим принципам конспирации.

Соблюдая осторожность, я вышел из леса. «Офик» подошел ко мне со своей спутницей и, поздоровавшись, представил ее.

— Наша связная «Фреда».

Это меня не вполне успокоило. У меня не выходило из головы легкомысленное поведение человека, который, как ни

говори, исполнял обязанности командующего округом. Однако я воздержался от замечаний.

Мы вошли в лес. Здесь «Офик» приступил к объяснению, почему он взял связную с собой. Оказывается, только благодаря «Фреде» и смог он прибыть на эту встречу. В Катовице на него набросились двое в штатском. Рванувшись, он выхватил свою «шестерку» и выстрелил в одного из них. Подворотней, потом через сад он выбрался на другую улицу и добежал до «Фреды». Там он надел другой плащ и попросил ее пойти на встречу со мной. Гуляющие в лесу парочки не возбуждают у немцев больших подозрений.

Сидя на раскинутом плаще, связная, не вступая в разговор, занялась вязанием. Время от времени она поверх спиц поглядывала то на меня, то на «Офика».

«Офик» долго говорил, а под конец сообщил сенсационную новость: в ближайшие дни мы получим оружие, которое будет сброшено советскими товарищами с самолета. Точный срок сообщит связная, которая должна прибыть из Ченстохова. Груз примут партизаны Хжанова.

Это было ошеломляющее известие. Оружие, нам сбросят оружие! Наконец-то у нас его будет достаточно.

— Мы, по-видимому, сейчас неподалеку от бункера? — вдруг спросил «Офик».

— Можно и так считать… — ответил я неопределенно.

Больше «Офик» не спрашивал. Я тут же пояснил ему, что сегодня же вместе с «Вицеком» отправлюсь в Либёнжский бункер, чтобы подготовиться к принятию оружия. Это известие живо заинтересовало «Офика». Он хотел точно знать, когда мы отправимся и долго ли пробудем. Я пояснил, что пойдем мы вечером и ночью будем уже в бункере, чтобы на следующий день связаться с ментковским отрядом.

Свидание наше подошло к концу. «Фреда» свернула вязанье и спрятала в сумку. Я проводил их до опушки леса. Они пошли, изображая влюбленную парочку.

Я пошел в сторону Явожно и, пройдя несколько сот метров, свернул к бункеру. Моя охрана сопровождала меня, не отставая ни на шаг. Когда товарищи узнали, что нам пришлют оружие, в бункере до поздней ночи царило радостное возбуждение.

Хжановские леса по сравнению с лесами Любельского, Келецкого воеводств или Подгалья были всего лишь крупными рощицами, и это вынуждало нас постоянно соблюдать осторожность. Как лисы, преследуемые охотниками, проскальзывали мы среди деревьев. Миновав Явожно, мы с южной стороны вошли в еленьские луга. Обувь и брюки промокли от

утренней росы. Вскоре из-за горизонта начал выкатываться огненный шар. Мы прошли поля и луга, и перед нами лежал бычинско-либёнжский лес.

Со стороны Менткова и Загужа люди шли на работу. Одни — на шахту в Либёнже, другие — на железнодорожную станцию, а оттуда — в Хжанов, Хелмек, Освенцим. Вот они-то и увидели поезд, подъезжающий со стороны Хжанова. Прибавили шагу, полагая, что опаздывают, но быстро убедились, что это вовсе не тот поезд, которым они ежедневно ездят на работу. Когда состав остановился, из него начали быстро выскакивать солдаты. Они были в касках, вооруженные винтовками и пулеметами. Не успели они еще скрыться в лесу, как со стороны шоссе послышался шум моторов. Десятка полтора грузовиков везли вооруженных солдат. За ними, занимая почти всю ширину шоссе, тянулись танки. Их было восемь штук. И они тоже направились в сторону леса. Люди изумленно переглядывались.

«Бункер окружен», — шепчет «Вицек» и сжимает автомат. Внезапно до нас доносятся первые одиночные выстрелы, которые тут же переходят в частую стрельбу. Вокруг бункера идет бой, весь лес окружен солдатами.

Мы находились всего в нескольких сотнях метров от места трагедии, отгороженные от товарищей кордоном из солдат. Следовало тут же отступить, но мы лежали в зарослях, прислушиваясь к стрельбе. Мы все еще тешили себя надеждой, что, может, хоть кому-нибудь удастся прорваться, хотя и понимали, что это невозможно. Особенно волновала нас судьба «Болека», начальника штаба округа. В бункере ли он сейчас? Он приходил туда довольно часто, и именно сегодня мы должны были с ним встретиться.

Если бы меня сейчас, по прошествии стольких лет, спросили о самом тяжелом переживании за весь период оккупации, я признался бы без малейших колебаний, что это были минуты, проведенные вблизи окруженного либёнжского бункера. В погожее весеннее утро я переживал мучительное чувство собственного бессилия. Всем нам известно слово «бессилие», но только тогда я познал его кошмарную сущность. Стиснув зубы, я чувствовал, как на мои глаза навертываются слезы. Нас было двое, и что мы могли сделать? Выстрелить несколько раз, пробежать несколько метров, и все.

Когда мы услышали ворчание танкеток и разрывы гранат, то отступили в сторону Домба над Пжемшей. Гитлеровцы заметили нас, заорали: «Хальт! Хальт!», открыли огонь, но своих постов не покинули и нас не преследовали.

Гарнизон либёнжского бункера сражался до конца.

Их было девять человек против сотен солдат и восьми танков. Они не сдались. Сначала они надеялись, что прекрасно замаскированный бункер гитлеровцы так и не обнаружат. Уже несколько раз за последние месяцы немцы прочесывали лес, но безуспешно.

К сожалению, на этот раз в дело были пущены полицейские собаки. И теперь оставалось защищаться до последнего патрона.

Рапорт катовицкого гестапо от 11 мая 1944 года доносил:

> «По информации конфиденциальных лиц (Ф-Маннмельдунген) и после тщательного расследования установлено, что так называемая банда «Болека» (Болекбанде), которая с весны 1943 года бесчинствовала в районе Хжановском и прилегающих районах, совершая многочисленные убийства, диверсионные акты, особенно на железнодорожных перегонах, грабительские нападения и кражи со взломами, имела свою базу в квадрате карты 696 поблизости от Либёнжа Хжановского района. В качестве укрытия банде служила выкопанная под землей нора (Юнгвильдвонунг), площадью около 25 квадратных метров, необычайно тщательно замаскированная и трудная для распознавания.
>
> 6 мая 1944 года солдаты окружили соответствующий участок леса, а затем, поскольку укрытия банды на основе полученной от конфиденциальных лиц информации обнаружить не удалось, тщательно обыскали местность. Благодаря очень детальному поиску (простукивание земли) был найден хорошо замаскированный вход в убежище (60×60). Бандиты, заметив, что они обнаружены, тут же открыли огонь и попытались бежать. Двум из них удалось покинуть бункер и обратиться в бегство, но они были застрелены солдатами, заранее расставленными вокруг всего участка. Третий при помощи пистолета калибра 0,8 пытался пробить себе путь к отступлению, но был убит выстрелом в голову одним из гестаповцев.
>
> Оставшиеся в бункере бандиты не реагировали на призыв сложить оружие и продолжали стрелять. Их забросали гранатами, дымовыми и обычными, а затем парализовали их действие при помощи специального заряда взрывчатых веществ…
>
> Главарь банды Станислав Баран, кличка «Болек», родившийся 18.VIII. 1908 г. в Хжанове, имел пистолет 0,8 с длинным стволом и был застрелен в порядке обороны,

когда он выходил из укрытия. Баран был начальником штаба «Армии Людовой» Верхне- и Нижнесилезского округа. Его бандитская группа относилась к числу самых опасных, поскольку состояла исключительно из коммунистов-фанатиков, каждому из которых впоследствии готовилась роль самостоятельного руководства бандой или группой «Армии Людовой».

В гестаповском рапорте перечисляются далее защитники бункера, по список составили гитлеровцы главным образом по показаниям раненых, а те ради спасения семей товарищей приводили неверные данные. Фактически список этот должен был выглядеть следующим образом:

1. Станислав Баран, кл. «Болек», род. 18.XI. 1906 г. в Либёнже Малом, повят Хжанов.
2. Бронислав Пежхала, кл. «Збышек», род. 3.IX. 1923 г.
3. Юзеф Дудек, кл. «Виктор», род. 22.II. 1923 г.
4. Томаш Заяс, кл. «Лойзик», род. 18.IX. 1909 г.
5. Юзеф Шалёнек, кл. «Валек», род. 8.V. 1904 г.
6. Ян Чубая, кл. «Антек», род. 10.IX. 1914 г.
7. Винцентий Познаньский, кл. «Адам», род. 1.IV. 1908 г.
8. Роман Трыбусь, кл. «Зыгмунт», род 3.II. 1912 г.
9. Юзеф Генборский, кл. «Куна», род. 19.XI. 1922 г.

Отправленные в Освенцим раненые были там скоро убиты.

В захваченном бункере гитлеровцы нашли несколько пистолетов, револьвер, пять двустволок, взрывчатые вещества, ручные гранаты, ключи для развинчивания рельсов, запасы продовольствия, 1000 марок, различные газеты и инструкции, семь печатей ППР и Армии Людовой, а также дневник отряда имени Я. Домбровского.

Убитых аловцев гитлеровцы сфотографировали. Тела их были выставлены для опознания жителями Либёнжа и Бычины. До сего дня матери и жены убитых с ужасом вспоминают минуты, когда они увидели изуродованные тела своих близких. Они не могли выдать свои чувства в присутствии гестаповцев. Признаться в родственной связи с убитыми означало подвергнуть себя самым страшным репрессиям. Семьи убитых и жители Либёнжа выдержали этот трудный экзамен.

Погибли самые самоотверженные и опытные солдаты. За их смерть враг нам еще дорого заплатит.

Целый день просидели мы в лесу возле Домба над Пжемшей, в нескольких километрах от ликвидированного бункера. Мы были страшно угнетены и только изредка обменивались словами. Сидевший рядом со мною «Вицек» был потрясен до глубины

души. В бункере находились также его ребята из бычинской группы. Он очень гордился ими и всегда старался, чтобы они выделялись дисциплиной, храбростью, подтянутостью и внешним обликом.

— Помнишь «Куну»? Мне его, пожалуй, больше всего будет недоставать.

«Куну» забыть невозможно. Еще будучи «легальным», он разбил себе молотком палец, чтобы получить у врача освобождение от работы и пойти с нами на операцию. Придя на место сбора с завязанным пальцем, он уверял нас, что больная рука ничуть ему не помешает. У него была большая семья, и однажды перед выходом на задание он обратился ко мне с просьбой в случае его гибели изуродовать ему лицо до неузнаваемости. Этим он хотел уберечь своих близких от репрессий. Радость, злость, восхищение или удивление он выражал каким-то неслыханным ругательством — «курдемоль». Веселый парень, обладавший лучшим голосом в отряде, он часто напевал, из-за чего получил несколько прозвищ — «Кепура», «Соловей», «Ангелок», «Хорист». После ранения в Бычине он быстро выздоровел и вернулся в отряд, как и прежде полный энтузиазма и оптимизма, которых хватило бы на троих. Голова у него была вечно занята будущим, он постоянно думал об освобождении и пытался представить жизнь в уже свободной Польше.

О смерти Романа Трыбуся — «Зыгмунта» я решил сам поговорить с его семьей. Я знал его отца, старого активиста ППС — Левой, который уже несколько лет был прикован к постели, но вся его семья — жена, дочь, два сына — были участниками подполья. Роман состоял вначале в одной из «легальных» групп, по все время рвался в лес. Его поддерживал отец, и я в конце концов поддался их уговорам и принял Романа в отряд. Теперь я представлял себе отчаяние отца. Не знал я, что этот болезненный человек поступит совершенно неожиданно и попросит принять в отряд второго его сына — Владислава. В отряде Владислав взял себе подпольную кличку брата и вскоре стал командиром либёнжской группы.

Товарищи в бункере у Высоки Бжега уже знали о нанесенном нам ударе и боялись, что мы погибли вместе со всеми. Наше появление было неожиданным, и они искренне нам радовались. Однако радость эта была непродолжительной… Всех мучила боль и отчаяние, вызванное гибелью товарищей, и вопрос: что же будет дальше? До утра в бункере никто не сомкнул глаз. Мучил вопрос: от кого узнали гитлеровцы о расположении бункера? Они действовали наверняка и сразу же окружили нужный участок

либёнжского леса.

В ту памятную ночь было решено: мстить. Гитлеровцы, которые хвалились, что ликвидировали всю «коммунистическую банду», и надеялись, что теперь здесь воцарится покой, должны были горько разочароваться в своих надеждах.

На следующую ночь вместе с группой партизан я вышел из бункера. Укрытие мы замаскировали, так как в ближайшие дни не собирались им пользоваться.

Мы отправились в Либёнж. До сих пор мы старались избегать активных действий вблизи либёнжского отряда. А теперь мы решили отомстить на отрезке железнодорожного пути между Либёнжем и Хелмеком. Нетрудно себе представить, с какой яростью чиновникам катовицкого гестапо, только что доложившим о полной ликвидации «банды», пришлось писать рапорт следующего содержания:

> «В ночь с 8 на 9 мая 1944 года около 1 ч. 45 мин. был пущен под откос поезд № СФ-95, везущий немецких солдат из отпуска, на километре 359-1 между Либёнжем и Хелмеком, путем развинчивания и расстыковки железнодорожного рельса…»

После этой диверсии мы провели день в Бычинском лесу, а ночью снова двинулись к Либёнжу. Нашей целью был на этот раз продовольственный магазин в центре селения, у костела. Без особого труда мы попали внутрь, забрали необходимое нам и то, что пригодилось бы для обмена, а остальное уничтожили.

На обратном пути в Бычинские леса нам пришлось переходить железнодорожное полотно неподалеку от того места, где прошлой ночью мы пустили под откос паровоз. Дозор из двух человек, шедший впереди отряда, натолкнулся на баншутцев. Завязалась ожесточенная перестрелка. На помощь немцам уже спешили другие. Нам пришлось отступить, бросив при этом большую часть конфискованных товаров.

Мы остановились в небольшой рощице под Бычиной, у самых первых построек, где нас меньше всего ожидали. Мы по опыту знали, что в таких случаях немцы подымали на ноги весь район и тщательно выслеживали нас по лесам. А тем временем мы весь день провели у самых домов. До нас доносились разговоры жителей, крик детей, обычный гомон домашней жизни. Только куры наткнулись на наше укрытие. Час спустя они настолько привыкли к виду полутора десятка спокойно сидевших людей, что бесцеремонно копались у нас под ногами. У ребят руки чесались свернуть голову хоть одной из них. Куриный бульон — редкое лакомство в отряде.

С наступлением ночи весь отряд двинулся в сторону Либёнжа. На этот раз нашей задачей снова была диверсия на железной дороге.

«Кропка» и трое аловцев, разувшись, вышли на насыпь. Остальные вместе со мной прикрывали их с обеих сторон. Они справились довольно быстро и вернулись к нам.

Ночь была безлунная и звездная. На линии со стороны Хжанова мы заметили свет фонаря. Минуту спустя послышался звук шагов. Стражники медленно приближались, держась на небольшом расстоянии друг от друга. По одной стороне насыпи шло двое, по другой — трое. Они осматривали рельсы, через определенные промежутки освещая их фонариками, и обнаружили ловушку. Ночную тишину прорезал резкий свисток. Они оповещали соседние посты и звали на помощь. Ждать больше было нечего, и мы открыли огонь. Один из стражников пошатнулся и упал. Остальные, беспорядочно отстреливаясь, укрылись между шпалами. Свисток и выстрелы привлекли сюда других стражников. Вскоре со стороны Хжанова их прибежало восемь человек, и сразу же поднялась пальба. Мы тем временем пробрались через небольшой водоотвод под насыпью на другую сторону и, зайдя немцам в тыл, ударили залпом. Немцы вскочили и бросились на противоположную сторону насыпи. Но прежде чем они успели снова упасть на землю, ударил автомат «Вицека». Стоны свидетельствовали о том, что очередь была меткой. Скрывшиеся за насыпью немцы отчаянно отстреливались. Было ясно, что уже подняты по тревоге посты и движение поездов приостановлено, поэтому мы отступили сначала к Хжанову, а пройдя несколько сот метров, повернули к Высоки Бжегу.

Через два дня в бункере появился «Личко». Вид его не предвещал ничего хорошего. Он мрачно тер свой вздернутый нос.

— Ну, говори же, черт бы тебя побрал, — не выдержал я.

Оказалось, что накануне вечером ментковский отряд был окружен значительными силами полиции и вермахта в районе развалин липовецкого замка. Окружение произошло быстро и внезапно, так что и речи не могло быть о том, чтобы вырваться незаметно. Попробовали единственный способ спасения — пошли на прорыв полицейского кордона. В бою пали «Тадек» — Францишек Косовский и два советских солдата, которые в конце зимы бежали из освенцимского лагеря. Остальным, то есть «Казеку» — Станиславу Бебаку и «Мариану» — Роману Сове удалось прорваться сквозь кольцо. Адам Пайонк был тогда за линией оцепления.

У всех нас перед глазами так и стоял «Тадек», страстный охотник за ягодами и грибами. Ночуя в лесу на голой земле, он

простудился и с тех пор неважно слышал, что его очень раздражало. Иногда мы над ним подшучивали и устраивали розыгрыши.

О павших советских партизанах мы знали мало — слишком недолго они пробыли с нами. Младшему было около 25 лет. Старший накануне гибели отмечал свой сорок пятый день рождения.

Заброшенная гитлеровцами сеть захлестывалась вокруг нас все туже и туже. Удары сыпались один за другим. И удары эти были очень точными.

— Кто-то нас предает!

В первый раз вслух было высказано то, о чем мы непрестанно думали каждый про себя. Я лихорадочно соображал, как бы не допустить паники и всеобщей подозрительности. Не знал я, что самое худшее еще впереди. Наступили черные дни для партизан. Памятный май 1944 года.

В ЗАПАДНЕ

12 мая гестапо вместе с отрядами вермахта и жандармерии предприняло попытку ликвидировать очередную группу нашего отряда в районе Высоки Бжега.

В тот день меня не было в бункере. Я встречался с «Робертом». В тот день я увиделся еще и с «Офиком», который через «Стасю» тоже назначил мне встречу. Он сразу обратил мое внимание, что наша связь не совсем в порядке. Он пытался связаться со мной, поскольку сегодня обещали доставить самолетом оружие. Я попросил его перенести срок и рассказал ему в общих чертах о последних событиях. Он выразил мне сочувствие, но тут же заметил, что было бы полезней на время прекратить нападения на немцев.

— Пусть они думают, — сказал он, — что им полностью удалось очистить район от партизан. А мы за это время наберем людей и восполним потери.

На место павших должны стать живые. У «Офика» на примете есть пять аловцев из Силезии, которые вынуждены были покинуть те места, поскольку гестапо уже напало на их след. Мы договорились, где и когда примем этих людей, и расстались. «Офик» пообещал вскоре снова встретиться со мной. Контакт — как и в этот раз — через «Стасю», на иную форму связи я не соглашался.

Я отправился в обратный путь. Неподалеку от бункера сделал обязательный прыжок в заросли и пару минут переждал в укрытии, желая убедиться, что никто не идет по моему следу. Теперь мы все с особенным тщанием соблюдали твердо установленные правила партизанской жизни. Особую осторожность мы проявляли при подходе к бункерам. Когда возвращалось несколько человек, один незаметно отрывался от остальных и следил, не идет ли кто за ними.

Убедившись, что за мной никто не идет, я подошел к бункеру. С удивлением увидел, что нет наружного часового. В душе у меня просто все перевернулось от злости, а еще через мгновение мной овладели самые тяжелые предчувствия. С полчаса я внимательно осматривал местность. Нигде я так и не увидел следов борьбы. Я подполз к лазу. Бункер был пуст.

Все выяснилось на следующий день из разговора с ребятами. «Вицек» отправился на явочный пункт подле моста над Пжемшей, где его должен был дожидаться товарищ Хмелевский — «Малы». Стоял ясный, погожий день, на дорогах было нормальное движение. Неподалеку от места встречи проходило

железнодорожное полотно, по которому часто проходили поезда, преимущественно товарные составы.

Вскоре пришел «Малы». Они постояли с минуту, как вдруг к железнодорожному полотну подъехали грузовики, из которых высыпало больше сотни вооруженных солдат и жандармов. Они тотчас же рассыпались цепью и широкой дугой зашагали в сторону леса. Облава.

Немцы старались замкнуть район, в котором находился наш бункер. «Вицек» и «Малы» в тревоге смотрели в спины немцев, все ближе подходивших к лесу. Что делать? Успеют ли товарищи во время заметить облаву и отступить? Еще не поздно. Когда гитлеровцы замкнут кольцо, тогда останется только бой. В бункере, правда, был ручной пулемет, автомат и несколько пистолетов, по этого было так мало по сравнению с вооружением немцев.

Любой ценой необходимо помочь товарищам. «Вицек» с «Малы» тут же переправились на другой берег Пжемши и помчались что было сил по так называемой «силезской стороне» реки. Когда они обогнали цепь, продвигавшуюся по противоположному берегу, то открыли по ней огонь из пистолетов. Расстояние было большое, и огонь был безрезультатным, но цель была достигнута. Издалека доносились какие-то приказания, выкрики, несколько немцев приостановилось и поливало «Вицека» и «Малы» градом пуль. Звук выстрелов разносился далеко в тишине погожего утра.

Поздней ночью на явочном пункте они встретили всех партизан целыми и невредимыми. Услышав стрельбу, те, успев даже замаскировать лаз в бункер, отошли в Хжановские леса.

Мы радовались, что немцам так и не удалось открыть наше пристанище. Однако на всякий случай мы еще два дня вели наблюдение за околицей, прежде чем вернуться в бункер. Он был нам крайне необходим, так как скоро должны были прибыть рекомендованные «Офиком» аловцы.

Они прибыли на место в назначенное время. Мы проводили их в лес и, усевшись среди кустов вереска, внимательно присматривались к кандидатам в партизаны, то есть к своим будущим друзьям и товарищам.

Завязался разговор, а вернее допрос. Оказалось, что всю пятерку разыскивают немцы за подрывную деятельность на производстве и за уклонение от службы в вермахте. Особенно многословным был самым старший из них лет 40—45. Сухое лицо с резкими чертами, костистая фигура, гортанное «р» — все это по вызывало у меня симпатии. Чувствовалось, что остальная четверка относится к нему с уважением, как будто он — их

начальник. На многие вопросы он отвечал вместо них и сам задавал вопросы. Расспрашивал о количестве людей в отряде, его вооружении, месте пребывания. Он спрашивал, охраняется ли место нашей встречи или мы пришли сюда только вдвоем. Мне не нравилось его любопытство. Я не спешил с ответами или отвечал не совсем правдиво. Недоверие усилилось еще больше, когда я заметил, что у этого якобы шахтера слишком уж нежные руки и большой перстень на пальце.

— Придется вам, товарищи, присоединиться к другой группе, — сказал я, — пока что вас принять не могу. Но лучше всего вам было бы создать самостоятельную группу в окрестных лесах. Один пистолет у вас уже есть, а мы вам еще подбросим оружия.

Они ушли разочарованные.

— Какие-то подозрительные типы, — заявил «Вицек».

На следующий день я встретился с «Офиком». Он упрекнул меня за то, что я не принял преданных и проверенных людей. «Кому преданных и кем проверенных?» — подумал я про себя и поделился с ним своими подозрениями. Он удивился, но признал мою правоту и даже похвалил за осторожность. Сообщил мне заодно, что следует готовиться к прибытию самолета с грузом оружия, поскольку он уже получил весть из Ченстохова. Он снова вернулся к идее о посещении групп на местах, но я опять уклонился от ответа.

Через два дня, после того как я сплавил первых кандидатов «Офика», он явился на встречу с двумя новыми. Это были, по его словам, русские, бежавшие из лагеря. Взволнованно он объявил о новой постигшей нас беде. На этот раз провалилась явка.

— Опять провал, черт бы его побрал, — сказал он.

Ему пришлось забрать русских с явки. Он выразил надежду, что передает их в хорошие руки. «Офик» знал, что в наших рядах в разные периоды времени находились советские солдаты. Мы относились к ним с особой симпатией, да они ее и заслуживали. Это были храбрые и хорошие солдаты. Мы ни на мгновение не усомнились в том, что и эти будут такими же. «Офик» с удовлетворением принял наши заверения в дружбе к советским товарищам и бодро направился в сторону Катовице. Я восхищался его энергией и смелостью. Как он бесстрашно, несмотря на то, что только недавно вырвался из рук гестапо в Катовице, расхаживает с оружием и документами по такому опасному району.

В одну из ночей я на минутку заглянул домой. Мать застал взволнованной и встревоженной. От товарищей из Либёнжа и Жарок она уже знала, что мы с «Вицеком» не погибли, но сейчас она беспокоилась за судьбу дочери, «Стаси» — Элеоноры

Гардзиновой, которая, выполняя обязанности связной округа, отправилась в Катовице несколько дней назад и до сих пор не вернулась. У меня зародились самые мрачные предчувствия, но мне нельзя было тревожить мать еще больше. Однако голос мой прерывался, когда я пытался втолковать ей, что боится она зря. Я посмотрел на Казю — маленькую доченьку сестры, которая спокойно спала в люльке. Тяжело было на душе, когда я выходил из дома. Это была борьба, борьба беспощадная…

В кругу своих я поделился опасениями за судьбу «Стаси». Товарищи старались развеять их, но я не верил их словам так же, как мать не верила моим. Я чувствовал, что Лорка попала в руки гестапо.

Для меня это была большая личная потеря, тем более болезненная, что за несколько месяцев до этого немцы арестовали ее мужа Сташека Гардзину, не только близкого мне человека, но так же, как и его жена, активного и преданного товарища по борьбе.

В те дни мы стояли в Еленьском лесу. Мы решили не пользоваться постоянно бункером в Высоки Бжеге, поскольку у нас не было полной уверенности в том, что гитлеровцы не оставили его в качестве западни. Поэтому мы переходили с места на место, устраивая стоянки в наиболее недоступных рощах. Было нас тогда четырнадцать человек.

Как-то днем мы сидели в лесу, дожидаясь наступления ночи, чтобы перебраться на другое место. И вот вблизи нашего бивака что-то зашелестело. Случалось, что мы, услышав шорох, обнаруживали серну, козленка или зайца, удирающих от людей. Но в этот раз нарушителем тишины оказался мужчина, переодетый в женское платье.

Он вел себя как ненормальный. Молол какую-то чушь. Мы уже начали терять терпение.

— Шлепнуть его, прохвоста, — сказал один из партизан.

Нервы ряженого не выдержали, и он наконец заговорил по-человечески. Мы узнали, что он скрывается от немцев, которые преследуют его за нелегальную торговлю.

Мы ему не поверили. Наполовину по-немецки, наполовину по-польски я заявил ему, что он пойдет с нами, потому что мы из полиции. Именно таких, как он, мы и ловим.

Когда он услышал, что мы действуем от имени полиции, лицо у него расплылось в улыбке. Он подошел ко мне и конфиденциально сообщил вполголоса:

— Пан коллега, так я ведь тоже там работаю. Ищу партизан.

Я с отвращением отшатнулся. Однако сдержал себя и принялся расспрашивать его о подробностях. Уже несколько

педель лазил он по окрестным лесам, донося обо всем замеченном начальнику жандармерии в Елене. Он предлагал нам пойти туда вместе и убедиться в правдивости его слов.

Но это не понадобилось. Я начал допрос. Он пытался выкручиваться, отказывался от того, что говорил минуту назад. Решение было принято единогласно. Ночью над Пжемшей приговор был приведен в исполнение. Мутные воды реки поглотили предателя.

За какие-нибудь 5—6 дней до конца мая «Офик» снова назначил мне свидание в Высоки Бжеге. Он сообщил радостное известие: оружие наконец будет нам сброшено. Соответствующую информацию он получил из Варшавы. Мы решили, что в ночь с 29 на 30 мая отряд будет дожидаться груза в районе одной из полян между Либёнжем и Бычиной. Место мы точно наметили на карте. Условились также о световой сигнализации для самолетов.

«Офик» заметил вскользь, что ожидается приезд представителя Центрального Комитета ППР из Варшавы. Он сам, естественно, тоже прибудет.

Понятна радость партизан, с которой они приняли это известие. Мы начали лихорадочно готовиться. Груз должен был принять отряд имени Я. Домбровского при участии «легальных» оперативных групп Хжановского подокруга. «Офик» предлагал, правда, укрепить наш отряд партизанами Бельского округа, однако, связавшись с «Тварды» — Леоном Лясеком, мы решили отказаться от их помощи. Наших сил было вполне достаточно.

Вернувшись со встречи с «Офиком», я заметил в отряде новое лицо. Еще один советский товарищ оказался в наших рядах, его привел к нам «Личко». Русский был совершенно истощенный, невероятно худой, оборванный и завшивевший. Товарищи заботливо ухаживали за Ваней. Разговор с ним убедил нас в том, что это действительно беглец из концентрационного лагеря. Уроженец Украины, он быстро подружился со всеми за исключением «Миколая» и «Грыцько», к которым сразу стал относиться весьма сдержанно. С «Грыцько» он, однако, часто разговаривал, но утром, в день прибытия самолета, разговор между ними перешел в громкую ссору. Дело чуть было не дошло до стрельбы.

К «Личко» он относился с наибольшим доверием и именно ему после ссоры признался в том, что «Грыцько» кажется подозрительным типом, поскольку он поймал его на неточностях, касающихся городов на Украине, в которых тот якобы бывал. В городах этих Ваня бывал тоже, и то, что говорил «Грыцько», не совпадало с тем, что знал Ваня. Не совпадали в рассказе «Грыцько» и некоторые подробности, связанные с его

пребыванием в лагере военнопленных и побегом из него. «Личко», не придав этому рассказу особого значения, не передал мне Ваниных сомнений. И это оказалось оплошностью.

29 мая, а было это на троицу, все мы были начеку. Подготовка была завершена до мельчайших деталей. Хворост для костра был собран, мы проверяли оружие, лампы. После полудня вдруг обнаружилось, что «Грыцько» исчез. Пошел за хворостом, и больше его никто не видел. Мы полагали, что он ушел далеко в лес и заблудился. Я отправил людей на поиски. Они вернулись ни с чем. Тут только «Личко» рассказал мне о Ваниных сомнениях. Я вызвал Ваню. Он высказал нам свои подозрения.

Потом мы расспрашиваем «Миколая». Он не добавляет ничего нового, предполагая, что «Грыцько» заблудился и придет к вечеру. Мы не знаем, что за роль играет «Миколай», потому что в отряд они пришли вместе с «Грыцько». Поэтому я поручаю незаметно следить за ним.

Советуемся, что делать. Отказаться ли от приема груза или ждать дальнейшего развития событий. Лесные решают ждать, «легальные» предпочли бы отказаться. В конце концов решаю принять сброшенный груз без участия «легальных», которых отпускаю по домам.

В ночь с 28 на 29 я выслал троих аловцев — «Ромека», «Рысека» и «Трока» в Ензор. Они должны были охранять товарища из Варшавы и «Офика», прибытия которых я ожидал с наступлением сумерек, за несколько часов до самолета.

С наступлением сумерек «Личко» с несколькими помощниками расставили по углам квадрата четыре лампы, покрытые красной папиросной бумагой. Примерно в полночь, услышав шум мотора, мы должны были зажечь сначала лампы, а потом и хворост в центре квадрата.

Около 23.00 осторожный и бдительный «Кропка» доложил мне, что со стороны дороги Либёнж — Бычина доносится какой-то подозрительный шум. Кратко посовещавшись и не желая отказаться от возможности принять груз, мы решаем оставаться на местах.

Все волнуются. Полночь близилась, «Офика» с представителем ЦК все еще не было. Не было и товарищей из Ензора.

Ночь стояла темная и безлунная, только где-то на небосклоне мерцали отдельные звезды. Мы напрягали слух, пытаясь уловить гул мотора. Полночь давно уже миновала. Наконец около часу ночи до нас донесся вой сирен с окрестных фабрик и шахт. Воздушная тревога. Нас охватила радость. Все мрачные мысли рассеялись. Сквозь вой сирен пробивается гул самолетного

мотора. Мы зажигаем лампы, а еще через мгновение из кучи сухого хвороста взмывает на несколько метров пламя, освещая всю поляну. Мы со всех ног бросаемся в спасительную темноту леса. Самолет совершает над нами круг, а потом уходит на запад. Мы вглядываемся в ночное небо, пытаясь увидеть парашюты. Их нет. Может, самолет еще вернется. Мы возвращаемся к костру и подбрасываем в него новую порцию хвороста. Ждем еще минут пятнадцать. Постепенно начинаем понимать, что самолет не вернется. Кто-то вполголоса ругнулся. Я приказываю погасить сигналы. Кто-то бьет лампы, срывая на них злость, еще кто-то выговаривает ему, что они еще могут пригодиться.

Дозорные со стороны Бычины подают сигнал, что кто-то бежит по направлению к нам. Это один из наших часовых. Задыхаясь, он срывающимся голосом сообщает, что на шоссе остановились машины с солдатами и полицейскими, а цепь их уже движется к лесу.

Всем ясно — мы попали в западню. Нас предали!

Я еще не знал, что мы окружены со всех сторон. Цепь, о которой только что доложили, замыкала кольцо, растянувшееся на несколько километров. Мы находились в кольце, но убедились в этом, только пытаясь вырваться из окружения. Как зайцы метались мы от Пжемши к Явожно, потом — на Хжанов и Либёнж. И всюду немцы.

Положение отчаянное. Попытка переждать облаву в укрытии означала бы верную смерть. Наспех посовещавшись, я решил ударить по железной дороге между Либёнжем и Хелмеком и пробиться в Ментковские леса. Бросив запасы продовольствия и теплой одежды, мы подошли к охраняемому солдатами полотну напротив Косувок. Светало. До нас доносились тихие голоса. В последнюю минуту подошел паровоз с двумя вагонами пополнения. Отступать мы уже не могли, да и некуда нам было отступать. Вот-вот взойдет солнце, а что для нас верная гибель.

Огнем «дырокола» «Вицек» прижимает немцев к земле. Развернутые в цепь, мы выскакиваем на насыпь, стреляя на ходу. Немцы припадают к земле, ищут укрытия за насыпью. «Миколай», за которым мы все время присматриваем, не проявляет рвения в бою и не стреляет. Мы подгоняем его криками. Передо мной возникают фигуры двух солдат, стреляющих на бегу. Один из немцев падает, а второй, уцепившись за мои штаны, пронзительно кричит. Одной рукой он держит меня, во второй у него карабин, из которого он пытается выстрелить. Отталкиваю его стволом и нажимаю на спусковой крючок, и вот я уже по другую сторону насыпи. Остальные тоже прорвались. Я слышу, что кто-то бежит за мной, оборачиваюсь и узнаю «Личко». Догнав меня, он

сообщает, что Ваня погиб на рельсах. Наконец мы добегаем до спасительной стены леса под Хелмеком. Дошли все, кроме Вани. «Вицек» и «Кропка» ранены, первый в руку, второй в ногу. Раны кровоточат, но они не серьезные.

Мы отходим в сторону Косувок и лесами, обойдя Жарки, мчимся изо всех сил. Через несколько часов мы находились уже в лесах между Ментковом и Янковице. «Личко» по дороге заскочил в дом «Зоси» и принес два праздничных калача.

Теперь всем стало ясно, что история с присылкой оружия подстроена немцами. Они стремились к концентрации наших сил в одном месте, чтобы сразу ликвидировать весь отряд. «Офик» оказался предателем. Это подтвердил и «Миколай», которого мы тут же взяли в оборот и вытянули из него всю правду. Они с «Грыцько» служили в гестапо и через «Офика» попали в отряд с заданием разведать личный состав, вооружение, места стоянок, укрытий, лиц, сотрудничавших с отрядом. Все эти сведения они должны были сообщить «Офику». «Миколай» умолял нас сохранить ему жизнь, потому что никаких сведений он ни немцам, ни «Офику» еще не сообщил. Приговор был приведен в исполнение над Вислой.

Наконец мы получили ответ на вопрос, мучивший нас с момента первомайских неудач на железной дороге. Предатель затаился в руководстве округа. Мы с волнением обдумывали способы, как помешать его дальнейшей преступной деятельности. Мы еще не знали, что было уже поздно. В то самое время, когда мы вели смертельный бой в Либёнжском лесу, гестапо нанесло удар по всей организации V округа. Через несколько дней после этой драматической ночи мы узнали, что «Ромек» был застрелен в Ензоре, а «Рысек» и «Трок» арестованы.

Жертвами провокационной деятельности «Офика» заполнялись гестаповские подвалы. Среди них оказались «Марек» — Леон Вечорек, занимавший тогда должность секретаря V округа ППР, его жена «Мария», «Крыся» — Аделя Моравец, связная округа Домбровский бассейн и моя сестра «Стася». «Стася» знала дислокацию всех боевых групп отряда имени Я. Домбровского, размещение диверсионных групп, явок и складов литературы, а также адреса многих активистов подокруга. Несмотря на пытки, гитлеровцы ничего от нее не узнали.

«Марек», который видел, как 25 июля 1944 года она шла во главе группы женщин в последний путь к газовой камере в Освенциме, так описывает эту встречу.

«Шла гордо, с высоко поднятой головой. Ее маленькую фигурку украшали длинные каштановые косы, выделяя среди

остальных женщин, у которых волосы были острижены. В какое-то мгновение «Стася» заметила меня. Легкая, полная печали улыбка появилась на ее лице. Однако она тут же исчезла, а лицо снова приняло выражение спокойствия и гордости. В этом ее спокойствии, полном внутренней силы и достоинства, чувствовалась и уверенность в победе, ради которой «Стася» отдавала свою молодую жизнь, и приказ продолжать борьбу тем, кто остался».

Они до конца выполнили свой долг. Муки их и пролитая ими кровь порождали новых борцов, которые без колебания брали на себя выполнение заданий своих павших предшественников. Место «Стаси» заняла ее сестра «Броня».

Ни у «Марека», ни у «Марии», ни у «Крыси» гестаповцам не удалось вырвать никаких сведений.

Тогда же арестовали члена окружного комитета ППР, бывшего секретаря окружного комитета в Домбровском бассейне «Вихера» — Эугениуша Годлевского, ветерана Октябрьской революции и гражданской войны в России. Он попал в засаду, устроенную на квартире связной Валерии Тжанковской. Сорок восемь часов просидели здесь гестаповцы, арестовывая всех приходящих на явочную квартиру. В числе прочих здесь были арестованы Подлевский, Зыгмунт Вошковский и его жена Гелена, связная «Мария» и несколько активистов из района Сосновца.

В эти трагические и кровавые дни в лапы гестаповских палачей попали и «Роберт» вместе со своей связной «Геленой». Произошло это, по-видимому, за несколько дней до большой облавы. Обстоятельства его ареста остаются невыясненными до сих пор. «Роберт» — Стефан Францишек — был представителем ЦК в Силезском округе и часто встречался с «Офиком».

Удар, нанесенный гитлеровцами по V округу, был подготовлен на основе подробных именных списков, составленных вне всяких сомнений при помощи «Офика».

Мы понесли тяжелые потери, была уничтожена сеть явок, были ликвидированы самоотверженные связные, нанесен удар боевым группам.

Однако оставшихся не отпугнула трагическая участь их товарищей. Ни один из нас не сошел с избранного пути. Я хотел бы, чтобы молодое поколение приобрело те черты характера, которые нам, бывшим солдатам Армии Людовой, позволили сражаться, выжить и построить новую Польшу.

ОКРУГ ВОЗРОЖДАЕТСЯ

В нашей лесной жизни произошли перемены. После разгрома либёнжского бункера мы переживали временный кризис доверия к бункерам. Особенно тревожила нас возможность внезапного нападения на весь отряд в подземном укрытии. Поэтому мы перешли на систему временных и тщательно маскируемых шалашей. Шалаши делались наспех и были неудобными, протекали и не защищали нас от холода, поэтому мы и расставались с ними без сожаления. Хотя такая кочевая жизнь доставляла нам дополнительные трудности, никто не роптал.

Важным событием в нашей жизни было и изменение меню. Мучные блюда надоели всем до отвращения. Нужно было добывать мясо. Его поставляли нам немецкие хозяйства в Янковице и Бабице, лысухи и буренки начали исчезать в лесной чаще. Таким образом нам удавалось добывать даже молоко, до которого было много охотников. Оно было редкостью и раньше почти не доставалось нам.

Бывали иногда даже такие сытые недели, когда мы ели мясо по три раза в день, подкрепляясь еще и бульоном из подвешенного по-цыгански, на железном пруте, котла. Не всегда нам удавалось съесть сразу все добытое, и тогда излишками занимался «Личко». Он укладывал мясо в посуду и закапывал в землю. Видимо, он не очень овладел этим искусством, потому что заготовленное впрок мясо частенько попахивало. К счастью, это никому не повредило. Возможно, от отравления нас спасал самогон, строго ограниченное производство которого нам пришлось наладить, чтобы спасать людей от простуды.

В первой половине июня, вернувшись в отряд после нескольких дней отсутствия, я застал там трех новичков. Это были убежавшие из лагеря советские военнопленные. Их нашел неподалеку от нашей стоянки вездесущий «Личко». Укрывшись в лесной чаще, они на небольшом костре готовили курицу. Увидев неожиданно появившегося с оружием в руках «Личко», они сначала растерялись, но потом, быстро сообразив, в чем дело, договорились с ним. Так — под направленным на них пистолетом — он привел их в отряд. Переговорив с русскими и посоветовавшись с товарищами, «Вицек» решил оставить их у нас. Двое из советских солдат были рослыми парнями. До войны Петр Новиков («Петрек») учился в ленинградском механическом техникуме. Василий Новиков («Васька») работал в Караганде, а самый маленький из них, Ян Шулик («Янек») был колхозником из-под Москвы. Они оставались с нами до самого освобождения,

принимая участие во всех операциях отряда.

В июне мы залечивали нанесенные нам раны. Я в то время был командиром округа Армии Людовой Домбровского бассейна, а после смерти «Болека» пришлось мне возглавить Хжановский подокруг. Целый месяц у меня было ощущение пустоты. Должность моя была скорее номинальной — у меня не было точных сведений о положении в районе, а редкие беседы с уцелевшими товарищами давали не очень ясную картину всего происходящего.

Однако мы не могли просто так сидеть в лесу и сложа руки дожидаться конца войны. Постепенно мы освоились с новым положением и начали осторожно завязывать контакты в городах и селах. В отряде было четверо уроженцев Домбровского бассейна, остальные были преимущественно из Хжановского района, поэтому-то лучше всего пошло у нас дело в Хжановском районе и Домбровском бассейне. Прежде чем привлекать новых людей в организацию, мы учитывали и такие обстоятельства, как место их работы и жительства, возможность свободного передвижения, соседей и прочее. В сравнительно короткое время нам удалось наладить четко работавшую сеть связных, создать явки, восстановить работу разведки, без которой и думать было нечего о серьезных боевых действиях.

На исполнительном комитете из шести человек, избранном в августе, лежала вся работа округа. До освобождения нам так и не удалось наладить контакт с ЦК. Мы действовали самостоятельно. Это не означало, что мы ничего не знали о событиях, происходивших в освобожденных районах Польши. Уже в августе мы получили экземпляр «Манифеста Польского Комитета национального Освобождения» и тут же приступили к выполнению его призывов.

Мы сформировали подпольный Воеводский Народный Совет Силезии. В него вошли восемнадцать представителей V округа. Председателем стал Здислав Вишневский, заместителем Францишек Недзюлка. В него входили товарищи Юзеф Фаруга и Адам Музык, а наш IV округ был представлен «Вицеком» и мною.

Вскоре был образован и подпольный народный совет Хжановского повята. Организовать его поручили мне.

Стоял воскресный день. В Либёнже, в шахтерский домик «Комара» — Эугениуша Трепы, в котором должно было состояться собрание, стали поодиночке приходить товарищи. И только под вечер собрались все.

Я пришел последним. Дверь мне отворили на условный стук. Из маленьких сеней «Комар» ввел меня в комнату. За столом сидело шесть человек. Могло показаться со стороны, что они

играют в карты, которые были разбросаны тут же по столу. «Комар» представил меня:

— Начальник штаба округа товарищ «Здих».

Минут пятнадцать я говорил о «Манифесте ПКНО», о необходимости создания местных органов рабочей власти на территориях, еще оккупированных немцами. С той минуты, когда первый польский или советский солдат появится в Хжанове, подпольный народный совет должен взять на себя власть в повяте. Наступили сумерки. Кто-то из присутствующих, включая электрическую лампочку, спросил, успеем ли мы закончить заседание при ее свете или придется зажигать свечи? Речь шла о перерывах в подаче тока, так как к тому времени мы уже приступили к уничтожению электролиний.

Тут уж я с полной уверенностью мог ответить, что на этот вечер у нас ничего не предусмотрено, но на ближайшие дни не худо запастись свечами.

Потом была принята присяга. Все встали и торжественно повторили:

> «Я, член повятового народного совета в Хжанове, сын польского народа, страдающего в варварском немецком рабстве, торжественно клянусь посвятить все свои способности честному труду в соответствии с велениями совести и здравого рассудка, руководствуясь судьбами народа в борьбе за Свободную, Независимую, Демократическую Польшу. Перед лицом опасности, грозящей со стороны оккупантов и прислуживающих им польских предателей, обязанности свои я буду выполнять со строжайшим соблюдением безусловной конспирации и с чувством ответственности перед Польским Народом».

Я предложил избрать председателем совета «Комара». Предложение мое было принято единогласно, и все поздравили «Комара» с новой должностью. Заместителем «Комара» стал Игнаций Буяк. Впоследствии состав совета был расширен до 16 человек. В числе прочих в состав совета вошли: Францишек Бались, Эдвард Цекера, Ян Дружбик, Макарий Юрчик, Ян Пшебиндовский, Ян Павловский, Тадеуш Пайонк и Антони Шарый. В совет вошли в большинстве члены ППР, затем представители фабричных комитетов, члены ППС и беспартийные.

Выбор «Комара» председателем совета был удачным и правильным. Когда через несколько месяцев гитлеровцы в панике покидали Хжанов, Эугениуш Трепа, войдя в здание предвоенного

старостата, тут же принял управление и не оставлял своего поста еще пять лет.

Сейчас на одном из шахтерских домиков, которых так много в Либёнже, висит памятная доска с надписью:

> «В этом доме в конце декабря 1944 г. был организован подпольный Народный Совет Хжановского повята».

Уже в июле — августе силезские партизаны Армии Людовой приступили к боевым действиям. В Домбровском бассейне возник лесной отряд под командованием «Мушки». С апреля по июль 1944 года «Мушка» сражался в нашем отряде имени Ярослава Домбровского. В июле ему было поручено организовать отряд в Домбровском бассейне. Вместе с ним ушли от нас «Сковронек», «Вацек» и «Кропка». Нам было жаль расставаться с этими хорошими и храбрыми солдатами. Несколько месяцев делили мы с ними радости и горести партизанской жизни, и это спаяло нас больше, чем обычная дружба. Очень скоро отряд «Мушки», насчитывая уже 18 человек, устроил себе бункер в околице Зомбковице. Уже 20 августа одна из групп вновь сформированного отряда совершила диверсию на железнодорожной линии Голонуг — Зомбковице, разбив паровоз и 18 вагонов, что прервало движение на 8 часов. Чтобы добыть оружие, они совершили несколько смелых налетов, в том числе на пост жандармерии в Зомбковице, на караульное помещение баншутцев, на квартиру шефа гестапо в Бендзине. С интервалами в несколько дней аловцы трижды наведывались в кассу трамвайного парка в Бендзине, реквизировав несколько десятков тысяч марок.

Вслед за майским арестом К. Сумнера — «Серпа», члена окружного комитета и штаба АЛ, Бельская организация понесла тяжелые потери. 5 августа в Вильковицах был разбит отряд «Квасного» численностью в семь человек, окруженный 32 жандармами и семью гестаповцами. Погибли на месте шесть партизан, и только одному удалось спастись. Командир отряда «Квасный» находился в то время в Бучковице в доме Лусхинского. На рассвете следующего дня немцы окружили дом Лусхинского. «Квасный» не сдавался. Сопротивляясь до последнего патрона, он погиб. Место павших заняли живые, и командование создало в начале августа отряд «Семпа» — Константия Герущака, который начал свои действия в окрестностях Тарганц Вадовицкого повята. Отряд был вооружен, а оружие его было добыто в военных казармах в Бельске. Хитроумным приспособлением удалось тогда бесшумно выломать решетку на окнах склада и захватить 2

пулемета, 29 десятизарядных карабинов новейшей конструкции, 3 пистолета и большое количество патронов. Излишки добытого оружия усилили огневую мощь отрядов «Клусовника» — Эдварда Саблика и «Менкого» — Тадеуша Хандзлика.

Интересно, что операция эта была выполнена всего лишь пятью аловцами, хотя разработанный ранее план предусматривал участие четырнадцати человек.

Несколько карабинов попало и в наш отряд. Их привезла поездом связная «Хеля» — Мария Фаруга, в специальном фанерном футляре. Ей удалось благополучно миновать Освенцим — станцию, пользовавшуюся у нас недоброй славой. Однажды именно там попали в облаву «Гранат» и «Кравец», у которых были с собой «левые» документы и оружие. Все кончилось благополучно, хотя им и пришлось пережить неприятные минуты.

Улучшилось техническое оснащение V округа. Нам удалось добыть около 8000 типографских литер и бумагу и благодаря этому отпечатать несколько сот экземпляров «Устава Армии Людовой».

Одновременно было отпечатано более десяти тысяч экземпляров обращения к польскому населению, призывавшего к саботированию оборонительных приготовлений немцев, и столько же листовок, посвященных пятой годовщине начала войны. Листовки эти были распространены среди жителей Силезии, Домбровского бассейна, Хжанова и Бельска.

Вновь созданный окружной комитет стал издавать новую газету. Она выходила раз в две недели и называлась «Кузня». Редакторами ее были Здислав Вишневский и Владислав Мартынус. Выход газеты, однако, прекратился в связи с арестом Стефана Ценцека, в квартире которого находилась наша типография.

С момента выхода Красной Армии на рубеж Вислы территория Силезии превратилась в прифронтовой район. Повсюду располагались запасные части вермахта. Днем и ночью на железнодорожных рампах выгружали военное оборудование и боеприпасы. Грузы эти развозились автомашинами по временным складам, устроенным чаще всего в лесах. Это еще больше стесняло наши действия. Однако мы быстро приспособились к новой обстановке. Был отдан приказ № 1, который требовал уничтожения линий высоковольтных передач, парализуя тем самым работу многочисленных промышленных объектов военного значения.

СТОЛБЫ

Мы разработали три метода предстоящих диверсий: подпиливание деревянных столбов, подрыв взрывчатыми веществами металлических конструкций и забрасывание стальных проволок на провода, чтобы вызвать короткое замыкание. От уничтожения или повреждения электростанций в Явожно и Серше нам пришлось отказаться, потому что объекты эти тщательно охранялись крупными немецкими силами.

В сентябре весь округ был уже подготовлен к массированному удару по энергосети. Командирам групп была предоставлена самая широкая свобода. Мы исходили из того, что, если каждая группа совершит за месяц несколько налетов, то по всему округу это составит 15—20 диверсий. А это будет ощутимым ударом, поскольку повреждение любой линии приостанавливало бы работу на трех-четырех предприятиях.

В некоторых случаях и я принимал участие в диверсиях, особенно когда дело касалось уничтожения железных мачт.

Одной из первых таких диверсий явилась попытка взорвать стальную мачту линии высокого напряжения, идущей к ИГ-Фарбениндустри в Дворах подле Освенцима. На этом большом предприятии трудилось около 30 тысяч рабочих и заключенных, согнанных сюда со всех концов Европы. Охранялось оно самым тщательным образом. Вокруг комбината в радиусе 20 километров были расположены позиции зенитной артиллерии. Внутри кольца зениток подымались на стальных тросах аэростаты заграждения, так похожие на китов. По лугам и полям были разбросаны бочки с химикалиями для создания дымовой завесы во время налетов. Наконец на луг за Пжецишувом, в 6 километрах от комбината, была свезена огромная куча веток и дров, которые во время ночных налетов поджигались для того, чтобы навести на ложный путь бомбардировщики.

На операцию я пошел с группой в составе «Хенека» — Константа Трыбуся, «Пшетака», «Зыгмунта», «Стшельца», «Рысека» и «Беглого».

Поздним вечером мы выбрались на поля между Громцом и Бобреком. Перед нашими глазами замаячила цель — огромная, напоминающая крест, стальная конструкция. В нескольких десятках метров от нее тянулась другая линия на деревянных столбах.

Мы, как обычно, выставили дозорных и принялись за работу. Мачта опиралась на четыре ноги на бетонном фундаменте.

Товарищи поочередно вытаскивали из карманов шахтерские

взрывные заряды. По заранее составленному плану «Хенек» и «Пшетак» заложили по-шахтерски «накладкой» четыре заряда у основания конструкции мачты. У каждой из ног заложили по полкилограмма динамита с фитилем и запалом. Когда динамит был обсыпан землей и утрамбован, они подали нам знак отходить, а сами со спокойствием и серьезностью старых шахтеров прикурили папиросы и, сделав по паре затяжек, подожгли папиросами фитили, предварительно растеребив их концы. Мы легли на землю на безопасном расстоянии. Секунды тянулись бесконечно. Наконец раздались взрывы.

— Эх, черт, — выругался «Хенек».

Все четыре заряда разорвались одни за другим, но только две опоры оказались вырванными из бетона. Столб стоял на оставшихся двух, чуть накренившись в сторону. Провода не оборвались. Проклиная все на свете, мы попытались забросить на провода стальную проволоку, чтобы вызвать короткое замыкание. Но все были очень взволнованы, а провода проходили на значительной высоте, и несколько попыток ни к чему не привели. Вскоре нам пришлось отказаться от своих намерений, поскольку мы заметили рядом подозрительное движение. Разделившись на пары, мы быстро отошли знакомыми тропками через поля и луга.

Настроение у всех было мрачное. Однако немцам все равно пришлось на целый день отключить ток на линии, чтобы укрепить испорченный столб.

Не прошло и недели, как мы снова отправились в тот же район. На этот раз мы принесли 6 килограммов динамита. Вся операция проходила теперь намного спокойнее. Мы заминировали столб, соседний с подпорченным в первый раз. Роль «минеров» исполняли «Пшетак» и «Зыгмунт». «Пшетак» вдруг заметил, что «Зыгмунту» не удается поджечь четвертый шнур, и он тут же поспешил ему на помощь. На ощупь отрезав часть шнура, он приложил к нему горящую папиросу. Едва «минеры» успели отбежать, как громыхнул взрыв. Ослепленные, они едва нашли друг друга. Окрестности озарились вольтовой дугой, возникшей при замыкании. Опавшие провода шипя горели на земле.

Комбинат не работал почти целую неделю. Немцам пришлось привезти из Вены новое оборудование и нескольких специалистов, так как перегорели трансформаторы и расплавились вводные каналы. Ходили слухи, что во время аварии погибло семь немцев из обслуживающего персонала.

В ту же ночь группа под командованием «Хенека» должна была произвести короткое замыкание на линии Явожно — Освенцим, неподалеку от Бобрека. Проволоку забросили удачно,

и мы издалека разглядели яркое зарево.

На обратном пути обе группы встретились в условном месте, и подле Шиек мы забросили на провода последний неиспользованный тросик. Один его конец был привязан к небольшой ольхе, а второй после нескольких попыток «Зыгмунт» забросил на провода. Тросик зацепился только за один провод, и тут мы стали свидетелями неожиданного явления. Поток яркого света с треском побежал по тросику к ольхе, направляясь в землю. Мы никак не предвидели подобного оборота дела. Однако все кончилось хорошо, поскольку провод, на котором повис тросик, перегорел. Три испорченных за одну ночь линии принесли немцам немало хлопот.

Простым, но действенным оружием явились эластичные тросики, которые мы утяжеляли металлическими грузилами на концах. При некотором навыке их можно было забросить сразу на три провода, что приводило к замыканию и обрыву. Неплохой результат давало перепиливание деревянных столбов. Три, реже — четыре человека могли за четверть часа перепилить несколько столбов и приостановить на целый день работу промышленных предприятий района. Правда, путь к объекту, который мы выбирали подальше от нашего расположения, отнимал у нас по нескольку часов.

По очень скоро иссяк запас динамита. На одну стальную мачту уходило по нескольку килограммов взрывчатки, а шахтеры могли приносить нам только отдельные заряды. Мне пришлось приказать всем диверсионным группам воздерживаться от подрывов и беречь динамит для более серьезных заданий.

По прошествии нескольких недель наш отряд окончательно освоил диверсии на линиях высокого напряжения. Даже Краков, столица Генерального Губернаторства, чувствовал наши удары. Телефонная связь прерывалась на многие часы, а слабая, мощностью всего в какие-нибудь 20 мегаватт, краковская электростанция захлебывалась от усилий, поставляя ток нескольким районам и особо важным объектам.

Уследить за огромным числом линий высоковольтных передач гитлеровцы были бессильны. С отчаяния немецкая администрация распорядилась, чтобы линии эти охраняло… польское население.

Вполне естественно, что введение подобной охраны не заставило нас отказаться от диверсий. Мы приходили вооруженные и «прогоняли» всю охрану, после чего спокойно приступали к своей работе.

Чтобы избавить местное население от репрессий, мы решили создавать видимость, что диверсии эти совершают русские. Это

было не трудно. Ведь среди аловцев находились настоящие русские, бывшие солдаты Красной Армии.

На первый же после введения польской охраны налет «Вицек», «Альбин» и «Личко» взяли с собой русских — «Ваську», «Янека» и «Петрека».

Уже на опушке леса они разглядели несколько закутанных фигур, сидящих вокруг небольшого костра. На расстоянии примерно одного километра поблескивал огонек другого костра. «Стражники» и не думали об охране столбов.

«Вицек» попросил советских товарищей подойти к костру и припугнуть стражников.

— Пошли по домам! — выкрикнул «Васька».

Слова эти были не очень понятны всем, однако «Петрек» решил продемонстрировать свои лингвистические познания и, сосредоточившись, перевел:

— Пошли в дом!

«Стражники» с радостью выполнили это приказание. Они оказались в постелях на три часа раньше, имея при этом алиби, поскольку их прогнали русские.

Тем временем «Альбин» и «Личко» принялись пилить деревянные столбы, поддерживающие линию электропередачи, ведущую к комбинату. Минут через пятнадцать подача тока в Освенцим прекратилась.

Наступили лихорадочные дни для энергетиков Серши и Явожно, а особенно для их немецкого руководства. После каждой диверсии бригады электриков высылались на место, чтобы устранить обрывы линий. Едва успевали они укрепить ослабленную взрывом стальную мачту, как нужно было ехать в окрестности Хжанова чинить сожженные провода. На следующий день усиленная бригада выезжала в Балин для устранения особенно сложной аварии. Бычинская группа под командованием «Пильннка» прервала здесь линию в 60 тысяч вольт, провода которой свалились на другую, пересекающую ее линию на Тарнов, напряжением в 110 тысяч вольт. Подача тока приостановилась на три дня.

Самой выдающейся диверсией на линиях энергопередач явился подрыв большой железной мачты на линии Явожно — Краков напряжением 60 тысяч вольт у самой электростанции в Явожно, на так называемой Рувной Гурке к северу от шахты «Фридрих Август». Операцией этой командовал комендант округа «Вицек», который подобрал для нее наиболее опытных партизан из лесного отряда. Он был родом из Бычины, хорошо знал окрестности Явожно, и это облегчило им незаметный подход к городу.

Громкий взрыв и молния свидетельствовали об успехе операции. Из донесений товарищей, работавших в Явожно, следовало, что мачта целиком рухнула на землю. Прошло 48 часов, прежде чем бригада пустила в ход линию, прикрепив провода к временным деревянным столбам.

Чтобы дезориентировать гитлеровцев, «Вицек» решил совершить обрыв линии и в другой части повята.

Во время работы над этой книгой случай столкнул меня с инженером Тадеушем Миттельштедом, сотрудником Краковского Энергетического Объединения, который весь период оккупации работал на электростанции в Серше. Он прекрасно помнит наши диверсии на столбах.

Инженер Миттельштед заявил, что требовалось как минимум 10—14 часов для ввода линии в действие, а после ряда нововведений — 4—5 часов. Если же нам удавалось свалить угловой столб, работы продолжались не менее восьми часов.

Большую активность в массированном ударе по линиям энергопередач проявили диверсионные группы под командованием «Хенека», «Зыгмунта», «Пшетака», «Пильника», «Лося» — Бронислава Кацота, «Будыня» — Юзефа Бодзенты и «Антека» — Тадеуша Малика.

Шахтеры шахт Явожно, Либёнжа, Серши и окрестных каменоломен с риском для жизни добывали и передавали нам взрывчатые материалы. Из них особенно отличились Валенты Гвуздзь с шахты «Костюшко» и Альбин Каня с каменоломни Либёнжа, которые передали нам несколько десятков килограммов взрывчатки и много запалов.

Диверсионные группы, специализировавшиеся на высоковольтных линиях, нередко разрушали также и телефонные кабели и линии. Например, группа «Пильника» перервала подземный кабель Варшава — Будапешт, а Владислав Дорынек вместе со своими аловцами повредил телеграфный кабель Катовице — Краков.

В сумме отряд Армии Людовой имени Ярослава Домбровского и диверсионные группы IV округа с сентября 1944 по январь 1945 года совершили около 70 диверсий на высоковольтных линиях передач. Было уничтожено 6 мачт металлических конструкций и около 140 деревянных столбов. Каждая диверсия приводила к многочасовым, а иногда и многосуточным простоям промышленных предприятий.

НОВЫЕ ОПЕРАЦИИ

Интенсивно занимаясь диверсиями на линиях высоковольтных передач, мы не забывали и о других формах борьбы. Правда, нанося чувствительные удары врагу, мы неоднократно и сами получали их. Поражение Германии приближалось, однако гитлеровский зверь продолжал огрызаться. В конце октября 1944 года гестапо нанесло удар по катовицкой окружной организации.

В округе действовали все еще не разоблаченные провокаторы Виктор Гролик и Герхард Камперт, которые с момента образования комитета вошли в его состав. 29 октября Гролик передал в гестапо список членов окружного комитета Катовице, и в тот же день немцы окружили дом на улице Миколовской в Катовице, где происходило собрание руководства округа. Были арестованы Жабинский, Кжак, а также представитель округа Гиль. Пал на месте «Якубович», который, отстреливаясь, пытался вырваться из окружения.

Помимо членов окружного комитета, были арестованы два активных деятеля ППР—АЛ — Флавиуш Высоцкий и Виктор Квока. Только им и удалось пережить лагерь. Все остальные погибли.

Гролика и Камперта настигла заслуженная кара. В освобожденной отчизне польские власти, доказав их преступную деятельность, приговорили предателей к смертной казни.

Когда немцы уж слишком активно начали наступать нам на пятки, мы решили провести более серьезную операцию на противоположном конце района и тем самым отвлечь их внимание.

До тех пор мы редко уходили восточнее Бабице. Дело в том, что там не было ни крупных железнодорожных станций, ни линий высоковольтных передач. Однако имелась там затерявшаяся среди лесов небольшая химическая фабрика в Квачале. За ее продукцией приезжали грузовики с военным регистрационным номером «ВХ».

Ближе всего от этой фабрики действовала группа из Боленцина. Ей было поручено разведать, как охраняется фабрика, и уяснить расположение ее важнейшего оборудования. Вскоре необходимую информацию мы получили от «Лося» — Бронислава Коцота, командира группы.

Операция проходила под командованием «Вицека» при участии лесного отряда, нескольких аловцев из Либёнжа и всей легальной группы из Боленцина, которой было поручено

прикрывать нападение партизан. После того как партизаны заняли фабрику, они разбили большие керамические цистерны с серной кислотой. Разлитая по цеху кислота разъедала металлические конструкции оборудования. На складе были уничтожены запасы химикатов. Вся операция прошла без единого выстрела. На следующее утро рабочие на допросах в гестапо показали, что фабрика была захвачена большой группой партизан, подъехавших к фабричным воротам на броневиках.

Месяц назад на эту же фабрику ворвалась группа аловцев из отряда имени Варыньского, которая, перейдя границу Генерального Губернаторства, прибыла сюда из IV краковского округа. В этом отряде было много людей из Хжановского промышленного района, и именно они были инициаторами похода в свои родные места. Командовал ими Тадеуш Грегорчик, мой сосед из Жарок. То, что немцы успели восстановить с тех пор, уничтожили мы во время последней операции.

В это время активизировалась и боленцинская группа. Все чаще поступали к нам доклады о проведенных операциях в этом спокойном ранее для немцев районе. В группе этой особенно отличались: «Бялый» — Тадеуш Мровец, «Чарный» — Тадеуш Дорынек и «Байка» — Юлиан Липняк.

Уже некоторое время боленцинская группа добивалась разрешения провести операцию с целью покарать местного крупного гитлеровца. Это был Макс Баня, немецкий комиссар по снабжению. Его резиденция располагалась в большой вилле, на окраине Боленцина, принадлежавшей ранее местному помещику. Вилла эта была местом встречи немцев, работавших в других организациях, здесь же помещалось и бюро, которым заправлял помощник Бани фольксдойч Ягелло.

Резиденция комиссара Бани являлась одновременно и складом для реквизируемых продовольственных товаров, очевидно, поэтому она была обнесена солидной оградой, и, кроме того, в резиденции имелась постоянная охрана. Раздобревший и всемогущий комиссар милостиво подкармливал и других немцев. Благодарный командир расположенной неподалеку части зенитной артиллерии присылал каждую ночь двух солдат для охраны герра комиссара и награбленного у поляков добра.

Все эти подробности сообщил нам «Лось», который в это время работал на вилле у комиссара каменщиком.

К «Вицеку» не нужно было обращаться дважды. Он тут же выразил согласие и взял на себя командование.

Больше всего его соблазняла перспектива добыть себе автомат, потому что в ту пору мы оба все еще пользовались моим «дыроколом». Не упустили мы из вида и возможность добыть

изрядную сумму на орграсходы.

«Лось» взялся открыть окно в подвал.

На следующий день в сумерках «Вицек» вывел из леса восемь партизан. Поскольку их никто в Боленцине не знал в лицо, им и предстояло совершить нападение на комиссара. Пять человек из группы «Лося» с несколькими аловцами из Либёнжа должны были нести охрану около здания.

К полуночи все они подошли к дому и один за другим спустились в подвал через открытое окно. «Лось» подвел людей к дверям канцелярии. «Личко» и «Альбин» заняли места на лестнице, ведущей на второй этаж в квартиру комиссара.

Прежде всего следовало расправиться с солдатами. Согласно нашим данным, они после вечернего обхода должны были находиться у телефона в канцелярии.

«Вицек» шел первым. Он осторожно нажал ручку, дверь оказалась запертой. Он отошел шага на два и ударил в нее всей тяжестью. Дверь распахнулась, и «Вицек» с автоматом в руках оказался в комнате. В этот же момент крупная овчарка с громким лаем бросилась на него. С диванчика вскочил спавший солдат. Тут «Зыгмунт» — Владислав Трыбусь — открыл огонь из пистолета. Пес захрипел и свалился на пол. Одна из пуль попала и в солдата. Раненый залез под стол, а его карабином завладел «Зыгмунт». Послышались шаги в соседней комнате. «Вицек» догадался, что там находится второй солдат.

— Руки вверх! — закричал он. — Иначе брошу гранату!

Сидящий под столом дрожащим голосом уговаривал товарища сдаваться. Тот вошел в комнату с поднятыми вверх руками.

Приступили к тщательному обыску. Пистолет-автомат МП, карабин, охотничье ружье, мелкокалиберка, ракетница, ручные гранаты и большое число патронов явились наградой за все труды.

Солдаты сообщили партизанам, что комиссара нет дома. Была приведена его растрепанная жена и прислуга. Дрожащая от страха жена комиссара молила о пощаде. На лице стоявшей за ее спиной прислуги написано было явное удовлетворение.

Кладовая комиссара имела, по понятиям военного времена, великолепные запасы. Копчености, смалец, варенье, сахар, мука и различные лакомства — у ребят головы пошли кругом от одних только запахов. «Личко» позаботился о том, чтобы пополнить наши запасы. Остальные продукты были уничтожены.

В семь часов утра «Лось», как обычно, появился на работе в имении комиссара. Там застал он сущий ад. Немцы уже успели стянуть сюда массу своих людей, рассыпавшись широкой цепью,

они прочесывали леса, рощи, дома.

Пользуясь последним своим посещением Боленцина, «Вицек» рекомендовал «Лосю» расширить деятельность и приняться за диверсии на железной дороге. Правда, по этому району проходила второстепенная линия из Тжебини на Спытковице, однако во время заторов или перерывов в движении на других участках сюда направлялись и фронтовые эшелоны.

— Вы способны на большее, чем подпиливание столбов, — соблазнял он его.

Имея в своем распоряжении старого «железнодорожника» «Альбина», присланного в партизанский отряд в качестве инструктора, боленцинцы уже известным методом развинтили рельсы и отступили в лес. На этот раз им не повезло. Ночь была лунная, и пограничники заметили подготовленную западню. Они тут же оповестили близлежащую станцию, и поезд задержали.

Когда «Лось» смущенно докладывал мне об этой неудаче, я утешил его тем, что оккупантам пришлось усилить патрулирование и на этой второстепенной линии, раздробляя свои и без того тающие силы.

В третьей декаде октября боевые отряды Армии Людовой V округа совершили удар по коммуникационным линиям, отмечая XXVII годовщину Октябрьской революции. Немцы предвидели это и усилили в предпраздничные дни охрану железнодорожных линий, прибегнув к помощи воинских частей. Несмотря на это, нам удалось провести ряд диверсий «на рельсах». На линии Хжанов — Явожно боевая группа из Бычины под командованием «Пильника» и при участии «Хенека» из Либёнжа, который принес для этого ключи, пустила под откос два товарных состава.

В Бельском округе отряд имени «Марцина» под командованием «Граната» пустил под откос товарный состав на линии Бельско — Катовице, а также почти полностью уничтожил скорый воинский поезд в окрестностях Забжега на перегоне Освенцим — Зебжидовице. При этом погибло несколько десятков офицеров и солдат вермахта.

После нападения на фабрику в Квачале мы решили совершить нападение на какой-нибудь крупный промышленный объект. После длительных споров выбор пал на фабрику «Батя» в Хелмеке. Там работало около трех тысяч рабочих и изготовлялась обувь для немецкой армии. В окрестностях было множество других промышленных объектов.

Планируя нападение на фабрику «Батя», я учитывал и то, что она находилась всего в 5 километрах от освенцимского лагеря. Если бы нам удалось захватить и поджечь ее, это было бы радостное зрелище для узников.

Захватить фабрику — дело нелегкое. Она была расположена рядом с охраняемой баншутцами железной дорогой. В нескольких сотнях метров от нее находилась огневая позиция зенитчиков. В самом Хелмеке много вооруженных немцев, а примерно в двух километрах от фабрики казармы Райхсарбайтсдинста. На место предполагаемой операции очень быстро могли прибыть отряды армии и полиции из близлежащих городов. Учитывая все это, нам приходилось действовать быстро и решительно, тщательно избегая встречи с немцами.

Операцию я назначил на воскресенье 10 декабря 1944 года. Мы выбрали воскресенье, потому что некоторые цеха фабрики по этим дням не работали, что в известной степени облегчало нашу задачу.

10 декабря в послеобеденные часы на той же самой поляне, где в мае мы дожидались выброски груза с воздуха, собралось 18 аловцев. Среди них были люди из лесного отряда, а также члены боевых групп из Либёнжа и Бычины.

В нашем распоряжении имелся один ручной пулемет, 2 автомата, карабины, пистолеты и гранаты. Мы вооружились также топорами и ломами для разбивания машин. Отряд был разбит на группы по 2—3 человека. «Рысек» и «Стжелец», работающие на фабрике, прекрасно знали, где находится охрана и цехи.

Около 18.00 мы двинулись в сторону фабрики. Вскоре перед нами выросли темные, угрюмые стены, слабо освещенные из-за боязни воздушного налета.

«Вицек» вместе с двумя аловцами перебрался через высокую ограду и ломом вырвал замок. Ворота распахнулись, и отряд ворвался на территорию фабрики. Нашим советским товарищам было поручено прикрывать нас во время операции и при отходе.

Беспрепятственно прошли мы ворота и группами, согласно плану, стали приближаться к строениям. Едва прошли мы первые здания, как стражник выкрикнул: «Хальт!» и выстрелил. В ответ посыпался град наших нуль. «Васька» короткими очередями бил из ручного пулемета по удиравшим стражникам. Одна из наших групп ворвалась в караульное помещение и проходную. И там завязалась перестрелка. Часть стражников была разоружена и заперта, остальные разбежались.

Еще в проходной мы уничтожили телефонные аппараты и сигнальную систему.

«Васька» побежал со своим ручным пулеметом на отведенную ему позицию. Он должен был расположиться на небольшом пригорке у входных ворот и огнем перекрыть подходы, если вдруг появится помощь охране. В темноте он попал в бассейн с водой, чуть подмерзший и припорошенный снегом. «Пильник» решил

ему помочь и тоже выкупался. Однако, не обращая внимания на мороз, они побежали на свои места и продержались там, пока не был подан сигнал отходить.

Захват фабрики отнял у нас не более 5 минут. А потом только и началась настоящая работа, главным инструментом в которой были кувалды и топоры. Началось соревнование, кто больше нанесет ущерба. Мы искали наиболее уязвимые места, чтобы как можно быстрее вывести из строя точные механизмы. В некоторые просто стреляли из карабинов. В цехе, где находились легко воспламеняющиеся материалы — ацетон, бензин, смазочные масла, часть бочек продырявили, а «Зыгмунт» поджег ацетон. Вспыхнуло огромное желтоватое пламя. Через несколько минут бочки уже рвались с грохотом.

Это послужило сигналом к завершению операции. Трудно сказать, сколько времени мы были фактическими хозяевами фабрики. Я полагаю, около часа. После выполнения задания отдельные группы выбрались за фабричную ограду, прихватывая по пути пласты выделанной кожи. Покидая территорию, я оглянулся: фабрика горела. Зрелище это напомнило мне встречу чешского богача с бастующими рабочими «Бати» перед войной. Не желая идти навстречу их требованиям, он небрежно протянул им спичечную коробку в серебряной оправе и сказал: «Вот вам спички, подожгите эту конуру и не будем мучатся ни вы, ни я». Сейчас фабрика горела и без его согласия.

Снег затруднял наш отход, так как в нем оставались глубокие следы. А тут еще снег перестал идти, и распогодилось.

Лесами мы добрались до самого Хжанова, стараясь, чтобы следы затерялись на протоптанных дорожках или на дорогах.

Когда вечером после проведенной разведки «Беглый» связался с нами, мы узнали, что согласно кружащим по Хелмеку слухам операция была проведена силами крупного отряда партизан или даже регулярной Красной Армии. Рассказывали, что нападавшие были вооружены небольшими пушками и приехали на машинах. Все эти фантастические версии только дезориентировали оккупантов.

Наша разведка установила также, что погоня, организованная гестапо, жандармерией из Освенцима, Хжанова и Хелмека, а также артиллерийской частью, закончилась столкновением двух групп немцев. Гестаповцы, завидя в лесу своих же артиллеристов, приняли их за партизан и открыли огонь. Солдаты артиллерийской части ответили им тем же. Перестрелка продолжалась довольно долго.

На следующее утро у ворот фабрики «Батя» вместе с прочими рабочими оказались и те, кто ночью уничтожал ее. Часть из них

назначили на разборку двух сгоревших фабричных цехов, а остальных отправили по домам. Производство было остановлено на много дней.

ЗНАМЕНА СВОБОДЫ

Во второй половине 1944 года мы усилили нашу агитационно-пропагандистскую деятельность. Многие члены ППР, несмотря на угрозы смертной казни, не только не сдали свои радиоприемники, но и различными способами приобретали новые. В определенные часы их добывали из укромных мест и внимательно слушали передачи из Москвы и Лондона, а позже и люблинскую радиостанцию. Известия тщательно записывали и перепечатывали на машинке или — что бывало чаще — переписывали от руки через копирку.

Распространение сводок на производствах не представляло особых трудностей. Их получали доверенные товарищи, а прочтя, передавали другим, а те — следующим. Часто сводки подбрасывали на рабочие места или совали в карманы спецодежды.

Знакомство с положением на фронтах, последними событиями в мире и на нашей польской земле давало прекрасную почву для дискуссий и обмена мнениями. В ходе подобных бесед мы завоевывали все новых людей, пополнявших ряды ППР и АЛ. Осенью 1944 года ППР и АЛ были самыми многочисленными организациями на территории IV округа. В каждом из девяти районов (Жарки, Либёнж, Хелмек, Мысляховице, Псары, Боленцин, Явожно, Хжанов, Бычина) было в среднем по нескольку десятков членов партии ППР и АЛ.

К общему числу организованных товарищей следует прибавить также в четыре, в пять раз превышающее число сочувствующих и сторонников ППР, которые неоднократно в тяжелые минуты с риском для жизни поддерживали нас своей помощью и по мере сил наносили ущерб оккупантам.

Наша борьба и пропагандистская работа дали свои результаты. Поэтому я не удивился, когда 30 марта 1945 года выяснилось, что партийная организация ППР Хжановского повята насчитывает 3000 членов, а еще через несколько месяцев возросла до 4000.

Без действенной помощи общественности мы оказались бы не в состоянии провести столько и так широко запланированных боевых операций.

Все больше было сирот и вдов, все больше голода и нужды. Были случаи, когда люди питались собачьим мясом. Нам необходимо было изыскивать средства для организованной помощи. Этими делами занимались подпольные народные советы. Актив составлял списки семей, нуждавшихся в помощи,

списки арестованных, а также собирал фонды и средства для закупки продовольствия на черном рынке. Но из наших личных взносов едва ли удалось бы много собрать.

И мы начали собирать дань с предателей. При виде партизан лица у них бледнели, они начинали бормотать о своей лояльности по отношению к Польше, отпирались от сотрудничества с немцами. Дрожащими руками выкладывали на стол немецкие марки.

В центре нашего подпольного движения, в Либёнже, неподалеку от костела на главном шоссе, ведущем в Освенцим, за ресторанной стойкой орудовал фольксдойч Бохенек. Его ресторан, расположенный на оживленном месте, всегда был переполнен. И отправился к нему с «Вицеком». Перед рестораном стоял военный грузовик.

В первом зале у стойки сидело всего несколько человек. Прилегающее помещение «Нур фюр дойче» было заполнено солдатами.

Бохенек, видимо, инстинктивно что-то почувствовал.

— Вам что-нибудь угодно? — начал он, заикаясь.

— Угодно! — ответил я. — Нам нужно минутку поговорить. Только не здесь. В квартире.

Владелец ресторана растерянно развел руками и в отчаянии уставился на дверь, ведущую в помещение «только для немцев».

Без дополнительных объяснений он понял, что любое сопротивление дорого ему обойдется, и проводил нас в свою квартиру.

— Но, господа, что вам от меня нужно, что я сделал? — оправдывался он, поглядывая на двери и рассчитывая на то, что кто-нибудь из немцев выручит его из беды.

— За то, что ты делал все эти годы, с тобой рассчитается Польша. А пока что у тебя есть некоторая возможность хоть немного исправить зло. Польский Народный Совет нуждается в деньгах, чтобы осушить слезы тех, которые страдают от твоих дружков.

— Мы выдаем самые настоящие квитанции, — объявил «Вицек».

— Ах, господа, — бормочет коллаборант, — так и нужно было сразу сказать.

Он тут же принялся перечислять, сколько хорошего сделал для поляков, и, вытащив бумажник, отсчитал триста марок. Подумав с минуту, он с купеческим размахом добавил еще две сотни.

— В случае чего вы, господа, засвидетельствуете, что я не жалел денег для Польши, — предусмотрительно попросил он.

Он жадно схватил и несколько раз перечитал расписку, данную от имени польских подпольных властей. Расписку эту он использовал после освобождения на судебном процессе, где он обвинялся в отступничестве от польского народа.

С большими трудностями удалось нам раздобыть белую и красную материю для флагов и нарукавных повязок. Хжановская земля должна была бело-красным цветом встретить советских и польских освободителей.

Однажды «Комар» сообщил нам, что в магазин на окраине города на улице Шпитальной поступили различные текстильные товары. Группой из 2 человек ноябрьским вечером мы отправились в Хжанов. Предприятие это было довольно рискованным, поскольку магазин находился в 500 метрах от главного тракта Катовице — Краков, на котором царило оживленное движение. Часто военные колонны для короткого привала сворачивали с этой магистрали в боковую улочку, где и размещался магазин. Однако на этот раз все было спокойно. Выломав дверь, мы оказались внутри. Белого и красного полотна здесь было более чем достаточно.

Через несколько дней добытый материал перешел в руки товарищей, а их жены и дочери уселись за работу. Шитье бело-красных повязок АЛ, национальных и рабочих флагов, а также знамен ППР шло полным ходом. По вечерам за тщательно затемненными окнами в квартирах Глажевских и Цекеров в Хжанове, Никитиных и Трыбусей в Либёнже, Косовских и Дружбиков в Жарках, у Розалии Лесь в Бычине, Хелены Лент и Пайонков в Мысляховице кипела работа. Готовые партии нарукавных повязок тут же относили на пункты, а оттуда они переправлялись командирам групп и отделений. Флаги и знамена, упрятанные в подушках и перинах, дожидались минуты освобождения.

Вступающие на землю Хжанова освободительные войска были встречены красными знаменами и национальными польскими флагами, развевавшимися на многих зданиях.

Уже с осени 1944 года партийные комитеты, а также вновь образовавшиеся подпольные народные советы готовились взять власть в свои руки. Следовало сохранить как можно больше производственных предприятий, способных выпускать продукцию с первых же дней освобождения.

В хжановском округе ППР в каждом из значительных предприятий были созданы фабричные комитеты. На фабрике паровозов в Хжанове, на угольных шахтах «Артур» и «Збышек» в Серше, «Янине» в Либёнже, в Явожновских угольных шахтах, на

цементном заводе «Гурка» подле Тжебини, на заводе и нефтеочистительном заводе в Тжебини, на электростанциях в Серше и Явожно рабочие, вдохновленные товарищами, а зачастую и по собственной инициативе организовывали охрану своих предприятий.

Фабричные комитеты не только охраняли предприятия. Там, где это было возможно, они старались сохранить для рабочих небольшие запасы продовольствия.

Время не ждало. Оккупанты, несмотря на крикливую пропаганду, которая заверяла, что советское наступление будет остановлено на границах империи, предусмотрительно демонтировали и вывозили машины на запад.

Под надзором специальных воинских подразделении слесари и механики разбирали отдельные механизмы. Рискуя быть расстрелянными на месте, рабочие прятали детали, подкладывали вместо новых старые, давно изношенные. У многих машин нарезка болтов вдруг оказывалась сорванной, и их невозможно было отвернуть. И тем не менее много ценного оборудования попало в немецкие руки. В таких случаях рабочие, которых вместе с машинами эвакуировали в глубь империи, получали задание установить места выгрузки награбленного оборудования. Таким образом большое количество оборудования было быстро опознано владельцами и возвращено им после освобождения.

Немецкие руководители промышленных предприятий до последнего дня верили, что фронт устоит. Когда же то здесь, то там стали глубоко прорываться вперед советские танковые подразделения, среди немцев воцарилась полнейшая неразбериха и паника. Они бежали, не имея времени уничтожить предприятия. Это всеобщее замешательство ловко использовалось бдительными фабричными комитетами. На электростанциях горстка наиболее отважных, чуть не падая с ног от усталости и голода, следила за тем, чтобы в котлах была вода и чтобы не угасали топки.

Настоящими героями оказались неизвестные шахтеры, которые с риском для жизни отчаянно боролись за то, чтобы шахты не оказались затопленными. Шахта это один огромный колодец. Достаточно на сутки прекратить откачку воды с ее дна, чтобы вывести ее из строя на несколько месяцев. В зависимости от степени повреждений и количества вывезенного немцами оборудования шахтерам приходилось преодолевать бесчисленные трудности.

По лестницам, преодолевая тысячи ступеней, люди отважно спускались в подземелье, чтобы обслуживать главные насосы, откачивавшие воду. Их товарищи на поверхности с помощью

пожарных насосов подавали воду в котлы и тачками доставляли уголь на электростанции. Шахтеры на глубине 300—500 метров следили за работой насосов. Часто выходили из строя вентиляционные приспособления, было нечем дышать, гасли карбидные лампы. Однако немцам не удалось затопить шахты.

Наконец руководство округа приказало всем округам и партизанским отрядам приготовиться к оказанию помощи фронтовым частям Красной Армии. Десятки наших разведчиков рыскали но району, устанавливая расположение укреплений и огневых позиций немцев. Был составлен целый ряд схем и чертежей с самыми свежими данными.

Наше внимание привлекли приготовления гитлеровцев к созданию линии обороны по реке Пжемше, которая должна была преградить дорогу в Верхнюю Силезию. 21 января я направил «Альбина» — Станислава Ловеца — на запад навстречу Красной Армии. Снабженный официальными документами командования Силезского округа АЛ, он укрылся у товарищей по подполью в окрестностях Боленцина. Через два дня туда порвались первые советские танки. Все наши материалы, касающиеся подготовки немцев к обороне, «Альбин» передал штабу наступающей части и был включен в разведывательную группу, оснащенную двумя рациями. Группу эту он привел в наш район. Часть разведчиков разместили в Либёнже Малом, а с остальными он добрался до лесов над Пжемшей в окрестностях Елени. Радисты впоследствии по рациям управляли артиллерийским огнем и бомбардировками с воздуха во время подготовки к переправе через реку.

Аловцы из лесного отряда «Мушки» также заранее прорвались через линию фронта и вступили в контакт с Красной Армией.

Члены боевых групп Домбровского бассейна, сотрудничая в качестве проводников с советскими войсками, приняли непосредственное участие в сражении с затерявшейся в окрестностях Стшемишице немецкой частью.

В предшествующие освобождению дни отряд имени Я. Домбровского был разбит на мелкие группы. Партизаны пребывали у товарищей в Либёнже, Жарках и Менткове, а также в укрытии над Вислой у «Щепана» — Щепана Пегзика, аловца, всегда готового прийти нам на помощь.

«Щепан» пережил трудные и опасные годы оккупации и по-прежнему остался шахтером, как и многие другие члены ППР и аловцы.

В ночь освобождения с 25 на 26 января 1945 года я вместе с «Вицеком» находился у Никитиных в Либёнже. Вместе с остальными мы прятались в погребе от падающих то там, то здесь снарядов. Немцы собирались обороняться и хозяйничали по

домам, выгоняя жителей для различных услуг. Визит немцев к Никитиным чуть было не закончился трагически для «Вицека», который, желая избежать встречи с гитлеровцами, выскочил незаметно в окно, но тут же, у самого дома, был остановлен солдатами. Он показался им подозрительным и был без документов. Ему с трудом удалось уговорить немцев подвести его к погребу. Мы тут же принялись горячо убеждать их, что «Вицек» здешний и что мы его прекрасно знаем. Немцы поверили и ушли.

Утром Либёнж был уже свободен. Измученные тревожном ночью, но радостные и счастливые, мы после первых братских объятии с советскими солдатами двинулись в находящийся в 7 километрах Хжанов. Был среди нас и «Комар» — Эугениуш Трепа, председатель подпольного народного совета. По дороге нас обгоняли движущиеся на Хжанов автомашины и танки. На ходу мы затянули песню, посвященную памяти «Струга» — Владислава Пальки. Он погиб в 1943 году в Бычине, мы его смерть отмечали по-солдатски, сложив о нем эту песню. Она стала гимном отряда. По привычке мы пели ее тихо, как будто вокруг все еще были немцы. Свободе и вольности нам еще только предстояло учиться.

Партизанские ночи были позади…

notes

Примечания

1

Олькуский район до 1946 года относился к Келецкому воеводству.

2

Подлинное распоряжение немецких школьных властей предоставил в распоряжение автора руководитель средней школы в Бобреке магистр Ян Муха.

3

Характерно, что до момента освобождения Хжановский район имел самый большой процент польского населения (80).

4

Я писал об этом в книге «Было в Польше время» (Краков, 1969).

5

«Легальными» называли тех членов подполья, которые сотрудничали с нами, не покидая своих занятий и постоянного места жительства. «Нелегальными» называли тех членов, которым приходилось скрываться от немцев или которые постоянно пребывали в лесу.

6

В результате провокации в Оцепки гестапо в числе прочих арестовало в ноябре 1942 года первого полномочного представителя ЦК ППР и ГЛ в Домбровском бассейне Петра Дронжкевича, погибшего потом в Освенциме.

7

Юлиан Сливиньский родился 8 мая 1908 года в Гурах Лушовских. С юных лет он связан с левым движением, а во время гражданской войны в Испании сражался под командованием генерала Кароля Сверчевского. Весной 1942 года стал членом ППР и солдатом ГЛ. Сначала работал в округе Лева Подмейска, а оттуда был направлен в Домбровский бассейн.

8

«Все колеса вертятся для победы» *(нем.)*.

9

Трудовой фронт.

10

Кто там? *(нем.)*.

11

Стой! Документы, пожалуйста *(нем.)*.

12

Это были беглецы из немецкого лагеря для военнопленных, которые нашли убежище у окрестных жителей. Около двух недель назад их привел в отряд «Желязко» — Адам Хынек из Серши.

13

Станислав Лациньским до войны работал на угольных шахтах Домбровского бассейна. В качестве офицера республиканской армии принимал участие в боях в Испании, а потом был интернирован во Францию. На родину вернулся в 1942 году. Член ППР, командир округов ГЛ Лева Подмейска и Домбровского бассейна. Погиб в Прушкуве в феврале 1944 года.

14

После выхода в свет первого издания этой книги я получил от профессора Людвика Жука, узника освенцимского лагеря № 37939, письмо, которое я привожу здесь с небольшими сокращениями.

15

Об издевательствах над узниками мне сообщил Стефан Косовский, один из арестованных партизан.

В настоящее время живет в Кракове и работает учительницей.

17

Оригинал в ВГА Катовице.

18

Ежемесячная общая сводка о чрезвычайных происшествиях за октябрь 1943 года. ВГА Катовице.

19

Оригинал в ВГА Катовице.

20

Шнельцуг фюр фронтурляубер — скорый поезд для фронтовиков-отпускников.

21

Оригинал в ВГА Катовице.

22

Оригинал в ВГА Катовице.

23

Отрывок из сборника «Воспоминания солдат ГЛ и АЛ», Варшава, 1962.

24

Оригинал в ВГА Катовице.